

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 13.

ЮЛЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Бо́гъ въ природѣ. Проф.-Прот. І. Галахова	1—15
Божество Іисуса Христа въ признаніи невѣрующихъ философовъ. Свящ. Гр. Н. Корсуна	16—37
Познаніе и его объектъ. (Продолженіе). И. С. Продана	38—50
Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. (Окончаніе). П. Нечаева	51—72
Существуютъ ли безсознательные психическіе процессы и если существуютъ, то какова ихъ дѣйствительная природа. (Окончаніе). А. Покровскаго	73—83
Русская литература о вселенскихъ соборахъ. Священ. В. Платонова	84—102

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Списокъ воспитаницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Списокъ воспитанниковъ Куяненскаго духовнаго училища.—Отъ Правленія Куяненскаго духовнаго училища.—Отъ Совѣта Дергачевской второклассной учительской школы.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Время пророка Іліи и наше время. (Слово). **Свящ. П. Курскаго**.—Миссіонерскій листокъ. Расколъ старообрядчества въ селѣ Дементевкѣ, Харьковскаго уѣзда. **Свящ.-Мис. С. Холопова**.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 103—144).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., д. № 14.

1912.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

==== Т. III. №№ журнала 13—18. =====

За 1912 годъ.

Богъ въ природѣ. Проф.-Прот. I. Галахова, стр. 1—15.

Божество Иисуса Христа въ невольномъ признаніи невѣрующихъ философовъ. Свящ. Гр. Н. Корсуна, стр. 16—37, 168—191.

Познаніе и его объектъ. И. С. Продана, стр. 38—50, 192—202, 342—360, 476—494, 631—645, 773—788 *).

Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. П. Нечаева, стр. 51—72, 203—222, 361—372, 454—475.

Существуютъ ли бессознательные психическіе процессы и если существуютъ, то какова ихъ дѣйствительная природа. А. Покровскаго, стр. 73—83.

Русская литература о вселенскихъ соборахъ. Свящ. В. Платонова, стр. 84—102, 223—254, 373—389, 511—519.

Философско-богословское выясненіе способа вездѣприсутствія Божія. А. Мышкина, стр. 145—167.

Эсхатологія св. Иринея Ліонскаго въ связи съ современными ему эсхатологическими воззрѣніями. Свящ. В. Киановскаго, стр. 289—308, 431—453.

Вѣра и ея свойства. Н. Ястремскаго, стр. 309—341.

*) См. сл. т.

О современномъ мнимо научномъ невѣрїи и его несо-
стоятельности. Прот. Н. Федоровскаго, стр. 390—400.

Геккель и Гете. Н. П. Цвѣтковой, стр. 495—510.

Епархіальные миссіонеры, какъ преподаватели „Обли-
ченія расколо-сектанства“ въ Духовныхъ Семинаріяхъ. І. Б.
стр. 520—526.

Объ избранїи и поставленїи епископовъ въ первые три
вѣка. Ө. Владимірскаго, стр. 573—591, 735—756 *).

Основная идея книги Екклезіастъ. П., стр. 592—617.

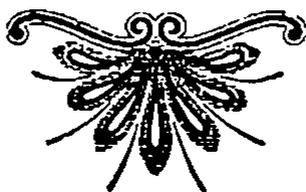
Наука безъ религіи. П. С. Гдѣшинскаго, стр. 618—630,
757—772 *).

Искусство краснорѣчія и наука выразительнаго чтенія
въ духовныхъ школахъ. І. Б. стр. 646—654.

Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговица на
службѣ по духовно-учебному вѣдомству. Прот. І. Пичеты,
стр. 655—676, 801—824 *).

Къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. Прот. Т. И. Бутке-
вича, стр. 717—734 *).

Психическое оостояніе умирающихъ, по новѣйшимъ
наблюденіямъ психо-фізіологовъ. А. Бабакова, с. 789—800.

*) См. сл. т.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 13—18, за 1912 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, стр. 103—113.

Списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, стр. 113—116.

Отъ Правленія Купянскаго духовн. учил., с. 116—117.

Отъ Совѣта Дергачевской второкласной школы, с. 117.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго книжнаго Комитета, стр. 117—118, 529, 829.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 118—120, 255—256, 402—404, 527—529, 680—682, 826—829.

Отъ Государственнаго банка объявленіе, стр. 401—402,

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, стр. 677.

Отъ Харьковскаго Отдѣленія Попечительства Государынн Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ, стр. 678—680.

Приемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 825.

Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, с. 825—826.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержанія
и другія.

Время пророка Иліи и наше время. (Слово). Свящ. П. Курскаго, стр. 121—124.

Расколъ старообрядчества въ селѣ Дементѣевкѣ, Харьковскаго уѣзда. Свящ.-Мис. С. Холопова, стр. 125—127.

Бесѣда. Свящ. В. Григоревича, стр. 257—265.

Къ матеріаламъ для жизнеописанія иже во святыхъ Отца нашего Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго Чудотворца, стр. 405—408.

Ко дню памяти перенесенія мощей святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, 30 августа. Свящ. В. Григоревича, стр. 409—414.

Рѣчь. Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго, стр. 529—532.

Слово. Прот. П. Фомина, стр. 532—538.

Государственное значеніе духовенства въ исторіи св. Руси, стр. 538—544.

За отрезвленіе народа. Прот. П. Фомина, стр. 682—695, 830—840 *).

Непринужденная бесѣда. Свящ. Н. Липскаго, с. 695—702.

Позволяетъ ли Слово Божіе посѣщать православнымъ сектантскія молитвенныя собранія? Свящ. Н. Кузубы, стр. 702—709.

III.

Епархіальная хроника.

Освященіе храма въ селѣ Большой-Бабкѣ, Харьк. губ. Свящ. Г. Цыбулевскаго, стр. 127—130.

Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Прот. І. Котова, стр. 130—140.

Посѣщеніе Преосвященнымъ Теодоромъ слоб. Каплуновки (Богод. уѣзда). Свящ. А. Краснокутскаго, стр. 266—269.

Закладка храма въ деревнѣ Димитріевкѣ, Ахтырскаго уѣзда. Архимандр. Аѳанасія, стр. 269—274.

50-ти лѣтній юбилей псаломщика сл. Перекопа, Валковскаго у., К. П. Богославскаго, стр. 275—276.

*) См. сл. т.

Некрологъ. Свящ. І. Евфимова, стр. 276—278.

Экскурсія учащихъ и учащихся Велико-Бурлуцкой второклассной школы на Кавказъ въ Симоно-Канонитскій Ново-Аѳонскій монастырь. С. П. Л. стр. 414—421.

Некрологъ. Свящ. В. Корякова, стр. 421—422.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 709—710.

50-лѣтній юбилей священника о. Александра Подольскаго. Свящ. Н. Сергѣева, стр. 710—712.

Годичное собраніе братчиковъ Бѣловодскаго отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго религіозно-просвѣтительнаго Братства Озерянской иконы Божіей Матери. Свящ. Григорія Карпова, стр. 841—845.

Миссіонерскій съѣздъ духовенства 4-го округа Харьковскаго уѣзда іюля 30 дня с. г. Свящ. Сергѣя Якубовича, стр. 845—848.

Некрологъ. Свящ. Вл. Краснокутскаго, стр. 848—849.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Съѣздъ настоятелей и настоятельницъ монастырей, стр. 140—141.

На выборахъ церковнаго старосты, стр. 141—142.

Архипастырское воззваніе Преосвященнаго Симеона, Епископа Самарскаго, пастырямъ церкви Самарской, стр. 278—282.

О крещеніи евреевъ, стр. 282.

Новые курсы, стр. 282—283.

Архипастырское воззваніе къ духовенству Самарской епархіи, стр. 422—425.

Резолюціи Всероссійскаго Съѣзда практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, бывшаго въ Москвѣ, стр. 544—550.

Архипастырское посланіе преосвященнаго Алексія, епископа Саратовскаго, стр. 550—551.

Посланіе къ паствѣ архипастыря Калужскаго, стр. 551—552.

Примѣръ, достойный подражанія, стр. 552—554.

По вопросу о сборахъ, стр. 712—713.

Объ установленіи суда чести для духовенства, стр. 713—714.

Краткосрочные курсы для законоучителей среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній Казанскаго Учебнаго Округа, стр. 850—853.

† Архимандритъ Іеронъ, стр. 853.

Осужденіе газетнаго кощунства Тамбовскимъ епископомъ, стр. 853—854.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ, стр. 143—144.

Внѣшнее и внутреннее, стр. 283—285.

О реформѣ прихода, стр. 285—286.

Масоны, стр. 286—287.

Церковныя школы въ Голландіи, стр. 287—288.

Въ защиту русскаго духовенства, стр. 426—427.

Тайны хлыстовщины, стр. 427—430.

Вліяніе родителей-алкоголиковъ на слабоуміе дѣтей, стр. 430.

Бородинская битва, Н. П. Михневича, стр. 554—564.

Воспитаніе католическаго духовенства въ Германіи, стр. 564—567.

Гоненія на вѣру и церковь въ странахъ „свободы“, стр. 567—569.

Священникъ кооператоръ, стр. 569—571.

Преданія забыты, стр. 714—715.

Герои 1812 года. Прот. Панормова, стр. 854—857.

Що ти воюєш.

Върою разумѣемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Іюля 1912 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ.

БОГЪ ВЪ ПРИРОДѢ *).

IV.

Ботаника.

До сихъ поръ мы были въ царствѣ мертвой природы. Но она оказалась живою. Абсолютнаго покоя нигдѣ не нашлось,—ни въ безконечныхъ пространствахъ астрономическаго поля, ни въ самыхъ мельчайшихъ частицахъ вещества. Повсюду жизнь, движеніе, суета. Ученые готовы оставить традиціонное дѣленіе природы на два царства органическое и неорганическое: до того тѣсно они сблизились между собою. Куда ни обратишь свой взоръ, повсюду видишь, и чувствуешь себя въ храмѣ Бога живаго.

Но дѣло въ томъ, что природа развертываетъ передъ нами разныя картины жизни. Есть жизнь, бросающаяся въ глаза, гдѣ она бьетъ ключемъ, сама напрашивается на размышленіе. Возьмите любое растеніе, самый простѣйшій организмъ, самое несовершенное насѣкомое. Тутъ вы безъ помощи ученаго догадываетесь о жизни, о происходящемъ процессѣ. Но возьмите металлы, камень, кристаллъ. О движеніи частицъ напр. въ камнѣ вамъ не въ состояніи сообщить даже микроскопъ и только самый позднѣйшій, усовершенствованный видъ его, ультрамикроскопъ, покажетъ вамъ вѣчное движеніе частицъ въ металлѣ и минералѣ. И все равно вы этой жизнью не останетесь довольны: вѣчное движеніе туда и сюда, притяженіе и отталкиваніе по одному шаблону. Никакого разнообразія не даетъ эта деталь міровой жизни. Мало пищи для ума и сердца. И вы невольно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1912 годъ.

и съ большей симпатіей стремитесь туда, гдѣ жизнь разнообразна, гдѣ ея формы поражаютъ своимъ великолѣпіемъ и красотой, цѣлесообразностью и разумностью, свидѣтельствуя о премудрости мірового Строителя.

Изслѣдованіемъ растительнаго царства занимается *ботаника* (греч. βοτάνη—трава, животный кормъ). Изучая и классифицируя богатство земной флоры, ботаника въ настоящее время опредѣляетъ болѣе полумилліона видовъ растеній, образующихъ отдѣльныя группы или семейства. И это все еще не точная и не окончательная регистрація. Ученые продолжаютъ открывать все новые виды растеній.

Но премудрость, художественность и красота растительнаго царства раскрываются не столько въ его разнообразіи, сколько въ самой организаціи любого растенія. Чтобы дать себѣ отчетъ о дѣйствительныхъ чудесахъ въ жизни растеній, сорвите листочекъ какого нибудь растенія и помѣстите его подъ микроскопомъ. И вы убѣдитесь въ дѣйствительности художественнаго замысла, разумной творческой работы. На первый взглядъ вы видите лишь одну блестящую или покрытую едва замѣтными пушинками кожицу. Между тѣмъ это цѣлый и очень сложный аппаратъ, совершающій различныя отправленія. Микроскопъ открываетъ въ листѣ очень тонкую сѣть или ткань нервовъ, переплетающуюся въ различныхъ направленіяхъ, ячейки и хлорофильныя зерна. Такова внутренность листа, закрытая сверху крышей со множествомъ слуховыхъ отверстій, открывающихся и закрывающихся по мѣрѣ надобности.

Количество отверстій соотвѣтствуетъ количеству ячеекъ, заключающихъ въ себѣ хлорофильныя зерна. Отверстія даютъ проходъ воздуху, влагѣ и другимъ веществамъ, но они не всегда раскрыты одинаково. Тонкія микроскопическія наблюденія доказали, что устье ячейки расширяется при свѣтѣ и влажной атмосферѣ и суживается въ темнотѣ и въ сухой средѣ.

Листъ растенія исполняетъ ту же работу, какъ легкія въ тѣлѣ животнаго. Ими растеніе дышитъ. Поэтому все фізіологическое и анатомическое строеніе листа приспособлено къ тому, чтобы легче выполнить эту работу. Чтобы легче дышать растенію, необходимы свѣтъ, воздухъ и влага. Въ тѣхъ случаяхъ, когда растенія не могутъ пользоваться свѣ-

томъ въ достаточной мѣрѣ, ихъ листья начинаютъ играть роль органовъ опоры. Они изгибаются въ крючки, удлиняются въ видѣ нитей, свертываются винтообразно. Такимъ образомъ растенія прикрѣпляются къ деревьямъ, стѣнамъ, столбамъ и поднимаются къ свѣту. Листья дѣлаются руками съ различнымъ количествомъ пальцевъ. Нѣкоторые виды гороха имѣютъ руки съ тремя и пятью пальцами, которыми они хватаются за деревья. И замѣчательно, что эти руки у нихъ являются только тогда, когда нужно, судя по высотѣ гороха.

Когда дѣло идетъ о самозащитѣ отъ вредныхъ вліяній, листья дѣлаются чешуйчатыми, покрываются или волосами въ видѣ плотнаго войлока или смолистымъ веществомъ, не пропускающимъ влагу, покрываются шипами, иглами, колючками, предохраняющими растеніе отъ насѣкомыхъ и травоядныхъ животныхъ. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ защиты служить для нѣкоторыхъ видовъ растеній выдѣляемая ими ѣдкія вещества или масла, обладающія неприятнымъ запахомъ. Кромѣ органовъ защиты, нѣкоторые растенія владѣютъ оружіями нападенія. Не всегда насѣкомое питается растеніемъ. Существуютъ плотоядные виды растеній, для которыхъ сами насѣкомыя служатъ пищей. Листья мухоловки образуютъ капканы для насѣкомыхъ. Они снабжены чувствительными волосками, которыми и захватываютъ въ плѣнь тѣхъ насѣкомыхъ, которыя имѣютъ неосторожность сѣсть на нихъ. Нѣкоторые листья содержатъ щелочно-кислую жидкость, въ которой насѣкомое растворяется и всасывается растеніемъ. Существуютъ растенія—птицеловы, получившія это названіе благодаря придаткамъ, которыми они клюютъ, хватаютъ, кусаютъ.

Мы привыкли думать, что художественнымъ вкусомъ обладаетъ одинъ человѣкъ, и называемъ эстетическія склонности принадлежностью человѣка, однимъ изъ его духовныхъ отличій. Однако стремленіемъ къ красотѣ растительная природа отличается не менѣе человѣка. „Посмотрите на полевые лиліи, сказалъ Іисусъ Христосъ, какъ онѣ растутъ: ни трудятся, ни прядутъ; но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей своей славѣ не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ“ (Мѡ. VI, 25—29).

Мы гордимся произведеніями искусства человѣка, но

часто все искусство человѣческое состоитъ только въ вѣрномъ воспроизведеніи растительной природы, богатства ея красокъ и тоновъ, правильности и симметричности ея формъ. Многие художники, произведенія которыхъ считаются гениальными, всю силу своего дарованія употребили на то, чтобы подражать природѣ. Въ числѣ самыхъ лучшихъ украшеній нашихъ гостинныхъ, столовыхъ, пріятныхъ при всѣхъ человѣческихъ празднествахъ считаются цвѣты. Они украшаютъ голову молодыхъ женщинъ въ дни бракосочетаній; ихъ кладутъ около ложа умершихъ; разводятъ на могилахъ. Лаская своею красотою человѣческой взоръ, цвѣты выдѣляютъ тонкія благоуханія. Все искусство добыванія и обработка духовъ состоитъ въ томъ, чтобы извлечь и выдѣлить пахучія вещества, находящіяся въ цвѣтахъ. Благоуханія, добываемыя химическимъ путемъ, есть лишь грубое подражаніе тѣмъ пахучимъ веществамъ, тайну состава коихъ знаютъ только цвѣтки.

Когда вы идете въ лѣсу, вамъ слышится шопотъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Но для ученаго шопотъ древесныхъ листьевъ имѣетъ другой смыслъ; ему извѣстно, что листьями деревья живутъ, дышутъ, питаются, одѣваются, украшаются; что въ листьяхъ существуютъ милліоны лабораторій, гдѣ непрерывно совершается органическая работа, физическіе процессы и химическія соединенія; что въ листьяхъ происходитъ постоянный обмѣнъ веществъ,—усвоеніе необходимыхъ и выдѣленіе негодныхъ, поглощеніе, всасываніе, испареніе, выдѣленіе. Всякое дерево есть въ полномъ смыслѣ слова живое существо для человѣка ученаго. И шопотъ древесныхъ листьевъ говоритъ ему о тайнѣ жизни; въ нихъ онъ слышитъ голосъ Существа, Которое одѣваетъ полевою лилію такъ, какъ не одѣвался Соломонъ.

Впрочемъ, чтобы видѣть въ растеніяхъ жизнь, не нужно быть и ботаникомъ. Слѣдуетъ только не закрывать глаза и ушей передъ совершающимся чудеснымъ процессомъ. Во многихъ случаяхъ наблюдателю не нужно микроскопа, когда представляется случай убѣдиться въ томъ, что растеніе живо. Обратите вниманіе на цвѣточный горшокъ, стоящій у васъ въ комнатѣ на окнѣ. Попробуйте не мѣнять его положенія 2—3 дня и вы увидите, какъ растенію необходимо солнце и свѣтъ: всѣ его листья мало по малу обращаютъ

свою поверхность къ окну, перпендикулярно къ солнечнымъ лучамъ такъ, чтобы получить наибольшее количество свѣта. Это явленіе называется гелиотропизмомъ и обнаруживаетъ въ листѣ особую чувствительность какъ въ живомъ существѣ.

Спятъ-ли растенія? Существуетъ много явленій, которыхъ иначе какъ сномъ ничѣмъ нельзя объяснить. Только не во всѣхъ растеніяхъ замѣтны слѣды сна и бодрствованія. Но что темнота дѣйствуетъ на растеніе, надѣленное особою чувствительностью, въ этомъ убѣдиться не трудно. Существуютъ цвѣты, свертывающіеся ночью и развертывающіеся днемъ; существуютъ растенія, которыя съеживаются въ темнотѣ и выпрямляются при свѣтѣ поднимаются и опускаются, просыпаются и засыпаютъ. Растеніе мимоза настолько чувствительно къ свѣту, что въ темнотѣ, ночью, оно даетъ полную иллюзію сна: всѣ его лапки сомкнуты, опущены внизъ. Но съ первыми проблесками свѣта они поднимаются, выпрямляются, и все растеніе получаетъ естественный видъ.

Чувствительность растеній иногда обнаруживаетъ себя въ такихъ-же формахъ, какъ у животныхъ. Существуетъ растеніе діонэя, недотрога, которое не переноситъ ни колебанія, ни прикосновенія, ни даже шума. Въ окрестностяхъ Генуи въ паркѣ всегда можно видѣть толпу любопытныхъ вокругъ великолѣпнаго экземпляра такой недотроги. Раздражаемая толпою, она постоянно то свертывается, то развертывается, давая полную иллюзію живого существа. Въ Индіи наблюдаютъ, какъ цѣлыя поля „недотроги“ свертываются и вянутъ, когда проникаетъ въ нихъ травоядное животное. Обманутое этимъ явленіемъ, животное немедленно перемѣняетъ пастбище. Всѣ движенія этого растенія направлены въ сторону самозащиты и обнаруживаетъ самую тонкую чувствительность, какъ у животнаго. Интереснѣе всего то, что оно теряетъ чувствительность подъ вліяніемъ тѣхъ-же причинъ, какія дѣйствуютъ на животныхъ и человека. Анестезированное парами хлороформа, растеніе позволяетъ трогать себя сколько угодно, не производя никакихъ сокращеній и свертываній.

Листвою растеніе одѣто, корнемъ оно укрѣплено въ землѣ. Листвою оно дышетъ и отчасти питается, но главное

питаніе даетъ растенію корень. Самый механизмъ всасыванія корнемъ питательныхъ веществъ настолько удивителенъ, разуменъ и въ тоже время простъ, что невольно наводитъ на размышленія. Питаніе происходитъ посредствомъ всасыванія пищи изъ земли сквозь стѣнки корневыхъ волосковъ. Процессъ всасыванія подчиняется закону осмоса. Это весьма любопытное явленіе, по которому двѣ жидкости различной насыщенности или густоты, раздѣленные порозной перепонкой, смѣшиваются между собою такъ, что болѣе густая притягиваетъ на свою сторону болѣе жидкій растворъ. Растворы, находящіеся въ растеніи, болѣе густы, чѣмъ въ почвѣ. Поэтому они притягиваютъ къ себѣ сквозь пары корневыхъ волосковъ изъ почвы жидкіе питательные растворы разныхъ солей (фосфорно-кислыхъ, азотно-кислыхъ и сѣрно-кислыхъ); это происходитъ до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе жидкостей въ растеніи и въ окружающей корни почвѣ. Но какъ только равновѣсіе нарушается, всасываніе опять возобновляется. Питанію верхнихъ частей растенія содѣйствуетъ физическій законъ капиллярности (волосности). Въ тканяхъ растенія существуетъ много тончайшихъ трубочекъ, по которымъ растворенный въ корнѣ питательный сокъ поднимается кверху, вопреки закону тяжести.

Говоря о работѣ корня и физико-химическихъ процессахъ питанія, нельзя не обратить вниманіе на процессы, необъяснимые никакими механическими причинами. Дѣло въ томъ, что корневые волоски даютъ пропускъ лишь тѣмъ почвеннымъ растворамъ, которые полезны растенію и не пропускаютъ вредныхъ. Такимъ образомъ корень растенія умѣетъ дѣлать выборъ веществъ, находящихся въ почвѣ,—явленіе до сихъ поръ не получившее сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія.

Что касается направленія корня въ землѣ, оно также поражаетъ цѣлесообразностью. Главный корень всегда направляется книзу, чѣмъ сообщается дереву устойчивость; боковыя развѣтвленія располагаются на известной глубинѣ горизонтально. При этомъ на направленіе корней оказываетъ сильное вліяніе влажность почвы. Гдѣ почва влажнѣе, туда направляются и корни. Корни дерева, посаженнаго на берегу рѣки, направляются къ рѣкѣ. Не располагая ни слухомъ, ни зрѣніемъ, ни обоняніемъ, углубленные въ почвѣ,

корни тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ совсѣмъ не механически, повинуются какому-то инстинкту, не слѣпому и не безсознательному, но дѣйствующему планомѣрно. И невольно приходитъ на мысль, не скрывается-ли позади этихъ удивительныхъ явленій невидимый регуляторъ, который дѣйствуетъ въ нихъ такъ же, какъ отецъ, который своею рукою водить руку ребенка, при обученіи письму?

Отъ корня перейдемъ къ стволу растенія. Если главный корень устремляется къ центру земли (геотропизмъ), главный стволъ растетъ въ направленіи прямо противоположномъ, вытягиваясь въ одну съ корнемъ прямую линію къ зениту. Ясно, что положеніе ствола повинуется закону тяжести. Впрочемъ, дѣйствіе свѣта оказываетъ на положеніе ствола не меньшее вліяніе. Самый слабый свѣтъ способенъ наклонить въ свою сторону самый толстый стволъ, если свѣтъ падаетъ на растеніе съ одной только стороны. Но бывають иногда явленія совершенно обратныя (отрицательный фотогиронизмъ и геотронизмъ), когда растеніе не повинуется закону тяжести и тяготѣетъ болѣе къ темнотѣ, нежели къ свѣту. Тутъ дѣйствуютъ силы мало изученныя и непонятныя, составляющія тайну природы, но тѣмъ не менѣе не разрушающія идею цѣлесообразности. Фіалка и земляника своими побѣгами и шнурочками незамѣтно крадутся между другими растеніями, и, будучи выставлены на свѣтъ, снова ищутъ возможности укрыться отъ него. Очевидно, это полезно для растенія, для развитія цвѣтовъ и ягодъ.

Своею вершиною растеніе всегда устремляется къ небу. Но когда стрѣла главнаго ствола срѣзана,—ближайшія боковыя вѣтви принимаютъ вертикальное направленіе, какъ-бы становясь на замѣну главной. Какая причина такого явленія,—неизвѣстно. Пытались объяснить его существованіемъ нервной системы у растеній, но вѣдь и присутствіе нервной системы само по себѣ еще не объясняетъ тайны явленія.

Стволъ растенія состоитъ изъ сердцевины, древесины и коры. Послѣдняя служитъ одеждой ствола и соединяется съ нимъ особой тканью слизистаго характера (камбій). Кора въ свою очередь состоитъ изъ лыка, пробковаго слоя и на-кожницы. И въ древесинѣ и въ корѣ находится масса сосудовъ и трубокъ разной формы, которые благодаря необычайной тонкости (волосности), способствуютъ перенесенію

сока, всосаннаго корнями. Въ сѣтчатыхъ трубкахъ лыка выработанный сокъ то поднимается къ вершинѣ ствола, то опускается къ корню. Пройдя до вершины дерева по всѣмъ жилкамъ листа, сокъ питаетъ растеніе, выращиваетъ его въ высоту и толщину. По разрѣзу дерева можно вычислить его возрастъ. Въ немъ можно наблюдать концентрическіе слои, откладывающіеся ежегодно. Дерево имѣетъ столько лѣтъ, сколько глазомъ различается колець. Нѣкоторымъ деревьямъ ботаники приписываютъ тысячелѣтній возрастъ. Въ Сенегалѣ растетъ баобабъ. На сломанныхъ стволахъ этого дерева насчитываютъ до 6 тысячъ колець. Ихъ считаютъ современниками египетскихъ пирамидъ. Ихъ окружность достигаетъ 40 метровъ, ихъ листва образуетъ сводъ въ 200 метровъ. Самымъ толстымъ деревомъ на землѣ считается „капитальста лошадей“, растущій на склонахъ Эты. Но, судя по количеству колець, ему насчитываютъ 1900 лѣтъ.

Наоборотъ земная флора содержитъ и такіе экземпляры растеній, которые въ нѣсколько недѣль прозябаютъ, проростаютъ, поднимаются на высоту, даютъ цвѣты, приносятъ плоды, сѣютъ спѣлыя зерна и наконецъ умираютъ (напр. „весенній былъникъ“); у нѣкоторыхъ весь этотъ процессъ органической жизни продолжается всего нѣсколько дней (напр. „тысячелистникъ“). Эти различные примѣры долговѣчности растеній указываютъ намъ на крайнее разнообразіе и ужасающее богатство растительныхъ формъ.

Описаніе чудеснаго строенія растеній не было-бы полнымъ, если-бы мы не сказали объ ихъ воспроизведеніи. Всѣ удивительныя явленія растительной жизни, всѣ органическіе процессы имѣютъ начало въ ничтожномъ зернѣ. Здѣсь получаютъ свое начало корень, стволъ и листъ, форма, цвѣтъ и запахъ. Въ зернѣ кроется таинственное начало растительной жизни, тамъ заложена возможность дальнѣйшаго развитія, тамъ сокрытъ импульсъ роста, размноженія, наследственности, приспособленія,—всего, что отличаетъ организмы среди застывшихъ неорганическихъ формъ. Бросьте лопатку земли въ цвѣточный горшокъ. Положите туда зерно рѣдьки, и оно выработаетъ вамъ и накожницу краснаго цвѣта и бѣлую мясистую мякоть и зеленый листъ. Положите въ одну и ту же землю зерно тюльпана, жасмина, шиповника, хлѣбныя зерна, картофель и что хотите,—и всѣ они по своему

обрабатываютъ вещества, въ землѣ находящіяся, всё возьмутъ что нужно для образованія формы, цвѣта, вида, запаха, вкуса; объема и т. д. Между тѣмъ, посвятите той же самой работѣ все новѣйшее знаніе, всё химическія лабораторіи вселенной, усиліе останется безплоднымъ и трудъ напраснымъ. Ученому Бертелло стоило огромныхъ усилій добыть ваниллинъ, который въ теплыхъ странахъ вырабатывается въ изобиліи простыми орхидеями и гораздо лучшаго запаха. Какой траты интеллектуальнаго труда и мускульной энергіи стоятъ человѣку огромныя сооруженія. Какая же сила скрывается въ зернѣ эвкалипта, которое меньше зерна ржи,—если изъ него въ концѣ концовъ вырастаетъ гигантское дерево? Мы должны въ благоговѣніи смириться предъ этою силою, предъ этою премудрою творческою работою, съ которою не можетъ идти въ сравненіе никакая человѣческая работа.

Однако, вникнемъ въ детали этого чудеснѣйшаго изъ всѣхъ чудесныхъ явленій органическаго процесса.

Въ интересахъ размноженія сѣмена многихъ растеній производятся въ такомъ огромномъ количествѣ, что съ трудомъ поддаются даже исчисленію. Въ маковой коробочкѣ насчитываютъ до 32 тысячъ зеренъ, въ табакѣ до 360 тысячъ. Микроскопическія зерна исполинскаго ликоподія считаютъ десятками милліоновъ. Удивительна заботливость нѣкоторыхъ растеній въ сохраненіи сѣмянъ, приводившая въ восторгъ всѣхъ наблюдателей. Блаж. Іеронимъ много размышлялъ объ искусствѣ *бигноніи* въ сохраненіи зеренъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою клѣточку, обложенную ватой, гдѣ его нѣжныя крылья тщательно расправлены и укрыты отъ холода. Человѣку подобная укладка надѣлала бы много хлопотъ.

А сколько въ сѣменахъ и зернахъ приспособленій для разсѣиванія. Зерно хлопчатника напр. заключено въ пушокъ, легко уносимый вѣтромъ. Зерно осины для той-же цѣли покрыто шелковистыми волосками, зерно березы снабжено двумя крылышками. Вообще летательные аппараты сѣмянъ поражаютъ своимъ разнообразіемъ: имѣютъ виды аэроплановъ, парашютовъ, крыльевъ различной формы, шлемовъ, кисточекъ и т. д.; благодаря воздушнымъ теченіямъ они переносятся на огромныя разстоянія. Растенія водяныя вы-

рабатываютъ для своихъ сѣмянъ плавательныя приспособленія въ видѣ раковины, лодки, корыта, барки. Нѣкоторыя сѣмена плаваютъ съ помощію весель или подъ парусомъ, другія похожи на бутылъ, третьи закрыты воскомъ для непромокаемости. Есть зерна, которыя могутъ и летать и плавать, напр. сѣмена ивы (вербы). Они окутаны паутинною шерстью, благодаря чему вѣтромъ уносятся вдаль, а на водѣ плаваютъ, не смачиваясь, какъ лисій пушокъ.

Впрочемъ, не всѣ растенія для разбрасыванія своихъ сѣмянъ полагаются на волю вѣтра или водяныхъ теченій. Иногда они сами разбрасываютъ свои сѣмена. Стручекъ обыкновенной акаціи послѣ высыханія съ трескомъ лопаются и скручиваются, — отъ чего всѣ заключенныя въ немъ зерна летятъ въ разныя стороны. Нѣкоторые виды мховъ разбрасываютъ свои сѣмена (споры) толчками гибкаго, натянутою волоса, аппаратомъ, напоминающимъ пружину. Трудно даже перечислить всѣ остроумные способы, царящіе въ растительной природѣ, когда дѣло касается размноженія потомства. Иныя зерна снабжены крючками, скобками, шипами, которыми прицѣпляются къ шерсти животныхъ и къ человѣческой одеждѣ (лопушникъ), и такимъ путемъ переносятся въ разныя мѣста. Птицы также далеко переносятъ сѣмена въ своихъ желудкахъ, особенно тѣ, которыя не поддаются дѣйствию желудочнаго сока и выбрасываются способными къ прорастанію.

Таковы способы, къ которымъ прибѣгаетъ растеніе для рассѣиванія своихъ сѣмянъ. Самыя-же поразительныя явленія происходятъ въ растительномъ мірѣ тогда, когда дѣло касается рожденія и развитія зерна, воспроизведенія новаго растенія. Предъ этими чудесами отступаютъ всѣ произведенія человѣческой изобрѣтательности, искусства и техники.

Размноженіе растеній происходитъ путемъ полового акта въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Безполое размноженіе замѣчается только среди самыхъ простѣйшихъ и несовершенныхъ организмовъ. Лишай и нѣкоторые виды мховъ размножаются и разрастаются путемъ клѣточного дѣленія. По отношенію къ половому акту растенія дѣлятся на двѣ категоріи, однополыхъ и двуполыхъ. Половые органы двуполыхъ помѣщаются на одномъ и томъ-же растеніи и часто (хотя не всегда) въ одномъ и томъ-же цвѣткѣ. Что касается

однополыхъ (береза, дубъ, орѣхъ, пальма и т. д.) растеній, то ихъ отдѣльные, разнаго пола, индивидуумы часто бываютъ значительно удалены другъ отъ друга. Половое соединеніе растеній происходитъ черезъ опыленіе. Тамъ, гдѣ мужской и женскій органъ соединены въ одномъ цвѣтѣ, опыленіе тычинкою (муж. орг.) пестика (жен. орг.) происходитъ болѣе легкимъ способомъ, хотя все-же не безъ участія постороннихъ силъ. Наоборотъ тамъ, гдѣ мужскіе и женскіе органы не находятся на одномъ цвѣткѣ, а на разныхъ, иногда удаленныхъ другъ отъ друга на значительное разстояніе, опыленіе можетъ произойти только при участіи на-сѣкомыхъ.

Прежде всего два слова о прямомъ опыленіи двуполыхъ. Если не подозрѣвать въ немъ дѣйствіе Разумнаго фактора,—явленіе останется совершенно непонятнымъ. Передъ нами цвѣтокъ тюльпана. Онъ стоитъ прямо, вертикально. Чтобы пыльца съ тычинокъ, окружающихъ пестикъ, упала на послѣдній, необходимо, чтобы пестикъ былъ короче тычинокъ. Въ природѣ такъ и сдѣлано. Но есть цвѣтки висячіе, опрокинутые, наклоненные (напр. у фуксіи); въ нихъ тычинки короче пестика, такъ что падающая съ тычинокъ пыль попадаетъ на рыльце пестика, расположенное ниже. Если цвѣтокъ горизонталенъ, тычинки бываютъ равны съ пестикомъ опять съ тою-же цѣлюю. Словомъ куда не обратишься, всюду замѣтны слѣды предусмотрительности, приспособленія, намѣренія, разумнаго инстинкта. Есть напр. растеніе *рута*. Въ немъ можно наблюдать такіа цѣлесообразныя движенія тычинокъ, которыя повинуются какъ-бы невидимой рукѣ. Всѣ тычинки цвѣтка руты расположены горизонтально, а пестикъ вертикально. Казалось-бы опыленіе въ такихъ условіяхъ невозможно. Но мало-по-малу одна изъ тычинокъ выпрямляется, становится отвѣсно и прикладываетъ свой пыльникъ къ рыльцу пестика. Затѣмъ пыльникъ раскрывается и постепенно опыляетъ пестикъ. Когда высыпется все содержимое пыльника, тычинка медленно опускается и снова укладывается въ прежнемъ горизонтальномъ положеніи. Какъ только первая тычинка улеглась на свое мѣсто, вслѣдъ за ней выпрямляется и направляется къ рыльцу пестика вторая тычинка, за нею третья, четвертая и т. д. до самой послѣдней. Когда опыленіе кончилось, роль

цвѣтка кончена: онъ блекнетъ и увядаетъ. Можно-ли видѣть во всемъ этомъ дивномъ явленіи случайный, чисто механическій процессъ? Для здраваго смысла это невозможно.

Способы опыленія настолько разнообразны, что было-бы очень трудно дать ихъ полное описаніе. Но ихъ цѣлесобразность, разумность и премудрость одинаковы повсюду, куда ни кинешь взоръ. Опыленіе однополыхъ совершается посредствомъ вѣтра, которымъ переносятся мужскія сѣмена одного растенія къ пестикамъ другого. Этотъ процессъ болѣе или мѣнѣе случайнаго характера, и не ему одному цвѣтковые растенія обязаны своимъ размноженіемъ. При бракѣ цвѣтовъ разнаго пола самыми важными посредниками служатъ насѣкомыя,—пчелы, шмели, осы, бабочки, жуки, мухи. Привлекаемая прекраснымъ цвѣтомъ и запахомъ, перелетая отъ одного цвѣтка къ другому въ поискахъ душистаго, сладкаго сока, насѣкомыя переноситъ на своихъ ножкахъ, спинкахъ, хоботкахъ мужскую пыль однихъ цвѣтовъ къ женскимъ органамъ другихъ. Блескъ цвѣточной окраски, острота запаха привлекаютъ всего больше пчелъ, этихъ вѣчныхъ и безкорыстныхъ труженицъ. Ихъ тѣло сплошь косматое, ихъ ножки, снабженныя щеточками, служатъ великой цѣли. Пчела поминутно садится на цвѣты и хоботкомъ сосетъ медовую жидкость, заключенную въ чашечкѣ вѣнчика. И въ тотъ моментъ, когда она съ жадностью пьетъ медоносный сокъ, она обсыпается со всѣхъ сторонъ золотымъ дождемъ оплодотворяющей пыли. Съ этою ношею она летитъ отъ цвѣтка къ цвѣтку и когда встрѣчаетъ женскій органъ,—оставляетъ часть пыли на клейкой поверхности пестика. Опыленіе произошло, благодаря пчелѣ.

Скажутъ,—пчела ищетъ пищу и совершенно случайно переноситъ пыльцу съ цвѣтка на цвѣтокъ: причемъ тутъ цѣлесобразность и гдѣ разумность? Развѣ это не случайный механическій процессъ? Конечно, пчела не сознаетъ своихъ дѣйствій и не понимаетъ ихъ значенія для воспроизведенія растительной жизни. Но мы по свойствамъ своего разума имѣемъ ясное пониманіе цѣли этихъ дѣйствій. Мы понимаемъ, зачѣмъ пчела имѣетъ косматую одежду и щетки и не перестаетъ жужжать въ поискахъ любимой добычи. Мы знаемъ, почему цвѣтокъ издаетъ прекрасный запахъ,

имѣеть яркую окраску и виденъ издали, почему его тычинки мучнисты, а пестикъ липокъ, почему его медоносный сокъ скрытъ глубоко въ самомъ сердцѣ цвѣтка. Для насъ представляется ясною эта удивительная согласованность строенія растеній съ одной стороны, инстинктами и одеждою насѣкомыхъ съ другой. Мы усматриваемъ въ этомъ цѣлесообразномъ взаимодействіи одну изъ деталей міровой картины Художника, отблескомъ Его творческой мысли.

Нѣсколько словъ касательно опыленія подводныхъ растеній. Смоченная водою цвѣточная пыль дѣлается неспособною къ оплодотворенію. Поэтому во всѣхъ водяныхъ растеніяхъ имѣются предосторожности противъ вреднаго вліянія воды на зерна цвѣточной пыли. На югѣ Франціи растеть „валлиснерія“—двуполное водяное растеніе, но его мужскіе и женскіе органы живутъ на отдѣльныхъ стволахъ. Женскіе органы, пестики, помѣщаются на длинныхъ, очень тонкихъ, винтообразныхъ ножкахъ. Когда наступаетъ время оплодотворенія, винтъ постепенно развертывается и цвѣтокъ выступаетъ на поверхность воды, гдѣ и распускается. Напротивъ, мужскіе цвѣты сидятъ на короткихъ ножкахъ въ глубинѣ воды. Казалось-бы тутъ непреодолимое затрудненіе. Но оно устраняется слѣдующимъ способомъ.

Еще задолго до тѣхъ поръ, пока тычинки съ оплодотворяющею пылью будутъ раскрыты, весь мужской цвѣтокъ въ видѣ нераскрывающагося бутона отрывается отъ растенія, поднимается на поверхность воды. Только здѣсь онъ раскрывается, носится между женскими цвѣтками и, сталкиваясь съ ними, высыпаетъ на нихъ свою пыль. Впрочемъ, и тутъ большею частью на помощь приходятъ тѣ же насѣкомыя и переносятъ пыль тычинокъ на пестики женскихъ цвѣтовъ. Когда оплодотвореніе такъ или иначе совершилось, винтообразная нить женскаго цвѣтка опять начинаетъ свертываться, укорачиваться, и снова погружается въ воду для того, чтобы тамъ созрѣло зерно и дало ростокъ. Что же касается до мужскихъ цвѣтковъ, то они, исполнивъ свое назначеніе, вянутъ и умираютъ на поверхности воды.

Явленіе это едва-ли нуждается въ объясненіи. Если оно не цѣлесообразно, если въ немъ не видна рука Верховнаго Міроправителя,—то пусть механисты отыщутъ свое

объясненіе. Во всякомъ случаѣ оно способно привести въ замѣшательство всѣ ихъ догадки.

Трудно оторваться отъ тѣхъ величественныхъ картинъ, которыя раскрываются біологіей. Вы присутствуете и становитесь свидѣтелями самой глубокой изъ всѣхъ тайнъ—тайны жизненнаго органическаго процесса. Ваша анализирующая мысль стремится понять и опредѣлить эту тайну. Вы съ восторгомъ встрѣчаете всякую попытку къ ея раскрытію. Откуда начало органическаго процесса и въ чемъ его сущность?—таковы два кардинальныхъ вопроса, которыми занимаются біологи, не чуждые философіи. По отношенію къ первому всѣ усилія біологовъ до сихъ поръ оставались тщетными. Никакіе лабораторные опыты не давали результатовъ, и ученымъ ничего не оставалось кромѣ признанія *generatio aequivoca*, —т. е. гипотезы произвольнаго зарожденія. Объ этой гипотезѣ еще Негели сказалъ: „отрицать ее, значитъ утверждать чудо“. При этомъ одно забылъ почтенный ученый, что и его механическое *generatio aequivoca* предполагаетъ не менѣе великое чудо, пока оно утверждается догматически безъ великаго опытнаго доказательства.

Понятно, съ какимъ интересомъ недавно была встрѣчена новая гипотеза норвежскаго ученаго Арреніуса, по которой земная органическая жизнь оказывается космическаго происхожденія. Земля, одѣтая атмосферою, въ своемъ поступательномъ движеніи по міровому пространству встрѣчаетъ органическіе зародыши съ другихъ планетъ, которые, попавъ въ сферу земнаго притяженія, падаютъ на землю. Гипотеза остроумная, подтверждается доказательствами (напр. тѣмъ, что холодъ междупланетнаго пространства не въ состояніи убить жизнеспособности зародыша), не рѣшаетъ главнаго вопроса о жизни,—откуда органическая жизнь и какъ зародилась.

Она лишь переноситъ вопросъ о началѣ жизни съ земли во вселенную. При такихъ условіяхъ вопросъ о началѣ органической жизни нужно считать неразрѣшеннымъ.

Второй вопросъ о сущности жизненнаго процесса встрѣчаетъ не менѣе важныя затрудненія. Болѣе того, при механическомъ объясненіи органическая жизнь остается совер-

шенно непонятною, полною загадкой. Механисты могутъ дать лишь болѣе или менѣе удовлетворительное описаніе органическихъ процессовъ, сущность которыхъ остается для нихъ неуловимою. Конечно, мы обязаны большой благодарностью всѣмъ біологамъ за ихъ труды и ожидаемъ дальнѣйшихъ плодовъ отъ ихъ ученыхъ изслѣдованій. Но мы потребовали-бы отъ нихъ невозможнаго, если-бы пожелали краткаго и точнаго опредѣленія жизни. Связанные путами механическаго міропониманія, они не могутъ удовлетворить нашему желанію. Ибо они сами для себя запираютъ храмъ истины, замыкаясь въ заколдованномъ кругѣ однихъ физико-химическихъ явленій и дѣлаясь неспособными приблизиться къ древу жизни—источнику знаній. Если-бы біологія имѣла въ своемъ распоряженіи одно только механическое объясненіе, то на входныхъ дверяхъ cadaго біологическаго института слѣдуетъ помѣстить слова Данте: „оставьте всякую надежду, вы, которые сюда входите“.

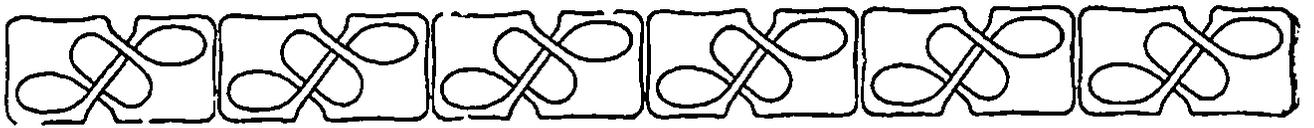
Но къ счастью для біологіи не всѣ біологи раздѣляютъ механическую точку зрѣнія. Къ счастью многіе стали сознавать, что въ органическихъ процессахъ всегда останется необъяснимымъ нѣчто,—какой-то остатокъ, передъ которымъ должно преклониться человѣческое знаніе и обнаружиться вѣра. Виталистическое міропониманіе, раздѣляемое многими новѣйшими біологами, явленіе въ высокой степени отрадное, симптоматическое. Оно способно примирить вѣру и знаніе, науку и религію; людей вѣрующихъ оно можетъ заставить уважать работы ученыхъ, а послѣднихъ—преклониться предъ истинами религіи, предъ ея требованіемъ познавать въ природѣ Бога.

Ибо какъ свѣтъ является на землѣ только въ контактѣ съ солнцемъ, такъ и жизнь можетъ быть понята только въ контактѣ съ Божествомъ, вѣчнымъ, неистощеннымъ источникомъ жизни.

Поэтому изслѣдовать жизнь значитъ изслѣдовать Бога, познать жизнь—познать Бога, увѣровать въ Того, Кто Самъ о Себѣ сказалъ: „Азъ есмь жизнь“ (Іоан. 11, 25; 14, 6).

Протоіерей Іаковъ Галаховъ.

Божество Ісуса Христа въ невольномъ призна- ніи невѣрующихъ философовъ.

О черкъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всеобщая вѣра христіанъ въ Ісуса Христа, какъ истиннаго Бога, сшедшаго съ небесъ и сдѣлавшагося чело-вѣкомъ для спасенія міра, никогда не угасала въ сердцахъ вѣрующихъ, несмотря на всѣ труды безбожниковъ, старавшихся уничтожить, вытравить изъ сердець людскихъ эту вѣру. Невѣріе упорно борется съ вѣрой, но безрезультатно. Невольно напрашивается сравненіе изъ міра физическихъ явленій. Приходится иногда наблюдать, какъ пламя свѣчи не погасаетъ, хотя его сильно колеблетъ вѣтеръ; оно бо-рется изумительно устойчиво съ вѣтромъ и, какъ бы зами-рая при его порывѣ, загараются съ прежнею ясностью, когда вѣтеръ утихнетъ. Такъ и вѣра во Христа упорно и счаст-ливо борется съ бурей невѣрія, которое не можетъ угасить вѣры. Она можетъ чуть чуть теплиться, притаиться какъ пламя свѣчи, но пронесется, хоть на минуту затихнетъ въ безиль-ной злобѣ ураганъ невѣрія, и эта самая вѣра, чуть замѣт-ная, считавшаяся заглохшею, вновь ярко заблеститъ. Это доказала исторія христіанства. И самая лютость натиска не-вѣрія свидѣтельствуется, какъ трудно и непосильно бороться со Христомъ, какую силу имѣетъ вѣра въ Него.

Но насколько вѣра тверда, устойчива, непоколебима, настолько шатко невѣріе, настолько слаба злоба на Христа и Его ученіе.

Св. Евангеліе повѣствуетъ, какъ бѣсы часто противъ воли своей исповѣдывали Христа Богомъ истиннымъ. И те-перь часто невѣрующіе, даже философы, вооруженные якобы авторитетными научными данными, теряютъ равновѣсіе сво-

ихъ сужденій, впадаютъ въ непослѣдовательность противъ своего желанія и часто, не замѣчая того сами, высказываются въ защиту Божественной Личности Христа. Подобно бѣсамъ, исповѣдывавшимъ Божество Христа, и подобно древнему языческому прорицателю Валааму, изрекшему невольно благословеніе вмѣсто проклятія на Израильскій народъ, атеисты, отвергая вѣру во Христа, восторгались высотой Его ученія и допускали обмолвки, признавая Его Божество.

Весьма интересны, составленныя извѣстными всему міру философами, свидѣтельства о Божествѣ І. Христа. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ тому резюме, что „сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный“,—какъ проповѣдуетъ Ап. Іоаннъ (І Іоан. V, 20).

Въ настоящемъ очеркѣ и собраны эти свидѣтельства философовъ скептиковъ и атеистовъ о Божествѣ Господа І. Христа. Представляя вниманію читателей сей трудъ, авторъ его считаетъ нужнымъ оговориться, что работа эта не представляетъ новизны, но она оригинальна, т. к. всѣ извѣстныя уже читающему міру свидѣтельства, мысли и отзывы философовъ о Божественности І. Христа, приведены здѣсь въ строгій систематическій порядокъ, снабжены комментаріями по существу, данныхъ философскихъ системъ и направленій мыслящаго общества.

Прототипомъ настоящаго очерка послужили очерки Филиппа Шаффа, доктора богословія: „Иисусъ Христосъ—чудо исторіи“ и протоіерея Ст. Остроумова „Сужденія философовъ XIX вѣка въ защиту христіанской вѣры“.

Быть можетъ скажутъ, что мой трудъ компилятивный и какъ таковой неинтересенъ. Но вѣдь я ставлю себѣ задачею показать, какъ скептики защищали иногда то, что отвергали. Перефразировать ихъ сужденія не было бы смысла. Дословныя же выдержки имѣютъ глубокой интересъ возвышая цѣнность работы, хотя бы на взглядъ нѣкоторыхъ она и преслѣдовала бы компиляцію или „записки прочитаннаго, а не самостоятельное произведеніе пера автора“ ¹⁾.

Авторъ:

¹⁾ Въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ за 1904 г. была статья свящ. К. Лорчепко „Взаимная связь между религіей и нравственностью“. Состоя вся изъ выписокъ, тѣмъ не менѣе какую большую цѣнность она представляетъ!

Философія, эта величайшая наука наукъ, не замыкаясь въ предѣлахъ спеціальности и не разбирая однѣ только накопленныя познанія, свободно мыслию облетаетъ міръ явленій, стремится проникнуть чрезъ границы ихъ въ самую сущность вещей, стремится постигнуть и самый органъ пріобрѣтенія ихъ—человѣческой умъ. Исслѣдуя сущность вещей и всѣ области человѣческаго знанія и мышленія, философія въ лицѣ своихъ представителей, извѣстныхъ ученыхъ Западной Европы, часто идетъ въ разрѣзъ съ религіей и, критически рассматривая ее съ предвзятой тенденціей, нерѣдко дерзко ниспровергаетъ ея основы и отвергаетъ Божественность Основателя христіанства Господа Іисуса Христа. Въ Европѣ извѣстны громкія имена философовъ XVIII столѣтія—Декарта (раціоналист. догматизмъ), Спинозы (пантеизмъ), Лейбница (гипотеза монадъ), Руссо (энциклопед. вольнодум.), и XIX—Канта (критич. философ.), Шеллинга (натур. философ.), Гегеля (абсолютн. идеализмъ), Огюста Конта (позитивизмъ), Шопенгауэра (пессимизмъ), Гартмана (философія безсознательнаго), Фейербаха, Молешотта, Бюхнера (материализмъ), Милля (позитивизмъ), Ницше, Ренана и др. Отрицательное отношеніе этихъ философовъ къ христіанской религіи возбуждаетъ въ насъ невольный вопросъ: неужели вся философія прошлыхъ столѣтій стоитъ въ противорѣчій съ христіанствомъ и отрицаетъ Божественное достоинство Христа, низводя его на степень обыкновеннаго зауряднаго человѣка?

Нѣтъ! Даже, среди самыхъ ярыхъ нападокъ на Божественность Христа, мы встрѣчаемъ не мало сужденій въ подтвержденіе величайшаго достоинства, характера, ученія, жизни и дѣлъ Его. Признанія эти невольныя, но тѣмъ не менѣе признанія ясныя, а не безсознательныя, и тѣмъ они цѣнны для ищущихъ истины.

Иннокентій Архіепископъ Херсонскій, великій проповѣдникъ-философъ, говоритъ, что „мы невольно вѣруемъ душею и тогда, когда языкъ произноситъ возраженія“. Извѣстные западно-европейскіе философы, подвергая смѣлой критикѣ христіанскую религію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій исповѣдуютъ увѣренность въ Божеское достоинство І. Христа и преклоняются предъ величіемъ Его ученія, характера и жизни. Очевидно, какъ ни старались

они наружно отрекаться отъ Христа и языкомъ произносить хулы на Его Церковь, однако въ душѣ ихъ все же таилась искра религіознаго сознанія и они невольно высказывали истину. Это обстоятельство, какъ нельзя яснѣе, подтверждаетъ справедливость словъ Тертулліана, что „душа чело-вѣческая по природѣ—христіанка“.

Въ отвѣтъ на вопросъ, не стоитъ ли философія прошлыхъ столѣтій въ противорѣчій съ христіанствомъ, мы предложимъ изложеніе невольныхъ признаній нѣкоторыхъ видныхъ европейскихъ философовъ въ Божественномъ достоинствѣ Иисуса Христа. Статья наша не имѣетъ цѣлью изложеніе философскихъ ученій прошлыхъ столѣтій, но лишь изложеніе сужденій знаменитыхъ философовъ о высокомъ достоинствѣ Иисуса Христа. Эти философы, высказываясь въ однихъ сочиненіяхъ противъ христіанства, въ другихъ—защищаютъ его. На это обстоятельство есть указанія въ нашей богословско-философской литературѣ и этими указаніями двойственности въ сужденіяхъ представителей философіи мы не преминули воспользоваться для нашей статьи ¹⁾. Мы приведемъ сужденія нѣкоторыхъ только западно европейскихъ мыслителей, полагая, что и этого будетъ достаточно для доказательства того, что философія XVIII и XIX столѣтій не отвергала абсолютно Божества Иисуса Христа, „Начальника и Совершителя вѣры нашея“. Мы думаемъ, что подобныя ознакомленія съ сужденіями философовъ по вопросамъ вѣры приводятъ къ тому заключенію, что философія, въ лицѣ ея западно-европейскихъ представителей, столь же можетъ быть союзникомъ христіанства, сколько и врагомъ его. Обозрѣвая сужденія западно-европейскихъ философовъ, статья не имѣетъ въ виду русской философіи, во-первыхъ, потому, что она еще не самостоятельна и ея систематическая разработка начинается только теперь, во-вто-

¹⁾ Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ 1903 г., № 20, наход. статья протоіерея Ст. Остроумова „Сужденія философовъ XIX вѣка въ защиту христіанской вѣры“. Статья эта отчасти послужитъ образцомъ и руководствомъ, въ ряду прочихъ пособій, автору настоящаго богословско-философскаго этюда. Изъ статьи протоіер. Остроумова видно, что философія XIX стол. въ лицѣ ея европейскихъ представителей, подвергая все строгому критическому анализу, высказывалась и въ защиту христіанской вѣры.

рыхъ, что она ютится подъ кровомъ духовныхъ академій преимущественно и строго христіанскій характеръ ея такимъ образомъ предполагается самъ собою, а въ третьихъ, потому, что отрицательныя сужденія русской философіи въ силу особыхъ условій не могли опредѣленно высказаться. (Прот. С. Остроумовъ).

Изъ числа представителей западно-европейской философіи XVIII и XIX столѣтій предлагаемъ сужденія въ защиту Божества І. Христа слѣдующихъ мыслителей: англійскаго деиста Томы Шубба, французскихъ вольнодумцевъ Дидро, Руссо и Наполеона, представителей критической философіи Канта, Фихте, натуралистической—Якоби, Шеллинга, грубаго трансцендентальнаго раціонализма, Штрауса, Паркера, Пеко, Ренана и Коббе, позитивиста Дж. Ст. Милля и унитарія Хашигича.

Свидѣтельства противниковъ христіанства о Божественности Главы христіанства Господа Иисуса Христа имѣеть немалую цѣнность. Признаніе враговъ въ рѣшеніи извѣстнаго вопроса имѣють иногда болѣе значенія, чѣмъ свидѣтельства друзей. Въ челюсти мертваго льва найденъ былъ Сампсономъ медъ. „Отъ ядушаго вышло ядомое, отъ крѣпкаго изыде сладкое (Судей XIV, 14), говоритъ Св. Писаніе.

Христіанинъ въ борьбѣ съ отрицательными направленіями философіи, безъ сомнѣнія, долженъ искать орудія въ этой же самой философіи. Какъ „отъ сильнаго“ нѣкогда „вышло сладкое“, такъ изъ философіи, сильной невѣріемъ, въ данномъ случаѣ, мы получаемъ сладкое свидѣтельство Божества Господа Иисуса Христа.

Это самый лучший, успѣшный и надежный способъ борьбы.

I.

Англійскій деистъ Тома Шуббъ. Французскіе энциклопедисты: Дени Дидро и Жанъ Жакъ Руссо.

Въ Западной Европѣ съ начала XVIII стол. замѣчается сильный упадокъ вѣры. Невѣріе это, возраставшее съ теченіемъ времени, было постепенно подготовлено сильнымъ умственнымъ движеніемъ, начавшимся отъ крестовыхъ походовъ. Въ эпоху Renai—ssance или Возрожденія, когда науки и искусства возродились, въ религіозномъ сознаніи

европейскихъ народовъ произошелъ большой переворотъ. Мысль человѣческая бездѣйствовала въ средніе вѣка подъ гнетомъ нетерпимости римскихъ первосвященниковъ. И вотъ теперь, въ эпоху Возрожденія, она стала работать съ новою силою. Изъ пыли вѣковъ воскресли мощные образы античнаго древняго міра, дивныя произведенія науки, искусства и поэзіи. Ученія Платона и Аристотеля овладѣли умами Европы. Но увлеченіе красотой классическаго древняго міра достигло крайностей, съ которыми развивается въ Западной Европѣ легкомысленное отношеніе къ христіанской религіи и скептическій раціонализмъ начинаетъ мало по малу свою разрушительную работу. Возрожденіе наукъ въ Италіи совершилось отдѣльно отъ христіанства и независимо отъ него же и укрѣпилось. Гуманисты съ любовью изучали классиковъ и это привело ихъ постепенно къ язычеству. Эти послѣдствія классическаго образованія, крайне печальныя, сказались въ эпоху реформаци, которая взволновала всю Европу въ XVI вѣкѣ. Совершенно несправедливо протестантскіе историки и ученые утверждаютъ, что реформація послужила громоотводомъ противъ движенія невѣрія. Напротивъ, реформація въ самомъ существѣ своемъ была раціонализмомъ, въ началѣ скрытымъ, а затѣмъ и совершенно открытымъ. Реформація только на время оживила религіозное чувство европейцевъ и временно ступала натискъ невѣрія противъ религіи христіанской, но ни мало не возвратила къ вселенской истинѣ первохристіанства Западную Европу. Сношеніе Бога съ человѣкомъ реформація ограничила одной Библіей, на которой Онъ покоится какъ на безчувственномъ сокровищѣ.

Но этотъ послѣдній союзъ неба съ землею былъ разрушенъ деизмомъ, появившимся въ Англии и Франціи. Деизмъ — ученіе противоположное атеизму — полному отрицанію Бога, допускаетъ бытіе Бога, но ограничиваетъ Его дѣятельность однимъ твореніемъ міра. Деизмъ отрицаетъ возможность живого общенія Бога съ людьми и отрицаетъ, разумѣется, и Божественное Откровеніе, Боговдохновенность Св. Писанія, чудеса и творчества.

Послѣдователи этого ученія, деисты, отрицая Боговдохновенность Св. Писанія, безъ сомнѣнія, отрицаютъ и Божество Иисуса Христа, сравнивая Его съ языческими мудрецами. Такъ, одинъ изъ деистовъ, Блонтъ, рѣзко нападая на

боговдохновенные рассказы евангелистовъ о жизни и чудесахъ І. Христа, утверждалъ, что чудеса Христа и чудеса древняго новопиѳагорейскаго философа Аполлонія Тіанскаго есть одно и тоже. Но среди такихъ дерзкихъ нападокъ въ сочиненіяхъ деистовъ находимъ и свидѣтельства въ защиту Божественнаго достоинства Іисуса Христа, представляющія рѣзкое противорѣчіе ученію деизма о религіи вообще и въ частности о ея Основателѣ.

Вотъ что говоритъ Тома Шуббъ (1679—1748 г.г.), оставившій много сочиненій противъ христіанской религіи и ученія св. Писанія Новаго Завѣта:

„Во Христѣ мы имѣемъ образецъ спокойнаго и мирнаго нрава, примѣрной умѣренности, справедливости, честности, откровенности, прямодушія, — образецъ расположенія духа и поступковъ, исполненныхъ высочайшей любви и благожелательства. Онъ никому не нанесъ зла, не сдѣлалъ неправды; въ устахъ Его никогда не было обмана; Онъ ходилъ и всюду дѣлалъ добро не только при помощи своей проповѣди, но и посредствомъ исцѣленія разнаго рода болѣзней въ людяхъ. Его жизнь была прекраснымъ изображеніемъ природы въ ея первобытной чистотѣ и простотѣ, и вмѣстѣ съ этимъ показывала, какими бы прекрасными существами были люди, еслибъ они находились подъ спасительнымъ вліяніемъ и силой евангелія, которое Онъ имъ проповѣдалъ“¹⁾.

Подобныя ясныя свидѣтельства о Божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа находимъ у французскихъ вольнодумцевъ. Англійскій деизмъ жадно впитала Франція, гдѣ обнаружилась сильная привязанность къ скептицизму. Невѣріе въ самыхъ грубѣйшихъ формахъ проявилось въ скептицизмѣ Франціи. На невѣріи зиждилась безславная энциклопедія, основателями которой были свободомыслящіе Вольтеръ, Дидро и Руссо. Энциклопедія хотѣла вкратцѣ обнять всѣ отрасли знанія и человѣческаго искусства и основатели ея вольнодумцы употребляли всѣ усилія подорвать Боговдохновенность Библии, какъ слова Божія, а слѣдовательно и Божество Іисуса Христа, употребляя въ качествѣ пособій сарказмъ и дерзкую насмѣшку. Дерзкая предубѣжденность заставляла Вольтера сказать: „Если бы я сталъ

¹⁾ Thomas Chubb: The true gospel of Jesus Christ.

въ Парижѣ на площади Тюльери, а вмѣстѣ со мною десять тысячъ человѣкъ, если-бы въ это время предъ нашими глазами совершилось чудо, и никто не сомнѣвался бы въ немъ, то и тогда я охотнѣе счелъ бы свои глаза слѣпыми, а всѣхъ десять тысячъ человѣкъ глупцами, чѣмъ повѣрилъ бы чуду“.

Дени Дидро (1713—1784 г.) былъ совершеннымъ вольнодумцемъ атеистомъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, но въ это время въ его жизни совершился переворотъ: онъ, къ изумленію своихъ друзей, сталъ признавать Библию, которую раньше отвергалъ, и въ ней искалъ спасительной назидательности. Пасторъ Гессъ рассказываетъ со словъ непосредственнаго свидѣтеля, что на одномъ изъ вечернихъ собраній у барона Гольбаха вольнодумцы обсуждали несостоятельность ученія св. Писанія. Дидро не принималъ участія въ этой бесѣдѣ и, къ изумленію присутствовавшихъ, неожиданно прервалъ рѣчь, заставивъ этимъ вольнодумцевъ замолчать.

— „Прекрасно, господа, прекрасно; но я не нахожу ни во Франціи, ни внѣ ея человѣка, который бы сумѣлъ написать и сказать съ большимъ искусствомъ и талантомъ. Однако, не смотря на тотъ дурной отзывъ какой вы сдѣлали объ этой книгѣ, я осмѣливаюсь вызвать всѣхъ, сколько васъ есть, написать рассказъ, который бы былъ такъ простъ, но въ тоже время и такъ возвышенъ и трогателенъ, какъ рассказъ о страданіяхъ и смерти Иисуса Христа, который бы произвелъ столько же сильное, выразительное впечатлѣніе, и вліяніе котораго останется однимъ и тѣмъ же по прошествіи многихъ вѣковъ“.

Какую противоположность Вольтеру, ослѣпленному предубѣжденнымъ невѣріемъ, представляетъ Дидро! Въ началѣ жизни-атеистъ, онъ подъ конецъ ея становится на сторону вѣрующихъ въ силу особеннаго душевнаго переворота, и своимъ смѣлымъ сужденіемъ разбиваетъ въ прахъ дерзкіе доводы вольнодумцевъ.

Не менѣе сильное свидѣтельство о Христѣ читаемъ у Руссо въ его сочиненіи „о воспитаніи“. Жанъ Жакъ Руссо (1712—1778 гг.) безславный философъ велъ жизнь полную ошибокъ, непослѣдовательности и крайностей. Переходя отъ однихъ убѣжденій къ другимъ, придерживаясь то религіи, то невѣрія,

онъ все же оставилъ послѣ себя немало цѣнныхъ мыслей и уроковъ. Особаго вниманія, по вдохновенности, благоговѣнію и логично философской послѣдовательности заслуживаетъ его разсужденіе о Христѣ.

„Признаюсь, писалъ Руссо, величіе св. писанія исполняетъ меня изумленіемъ, и святость евангелія сказывается моему сердцу. Какъ ничтожны философскія сочиненія, несмотря на весь ихъ блескъ, въ сравненіи съ св. писаніемъ! Можемъ ли какое нибудь другое сочиненіе въ столь короткое время такъ возвыситься, будучи произведеніемъ обыкновеннаго человѣка? Возможно ли, чтобы Тотъ, о Которомъ разсказываютъ св. книги, былъ не болѣе какъ простой человѣкъ? Ужели въ нихъ слышимъ голосъ мечтателя или честолюбиваго сектанта? Какая прелесть, чистота въ Его Существовѣ! Сколько плѣнительной доброты въ Его ученіи! Какая высота въ Его правилахъ! Какая глубина мудрости въ Его рѣчахъ! Какое присутствіе духа, какая пронизательность и вѣрность въ Его отвѣтахъ! Какое господство надъ своими страстями! Гдѣ найти человѣка, мудреца, который бы могъ такъ дѣйствовать, страдать и умереть, не выказавъ слабости и тщеславія? Платонъ, рисуя идеаль своего воображаемаго праведника, и дѣлая его достойнымъ награды за добродѣтель, точь въ точь изображаетъ Иисуса Христа: подобіе такъ разительно, что всѣ отцы чувствовали его, и въ этомъ нельзя обмануться. Сколько предразсудка, надо предположить въ томъ, кто осмѣлился бы сравнить сына Софрониска съ Сыномъ Маріи! Какая бездна раздѣляетъ ихъ! Сократъ, умирая безъ скорби и позора, сохранилъ спокойствіе духа до послѣдней минуты, и если-бы не такая смерть увѣнчала его жизнь, то сомнительно еще, считался ли бы онъ со всею мудростью болѣе, чѣмъ софистомъ. Говорятъ, что онъ былъ творцомъ нравственныхъ понятій, мы на это скажемъ, что и до него были же люди нравственные; онъ пользовался только случаемъ сказать, о томъ, что каждый долженъ дѣлать; въ своемъ ученіи, онъ пользовался извѣстными всѣмъ примѣрами. Аристидъ отличался справедливостію прежде, нежели Сократъ заговорилъ о справедливости, прежде нежели онъ сказалъ: будь справедливъ! Леонидъ умеръ за отечество прежде, нежели Сократъ любовь къ отечеству вмѣнилъ въ обязанность. Спарта отли-

чалась умѣренностью прежде, нежели Сократъ похвалилъ ее. Греція владѣла многими добродѣтельными мужами раньше, чѣмъ Сократъ сдѣлалъ опредѣленіе добродѣтели, Иисусъ же высокую и чистую нравственность, которой Онъ училъ и по которой жилъ, бралъ единственно у Себя. Изъ среды самаго свирѣпаго фанатизма вдругъ появляется высочайшая мудрость; похвальное упражненіе въ героическихъ добродѣтеляхъ она считаетъ за дѣло самое обыкновенное для всѣхъ народовъ. Смерть Сократа, позволившая ему совершенно спокойно философствовать со своими друзьями, не безчестная смерть. Смерть Иисуса, окруженная мученіями, проклятіями и поруганіями всего народа, есть самая позорная, которой каждый можетъ ужаснуться. Сократъ конечно благословлялъ человѣка, который рыдая подалъ ему кубокъ съядомъ; Иисусъ же, перенося мучительнѣйшую смертную казнь, молился за своихъ немилосердыхъ мучителей.

Да, если Сократъ, жилъ и умеръ какъ философъ, то Иисусъ Христосъ жилъ и умеръ какъ Богъ.

Можемъ ли мы сказать, что евангельская исторія есть изобрѣтеніе? Такія вещи, мой любезный другъ, не изобрѣтаются; и исторія Сократа (въ этомъ никто не сомнѣвается) менѣе достоверна, чѣмъ исторія Иисуса Христа. Утверждать противное значило бы только отодвинуть въ сторону сущность вопроса, но не разрѣшить его. Нашъ разумъ скорѣе готовъ принять, что одно лице своею жизнію дѣйствительно дало содержаніе евангельской исторіи, чѣмъ допустить, будто нѣсколько лицъ, сговорившись, сочинили такую исторію. Иудейскіе писатели не въ состояніи были изобрѣсть ни такого тона, ни такой нравственности; евангеліе носитъ на себѣ такіе высокіе, удивительные и совершенно неподражаемые слѣды мудрости, что изобрѣтатель заслуживалъ бы большаго удивленія, чѣмъ герой. Ко всему сказанному нужно прибавить, что евангеліе есть совершенно непостижимая вещь, которой не можетъ постичь разумъ, но въ то же время и не такая, которой не понималъ бы мыслящій человѣкъ и съ которою бы не могъ согласиться. Что же дѣлать среди такихъ противорѣчій? Будь всегда воздержень и осторожень, мое дитя, уважай то, чего нельзя отвергнуть и чего ты не въ состояніи понять, и смирайся предъ великимъ Существомъ, которое одно только знаетъ истину“.

II.

Вліяніе энциклопедистовъ. Наполеонъ.

Въ періодъ господствованія энциклопедіи почти всѣ классы французскаго общества были заражены невѣріемъ. Во Франціи только и говорили, что о высшихъ правахъ человѣческаго разума и хорошаго тона, о значеніи и силѣ человѣческаго интеллекта и при этомъ высшее общество хвалилось невѣріемъ, доходившимъ до абсолютнаго отрицанія, называя легковѣрнымъ и наивнымъ простой народъ, который не занимался изслѣдованіемъ первыхъ основаній религіи. Поколѣніе, воспитанное на теоріяхъ вольнодумцевъ, было насквозь проникнуто невѣріемъ и отрицаніемъ и шло по пути, проложенному энциклопедистами. Оно жило и дышало этой невѣрующей атмосферой. Въ такой удушливой атмосферѣ невѣрія выросъ и Наполеонъ Бонапартъ, стремившійся объединить всѣ монархіи подъ своимъ скинетромъ. Въ теченіе своей жизни, сильно занятый завоевательными планами, онъ не думалъ о религіи. Но при этомъ онъ не былъ и атеистомъ; онъ зналъ, что религія есть существенный элементъ человѣческой природы, опора гражданскаго порядка и общественной нравственности. Наполеонъ былъ вѣротерпимъ, въ Египетскомъ походѣ возилъ съ собою Новый Завѣтъ и коранъ, а во Франціи возстановилъ католическую религію, хотя и ограничилъ ее свѣтскою властью и обезпечилъ протестантамъ свободу общественнаго богослуженія.

Заклученный на о. Св. Елены Наполеонъ имѣлъ удобный случай размышлять о суетности всего земного. Тогда же, какъ свидѣтельствуютъ историки, онъ сдѣлался изъ невѣрующаго ревностнымъ христіаниномъ. Графъ де-Лазъ-Казасъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что однажды „императоръ окончилъ свой разговоръ тѣмъ, что попросилъ моего сына принести ему Новый Завѣтъ и прочиталъ изъ него нагорную проповѣдь отъ начала до конца. Это чтеніе исполнило его величайшаго удивленія предъ чистотой, возвышенностью и прелестью содержащихся въ этой проповѣди нравственныхъ принциповъ, и всѣ мы чувствовали тоже самое“.

Великій самъ по себѣ умъ Наполеона преклонялся предъ величіемъ Христа. Сохранились до нынѣ задушевныя мысли Наполеона о христіанствѣ и особенно о божествѣ І. Христа, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ генераломъ Бертраномъ извѣстнымъ атеистомъ того времени. Это было не за долго до смерти Наполеона на о. Елены ¹⁾).

„По истинѣ, началъ свою чудную рѣчь Наполеонъ, Христосъ далъ нашей религіи рядъ таинствъ. И Онъ повелѣлъ вѣрить въ нихъ, не представляя для вѣры въ нихъ другихъ основаній, кромѣ этихъ только необыкновенныхъ словъ: Я Богъ“.

Безъ сомнѣнія, вѣра должна принять это основное положеніе, отъ котораго производятся всѣ остальные. Но Божество Христа, однажды признанное, представляетъ христіанскую религію не только несомнѣнною и чистою: должно только удивляться связи и единству ея ученія.

Опершись на Библию, это ученіе наилучшимъ образомъ объясняетъ преданія міра; оно выясняетъ ихъ и связываетъ съ другими догматами такъ-же необходимо, какъ одно кольцо съ другимъ въ цѣпи. Бытіе Христа отъ начала до конца открыто таинственностью, которой я внимаю; эта тайна отвѣчаетъ на недоразумѣнія, встрѣчающіяся въ каждомъ бытіи, и объясняетъ ихъ; уничтожь, отвергни эту тайну, и міръ сдѣлается загадкой; допусти ее, и мы будемъ имѣть чудное разрѣшеніе человѣческой исторіи.

Христіанство имѣетъ нѣчто особенное предъ всѣми философіями и религіями: христіане не создаютъ себѣ никакихъ иллюзій о природѣ вещей. Нельзя упрекнуть ихъ ни въ хитрости, ни въ шарлатанствѣ идеалистовъ, которые думаютъ разрѣшить великую загадку богословскихъ вопросовъ пустыми разсужденіями,—безумные, глупость которыхъ можно сравнить съ безразсудствомъ маленькаго дитяти, которое хочетъ схватить руками небо, или желаетъ луну обратить въ игрушку и сдѣлать ее предметомъ удовлетворенія своему любопытству. Христіанство говоритъ совершенно просто: „ни одинъ человѣкъ не видѣлъ Бога, потому что Онъ Богъ,

¹⁾ Замѣчат. свидѣтельство Наполеона между прочимъ находится въ сочиненіи американца Аббата: „Life of Napoleon“. Часть II. Оттуда перепечатано у Ф. Шаффа: „Иисусъ Христосъ—чудо исторіи“.

Богъ Самъ открылъ Себя. Его Откровеніе есть тайна, которой не можетъ постигнуть разумъ. Но уже потому, что такъ сказалъ Богъ, этому должно вѣрить“. Это чрезвычайно рационально.

Евангеліе имѣетъ какую то таинственную силу, нѣчто удивительно мощное, теплоту, которая дѣйствуетъ на умъ и очаровываетъ сердце. Когда разсуждаютъ о немъ, то убѣждаются, что говорятъ о небѣ. Евангеліе не есть книга, оно есть человѣческое существо, дѣятельность, сила, которая побѣждаетъ все, что захочетъ противиться его распространенію. Когда эта книга лежитъ у меня на столѣ, книга по преимуществу *par excellence*,—(императоръ при этихъ словахъ почтительно прикоснулся къ библіи), я не умѣю ее читать и всегда читаю съ одинаковымъ удовольствіемъ.

Христосъ не измѣняется, не медлитъ въ исполненіи своихъ плановъ, и самое обыкновенное Его слово носить на себѣ отпечатокъ простоты и глубины, плѣняющихъ какъ невѣжду, такъ и мудреца, какъ скоро они къ нему обращаются со вниманіемъ.

Нигдѣ нельзя найти такихъ прекрасныхъ мыслей, такихъ прекрасныхъ нравственныхъ правилъ, которыя какъ сонмъ небснаго воинства отражаютъ всѣ нападенія, и пробуждаютъ въ нашей душѣ такое же чувство, какое испытываетъ при разсматриваніи безконечнаго, усѣяннаго звѣздами яснаго неба въ прекрасную ночь.

Нашъ умъ не только плѣняется чтеніемъ этой книги, но и дѣлается отъ него господствующимъ; душа же съ этой книгой избавляется отъ всякой опасности заблудиться.

Владыка нашего духа, по любви Своей къ намъ, далъ намъ Свое евангеліе. Самъ Онъ есть нашъ другъ, какъ Отецъ и нашъ истинный Богъ. Мать не болѣе заботится о дитяти на своей груди, сколько заботится о насъ нашъ Владыка и Царь. Душа, очарованная прелестью евангелія, не принадлежитъ уже болѣе себѣ, Богъ тотчасъ овладѣваетъ ею, Онъ управляетъ всѣми ея помыслами и способностями, которые принадлежатъ уже Ему.

Какое доказательство въ пользу Божества Христа?

Въ своемъ безпредѣльномъ царствѣ Онъ преслѣдуетъ только одну цѣль—нравственное усовершенствованіе людей,

чистоту совѣсти, святость души, союзъ со всѣмъ тѣмъ, что истинно.

Наконецъ и это послѣднее мое слово: тогда не было бы Бога на небѣ, еслибъ человѣкъ вздумалъ осуществить дерзкую мысль, присвоить себѣ высочайшее поклоненіе, свойственное имени Божію—Одинъ только Іисусъ рѣшился на это. Онъ только одинъ ясно, твердо и вразумительно могъ сказать о себѣ съ увѣренностью: Я Богъ. Эти слова далеко отличны отъ утвержденья: Я одинъ Богъ или отъ другого выраженія: суть боги. Исторія не упоминаетъ о другомъ какомъ нибудь лицѣ, которое бы усвоило себѣ имя Божіе въ абсолютномъ смыслѣ. Мифологія нигдѣ не говоритъ о томъ, что Юпитеръ и другіе боги сами сдѣлали себя богами, это было бы съ ихъ стороны излишкомъ гордости и чудовищности, нелѣпымъ сумасбродствомъ. Потомки, наследники первыхъ деспотовъ, обоготворили ихъ. Если всѣ люди происходятъ отъ одной крови, то Александръ могъ бы назвать себя сыномъ Юпитера. Но вся Греція смѣялась бы тогда надъ такимъ заблужденіемъ и плутовствомъ, а римляне никогда безъ шутокъ не принимали апоэозы своихъ императоровъ. Магометъ и Конфуцій выдали себя просто только за орудіе Божества. Индійскіе боги, не болѣе, какъ психологическое изобрѣтеніе.

Какъ-же случилось, что іудей твердо вѣрившій въ историческое существованіе своей націи, какъ и всѣ его современники, какъ случилось, что сынъ плотника, одинъ только онъ, могъ объявить себя равнымъ отъ начала съ Богомъ, далѣе прямо жизнію, творцомъ всякаго бытія! Ему одному по всей справедливости принадлежитъ всякое поклоненіе. Онъ основалъ свой культъ своими собственными руками, оградивъ его не стѣнами, а людьми. Восторгаются завоеваніями Александра. Пусть себѣ. У насъ есть завоеватель, который склонилъ всѣхъ въ свою пользу, соединилъ съ собой и воплотилъ въ себѣ не одинъ какой нибудь народъ, но все человѣчество. Какъ прекрасно! Человѣческая душа со всѣми своими способностями отдается Христу.

Что же этому причиною? Чудо изъ чудесъ. Христосъ хочетъ любви человѣка,—это значитъ, Онъ хочетъ того, что съ величайшимъ трудомъ получается отъ міра, что напрасно требуетъ мудрецъ отъ нѣкоторыхъ друзей, отецъ отъ своихъ

дѣтей, супруга отъ своего мужа, братъ отъ брата, словомъ Христось хочеть сердца: этого Онъ хочеть для себя, Онъ достигаетъ этого совершенно и безпредѣльно, и Его требованія сопровождаются быстрымъ успѣхомъ. Изъ этого я заключаю о Его божествѣ: Александръ, Цезарь, Ганнибалъ, Людовикъ XIV со своими геніями ничтожны. Они завоевали міръ, но не могли приобрѣсть друга. Я, быть можетъ, единственный человѣкъ въ наше время, любящій Ганнибала, Цезаря и Александра. Великій Людовикъ XIV, такъ ослѣпившій своимъ блескомъ Францію и всю Европу, не имѣлъ ни одного друга въ своихъ владѣніяхъ, даже въ средѣ своего родного семейства. Правда, мы любимъ своихъ дѣтей, но за что мы ихъ и почему любимъ? Мы повинемся природному инстинкту, Божію установленію, необходимости, которую сознаютъ также и чувствуютъ звѣри; но какъ много есть такихъ дѣтей, которыя остаются равнодушными къ нашимъ ласкамъ и бываютъ холодны за наши о нихъ попеченія,— какъ много есть дѣтей неблагодарныхъ! Генераль Бертранъ, любите ли вы своихъ дѣтей? Вы, конечно, любите ихъ; но они навѣрное не отвѣчаютъ этой любви. Ни ваши благодаренія, ни природа не въ состояніи вызвать такой любви, какою дышатъ христіане къ Богу! Когда вы умрете, ваши дѣти, безъ сомнѣнія, будутъ вспоминать о васъ, пока не проживутъ доставшагося имъ наслѣдства, но наши дальнѣйшіе потомки едва ли будутъ знать о томъ, что вы когда то жили. И вы, генераль Бертранъ, и мы, живя на островѣ, не находимъ никакой другой радости, кромѣ взгляда на наши семейства.

Но вотъ Христось взываетъ, и сію минуту цѣлыя поколѣнія соединяются союзомъ болѣе крѣпкимъ и тѣснымъ, чѣмъ союзъ крови, соединяются святѣйшимъ и сильнѣйшимъ союзомъ, какой только можетъ быть. Христось возжигаетъ огонь любви, который поглощаетъ всякій эгоизмъ и превосходитъ какую хотите любовь.

Почему не хотять признать этихъ чудесъ Его воли, почему не хотять допустить, что Слово есть творецъ міра? Основатели религій не имѣли никакихъ предчувствій той таинственной любви, которая составляетъ сущность христіанства.

Человѣкъ самъ внутри себя глубоко чувствуетъ, что у

него нѣтъ силъ заставить другихъ любить себя. Величайшее чудо Христа заключается неоспоримо въ этомъ господствѣ любви.

Ему только одному удалось возвысить человѣческое сердце къ невидимому до пожертвованія временнымъ, и при помощи этого средства Онъ связалъ небо съ землею.

Всѣ, искренно увѣровавшіе во Христа, ощутили эту чудную, высокую, сверхъестественную любовь, это непонятное явленіе, невозможное для разума и силъ человѣческихъ, этотъ священный огонь, силу котораго и время—этотъ великій разрушитель—не можетъ ограничить. Этому я больше всего дивлюсь, объ этомъ я больше всего думалъ. И это чудное явленіе безусловно доказываетъ мнѣ божественность Христа. Я сокрушаюсь о тѣхъ массахъ людей, которыя изъ-за меня умерли. Да сохранить меня Богъ отъ того, чтобы я когда нибудь сравнилъ энтузіазмъ солдатъ съ христіанскою любовью; они настолько различны одно отъ другого, насколько различны ихъ основанія. Конечно, мое присутствіе было необходимо,—электрическій огонь моего взора, мой голосъ, одно мое слово зажигали священное пламя въ сердцахъ солдатъ. Я безспорно владѣю тайной этой магической силы, которою одаренъ мой умъ; но я не могу передать ее другимъ; ни одинъ изъ моихъ генераловъ не получилъ ея отъ меня и даже не отгадалъ ея тайны; я еще болѣе безсиленъ увѣковѣчить мое имя и любовь ко мнѣ въ сердцахъ людей и совершить что нибудь удивительное, не прибѣгая къ матеріальнымъ средствамъ.

Теперь я на о. Св. Елены,—теперь я прикованъ къ этой скалѣ. Кто сражается за меня, кто завоевываетъ для меня царства? Гдѣ придворные, очевидцы моего несчастія? Думаетъ ли кто нибудь обо мнѣ? Кто трудится для меня въ Европѣ? Кто остался мнѣ вѣренъ, гдѣ мои друзья? Да, ихъ нашлось только два или три, которые обезсмертили свое имя, свою вѣрность; они раздѣляютъ мое изгнаніе и утѣшаютъ меня въ несчастіи“.

При этихъ словахъ голосъ императора принялъ тонъ глубокой скорби. Онъ продолжалъ:

„Да наша жизнь блистала всѣми лучами короны и самодержавія, и на вашей жизни, Бертранъ, отражался этотъ блескъ, подобно вызолоченному куполу инвалиднаго собора,

облитою лучами солнца! Но доска перевернулась, и золото мало-по-малу стерлось. Потoki несчастія и позора,—каждодневно на меня изливавшіеся, отняли у меня послѣднее достояніе. Мы теперь—только свинець, генераль, а скоро будемъ землей.

Такова судьба великихъ людей! Такъ исчезла слава Цезаря и Александра, ихъ забыли, забудутъ и насъ! Имя того или другого завоевателя, или императора, останется только темой для школьныхъ задачъ! Наши дѣла падутъ подъ ударами педанта, который или обругаетъ или похвалитъ насъ. Какъ разнообразны сужденія о Людовикѣ XIV! Едва умеръ этотъ великій государь, его оставили одного въ его версальской спальнѣ;—про него забыли, надъ нимъ быть можетъ, насмѣхались его же придворные. Это больше не государь ихъ. Это лишь трупъ, гробъ, могила и ужасъ собственнаго разрушенія.

Еще одно слово,—это мой жребій и это со мною случится: убитый англійскою олигархіей, я умру преждевременно, и мой трупъ преданъ будетъ землѣ, чтобы сдѣлаться пищею червей. Вотъ что скоро случится съ великимъ Наполеономъ.

Чтожъ умеръ ли Христосъ? Могъ ли умереть Богъ?

Наполеонъ умолкъ. Молчалъ и Бертранъ. Видя это Наполеонъ закончилъ: „вы не думаете, что Исусъ Христосъ есть Богъ.—„Ну, я не ладно поступилъ, сдѣлавши васъ генераломъ!“

Такова чудная бесѣда великаго военнаго генія съ атеистомъ въ защиту Божества Исуса Христа.

III.

Критическая философія рационализма. Кантъ, Фихте. Натуральная философія. Якоби. Шеллингъ.

Вмѣстѣ съ общимъ ходомъ развитія философіи XVIII столѣтія, совершался постепенно и подрывъ значенія Библии какъ Откровенія Божественнаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ, руководители умственныхъ движеній, представители возникающихъ философскихъ теорій, отвергая Библию, стремились подорвать и увѣренность въ Божественное достоинство Гос-

пода нашего Иисуса Христа. Такое направлѣніе въ философіи должно было произойти въ ту эпоху „просвѣщенія“ ложно понятаго и лишавшаго человѣческой духъ свойственной ему догматической благоговѣйной глубины. Философія раціонализма лишала Библию ея таинственнаго содержанія вслѣдствіе ложнаго истолкованія тайнъ христіанскаго ученія. Сначала еще допускалось сверхъестественное Откровеніе по отношенію къ истинамъ не выходившимъ изъ предѣла религіознаго теизма (признанія существованія единаго личнаго Бога). Затѣмъ возникъ умѣренный раціонализмъ теистическій или формальный супранатурализмъ. (Formalsupranaturalismus) положившій начало натуралистическому толкованію, сомнѣнію и полному отрицанію Откровенія, боговдохновенности Библии, а вмѣстѣ и Божества Иисуса Христа. Мало-по-малу возникалъ культурный раціонализмъ преобразовавшійся въ деизмъ вульгарнаго вольнодумства, или въ деизмъ высшаго стиля, религіозный критицизмъ и т. д., а мѣсто супранатурализма наконецъ занялъ крайній натурализмъ. Раціоналисты съ помощью историко-критическаго метода постепенно старались поколебать достовѣрность Библии и Божества Иисуса Христа. Но они же нерѣдко высказывали такія сужденія, которыя служили болѣе или менѣе ясными доказательствами истинности Божества Христа, вѣру въ которое они стремились поколебать, направляя всѣ силы своей философіи.

Основатель критической философіи Эммануиль Кантъ (1724—1804 г.г.), смотрѣлъ на Божественное Откровеніе единственно, какъ на подтвержденіе или высшее освященіе высокихъ нравственныхъ истинъ, которыя доступны и естественному разуму человѣческому, и какъ на вспомогательное внѣшнее средство въ распространеніи этихъ истинъ среди людей. Съ точки зрѣнія чистаго разума, Кантъ не отрицалъ ни возможности, ни необходимости въ нѣкоторомъ смыслѣ Божественнаго Откровенія, какъ средства къ распространенію среди людей истинной религіи, а также и для обоснованія нравственнаго общества, т. е. Церкви. Взглядъ на Святое Писаніе у Канта былъ односторонній моральный, не выходившій изъ предѣловъ чистаго разума, по которому онъ считалъ Библию необходимою только до того времени, когда человѣкъ достигнетъ высшей ступени раз-

витія и будетъ руководиться въ дѣлѣ познанія истины однимъ лишь разумомъ.

Но считая Библию не абсолютно непогрѣшимымъ источникомъ религіи, Кантъ писалъ однакоже Юнгу Штиллингу, извѣстному мистіку того времени, относительно Евангелія: „Вы хорошо дѣлаете, что ищете единственнаго успокоенія въ Евангеліи, потому что оно есть неизсякаемый источникъ всѣхъ истинъ, которыхъ нигдѣ нельзя найти въ другомъ мѣстѣ, если разумъ измѣрилъ все свое поле“¹⁾...

Безусловно, религіозно вѣрующимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, Кантъ не могъ быть, ни по духу того времени въ которое жилъ, ни по критическому характеру своей философіи. Но онъ однако признавалъ необходимость Божественнаго Откровенія и недосягаемой тайны воплощенія Сына Божія. Онъ говорилъ, что „нельзя совершенно отрицать возможности сверхъестественнаго рожденія Иисуса Христа“. Это невольное признаніе Канта доказываетъ ясно, что умъ его, по мѣрѣ приближенія его къ вопросамъ религіи, становится робкимъ и колеблющимся и смѣлый въ критическихъ выводахъ своей философіи вообще, въ отношеніи къ догматическимъ истинамъ Кантъ робокъ и нерѣшителенъ.

Взгляды Канта на Откровеніе легли въ основу ученія Іоганна Готлиба Фихте (1762—1814 гг.). Этотъ философъ, много заимствовавшій въ изложеніи своихъ теорій у Канта, также не могъ рѣшительно отвергать Откровенія и Божественности І. Христа. Не смотря на то, что слѣвами Фихте неблагопріятствовалъ христіанству и Его Великому Основателю, душа его однако не раздѣляла этого взгляда и благоговѣла предъ великими догматами и истинами вѣры. Въ доказательство этого приведемъ изъ жизни Фихте слѣдующій случай:

¹⁾ Юнгъ Іоганнъ, Генрихъ Штиллингъ (1740—1817 г.г.) современникъ Канта писатель мистикъ, оставилъ много сочиненій, по отзыву его критиковъ, отличающихся поэтическимъ чувствомъ, религіозностью и жизнерадостнымъ мистицизмомъ. Мы однако не раздѣляемъ такого почтительнаго взгляда на Штиллинга. Думаемъ, что такія произведенія Штиллинга, какъ „Угрозы Свѣтовостоковъ“, „Особалья или мечтатели“ и др. переведенныя на русскій языкъ представляютъ лишь верхъ разудалаго мистицизма, далекаго отъ настоящаго религіознаго чувства. Надъ этою разудалостью справедливо подсмѣивается русская беллетристика.

Филантропъ баронъ Коттвицъ современникъ философа желалъ познакомиться съ нимъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ явился къ Фихте и, заявивъ съ обычною откровенностью, что философіей онъ мало интересуется, имѣя полный источникъ истины въ Евангеліи, полюбопытствовалъ, какъ думаетъ Фихте о молитвѣ. Философъ отвѣтилъ, что человѣчество, подобно ребенку нуждающемуся въ нянькахъ и родителяхъ, вѣрило въ Божество, пока находилось въ состояніи младенчества. Человѣкъ выростая становится самостоятельнымъ, и родъ людской достигаетъ со временемъ того возраста, когда онъ уже не будетъ нуждаться въ вѣрѣ въ Божество, внимающее молитвѣ его поклонниковъ. Высказавъ это, философъ обратился къ барону: „Каковъ же вашъ взглядъ на молитву?“ Коттвицъ отвѣтилъ:

„Ахъ, господинъ профессоръ, когда я просыпаюсь утромъ и предо мною лежитъ день со всѣми его обязанностями и заботами, я ясно представляю свое безсиліе и свое грѣховное, лѣнивое и косное въ любви сердце; это лежитъ, какъ бремя, на моей душѣ, и я не въ силахъ приступить къ дневнымъ обязанностямъ, не испросивъ помощи и укрѣпленія у моего Господа. Вечеромъ, готовясь къ отдыху и вспоминая минувшій день, въ который моя воля и мои дѣла такъ уклонялись отъ святой воли Божіей и я такъ погрѣшалъ противъ самоотверженной любви, такъ оскорблялъ ближнихъ,—я не могу заснуть, не испросивши прощенія у моего Спасителя“.

Фихте до глубины души тронуть былъ такими словами барона и послѣ недолгаго молчанія воскликнулъ горячо:

„Господинъ баронъ! какъ я желалъ бы походить на васъ“.

Очевидно, душа философа не была въ гармоніи съ языкомъ, произносившимъ возраженія, и, признавая спасительность христіанской молитвы, несомнѣнно признавала и Божественность І. Христа какъ Господа, Которому христіане возносятъ свои усердныя молитвы.

Фридрихъ Генрихъ Якоби (1743—1819 г.) представитель германской натуральной философіи, училъ, что вѣра начинается тамъ, гдѣ кончается разумъ. Онъ считалъ недоказуемымъ посредствомъ разсудка бытіе Бога и всего сверхчувственнаго. Философія Якоби, будучи одностороннею, давала между тѣмъ матеріалъ въ защиту христіанства. Хри-

стіанство философъ считалъ высшею религіею, т. к. оно провозглашаетъ ученіе о чудесномъ непрерывномъ возрожденіи челоуѣка, посредствомъ Высшей силы. Якоби отзывался о Христѣ восторженно и въ его сочиненіяхъ читаемъ, напри- мѣръ, слѣдующія слова о Христѣ.

„Онъ Царства вывелъ изъ ихъ колен, рѣку столѣтій— изъ ея ложа и доселѣ повелѣваетъ вѣками. Кто теперь можетъ, признавая Его существованіе, говорить: нѣтъ Бога и Промысла, нѣтъ міроуправящей Любви, а только безпросвѣт- ный рокъ, слѣпой случай“.

Подобное вдохновенное разсужденіе о Христѣ находимъ у другого замѣчательнаго философа Фридриха Шеллинга. Фридрихъ Вильгельмъ, Іосифъ Шеллингъ (1775—1854) придержи- вался то однихъ, то другихъ философскихъ убѣжде- ній. Сначала онъ былъ склоненъ къ пантеизму, потомъ из- лагалъ ученіе деистовъ, различаясь отъ Якоби тѣмъ, что считалъ возможнымъ постигнуть сверхчувственное не вѣрою только, но и разумомъ. Не смотря на частую смѣну направ- леній, философія Шеллинга отчасти была пантеистическаго характера, такъ какъ въ ней отождествлялись Богъ и при- рода. Воззрѣніями Шеллинга на основные религіозные во- просы и преимущественно на догматъ о Троицѣ пользова- лись широко нѣмецкіе богословы. Къ числу достоинствъ его философіи надо отнести и то, что и въ Россіи указанными воззрѣніями его пользовались богословы и ученіе о Троицѣ и Богочеловѣкѣ оказало вліяніе и на нашего богослова-фи- лософа Владиміра Соловьева († 1900 г.).

Шеллингъ признавалъ, что жизнь челоуѣческая на землѣ подчинена во всемъ Промыслу, и вѣрилъ въ загроб- ную будущность. О Христѣ онъ писалъ въ 1812 году, такъ:

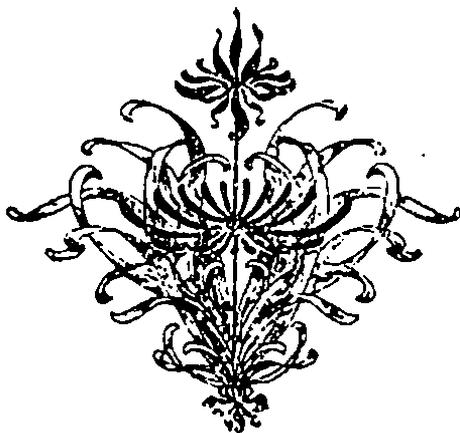
„Безъ ученія о челоуѣчески страдающемъ Богѣ, того ученія, которое присуще всѣмъ духовнымъ религіямъ древ- ности, вся исторія осталась бы непонятною; Писаніе разли- чаетъ степени Откровенія и послѣднюю степень отодвигаетъ на предѣлъ времени, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ, то есть, когда все будетъ постигнуто“.

Здѣсь Шеллингъ говоритъ, что ученіе о Богѣ, страдаю- щемъ челоуѣчески, какъ и пострадалъ І. Христосъ, оправ- дываетъ исторію и даетъ ключъ къ ея пониманію. Іисусъ

Христосъ „нашего ради спасенія“ волею сошелъ съ небесъ, принялъ образъ раба, „бывъ въ подобіи человѣка“, совершеннымъ какъ и совершеннымъ Богомъ, и пострадалъ на крестѣ человѣческимъ только естествомъ, ибо Божеское естество чуждо страданій. Такимъ образомъ ученіе о человѣчески страдающемъ Богѣ есть ученіе о Христѣ. И Шеллингъ, говоря о Богѣ человѣчески страдающемъ, безспорно имѣлъ въ виду Христа Бога плотію пострадавшаго за грѣшный міръ.

Свящ. Гр. Н. Корсунъ.

(Окончаніе будетъ).

ПОЗНАНИЕ И ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(Оправданіе здраваго смысла).

(Продолженіе *).

VI гл. ПРИРОЖДЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ПОЗНАНІЯ.

§ 1. Планъ нашего изслѣдованія.

Свое изслѣдованіе мы начали съ установленія нѣкоторыхъ общихъ гносеологическихъ положеній, которыя неоспоримы со стороны здраваго смысла, которыя молчаливо признаются всѣми ¹⁾). Наши положенія не отрицаются даже скептиками,—по крайней мѣрѣ на практикѣ ²⁾). Послѣ этого мы разсмотрѣли элементы познанія и мышленія. Таковыми оказались въ логикѣ сужденія, а въ рѣчи предложенія. При этомъ мы отмежевали логику отъ грамматики, оставивъ для послѣдней форму выраженія мысли при помощи словъ опредѣленнаго языка. Логикѣ же мы оставили самое содержаніе мысли, которое остается однимъ и тѣмъ же во всѣхъ языкахъ и символизацияхъ мысли. Самое сужденіе мы опредѣлили на основаніи логическихъ и психологическихъ анализовъ простѣйшихъ предложеній, т. е. безличныхъ, какъ цѣльный и законченный познавательный актъ, въ которомъ сознательно устанавливается или воспринимается опредѣленное отношеніе между двумя переживаніями ³⁾). Затѣмъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1912 годъ.

¹⁾ См. II главу настоящаго изслѣдованія.

²⁾ *Sextus Empiricus*, Pyrrhon. hypotyp. lib. I. 8—11.

³⁾ См. II гл. наст. изсл.

разсматривая способы осложненія предложеній, мы остановились на познавательной *оцѣнкѣ* сужденій и на *критеріяхъ истины*, каковая служить цѣлью логики и всякой науки ¹⁾. Послѣ этого мы разсмотрѣли значеніе понятій для мышленія и познанія, отмѣтивъ ихъ возникновеніе изъ ряда сужденій и познавательныхъ процессовъ, а равно познавательную цѣнность какъ общихъ, такъ и индивидуальныхъ понятій. Затѣмъ мы разсмотрѣли и первую попытку классификаціи самыхъ общихъ понятій, т. е. категорій, сдѣланную Аристотелемъ, указавъ на важное историческое значеніе этихъ категорій въ грамматикѣ ²⁾. Наконецъ, мы посвятили цѣлую главу грамматическимъ категоріямъ, въ которой разъяснили неправильность перенесенія въ грамматику логическихъ категорій Аристотеля. При этомъ мы доказали неправильность существующихъ дѣленій и опредѣленій частей рѣчи и взамѣнъ представили новыя ихъ опредѣленія и классификацію. Въ концѣ главы мы показали, какъ обособились (дифференцировались) грамматическія категоріи словъ отъ частей сужденія; при этомъ оказалось, что языкъ и грамматика подтверждаютъ наше опредѣленіе сужденія ³⁾.

Теперь мы разсмотримъ возникновеніе познанія, выдѣливъ въ немъ элементы, которые не даны индивидуальнымъ опытомъ, а обусловлены прирожденной организаціей души. И только послѣ этого мы разсмотримъ главнѣйшіе разряды объектовъ познанія, которые и по сей день составляютъ спорные вопросы гносеологіи.

§ 2. Наблюденія надъ зарождающимся познаніемъ дитяти требуютъ особой осмотрительности.

Чтобы отыскать элементы познанія, мы обратились къ простѣйшимъ познавательнымъ процессамъ, доступнымъ самонаблюденію и анализамъ каждаго: въ простомъ процессѣ легче разобратъся, чѣмъ въ сложномъ. Разсмотрѣніе зарождающагося познанія въ жизни дитяти откроетъ намъ первоисточники познанія и способы его возникновенія, чего не могутъ дать сложные процессы взросло

1) См. III гл. наст. изсл.

2) См. IV гл. наст. изсл.

3) См. V гл.

человѣка. Обращаясь къ душевной жизни дитяти первыхъ дней и мѣсяцевъ, мы должны сознаться, что относительно ея мы не можемъ имѣть непосредственныхъ свѣдѣній изъ самаго достовѣрнаго источника, т. е. изъ самонаблюденія. Дѣло въ томъ, что никто не помнитъ своихъ первыхъ впечатлѣній и познаній. Самыя раннія воспоминанія изъ своей жизни обыкновенно относятся къ тому возрасту, когда дѣти уже свободно владѣютъ рѣчью, т. е. къ третьему году и къ позднѣйшему времени ¹⁾). Поэтому по необходимости приходится обратиться къ объективнымъ наблюдениямъ надъ жизнью дитяти, которыя мы должны истолковывать на основаніи самонаблюденій. Въ подобныхъ наблюденіяхъ, а еще больше въ ихъ истолкованіи, необходима большая осмотрительность и точность. Это истолкованіе дѣлается обыкновенно слишкомъ поспѣшно: наблюдаемые движенія, крики и мимика дитяти обыкновенно объясняются по полной аналогіи со взрослымъ человѣкомъ, при чемъ не обращается вниманія на отсутствіе у дитяти того опыта, который бываетъ у взрослого. Такъ напримѣръ, въ моихъ записанныхъ наблюденіяхъ надъ моимъ сыномъ Владимиромъ значится на 15-мъ днѣ его жизни слѣдующее. „Если онъ кричитъ въ люлькѣ, и къ нему приближаются и поправляютъ его подушку, то онъ дѣлается покойнѣе. Если же его возьмутъ на руки, то онъ вполне успокаивается. Иногда же онъ снова начинаетъ кричать и успокаивается только сосаніемъ материнской груди (вѣроятно, когда онъ голоденъ). Въ другихъ случаяхъ при повторномъ крикѣ онъ снова успокаивается, когда его носятъ на рукахъ, или слегка качаютъ, или съ пѣніемъ убаюкиваютъ“. Обыкновенныя няни и матери могутъ внести въ истолкованіе подобныхъ наблюденій множество элементовъ изъ опыта взрослого человѣка, который

¹⁾ Изъ множества разспросовъ у моихъ бывшихъ учениковъ только одинъ мнѣ сообщилъ, что онъ помнитъ одно событіе изъ своей жизни, которое относится къ концу перваго года его жизни. Это былъ гимназистъ VII класса изъ дворянской образованной семьи, которому я вполне довѣряю, такъ какъ ни одинъ его отвѣтъ на мои повѣрочные вопросы не возбуждалъ во мнѣ сомнѣній. Но точность возраста, къ которому относилось его воспоминаніе, я не имѣлъ возможности провѣрить.

отсутствуетъ у 15-ти-дневнаго сосуна. Такъ напр., онъ скажутъ, что онъ узнаетъ приближающееся лицо и знаетъ цѣль его приближенія, что онъ любитъ пѣніе, или лицо, качающее и убаюкивающее его. Между тѣмъ для подобныхъ истолкованій не имѣется достаточныхъ основаній. Приближеніе чего-то большого (няни или отца) и движеніе подушки всегда предшествовали поднятію младенца изъ люльки и перенесенію его къ груди матери, которую онъ сосалъ: слѣдовательно эти впечатлѣнія, начинавшія обычный рядъ переживаній послѣ сна, могли по смежности вызвать остальные звенья ассоціаціи, включая и воображаемое удовольствіе сосанія, т. е. возбуждая пріятное ожиданіе. Когда же это ожиданіе не оправдывалось дѣйствительностью, то наступало не пріятное разочарованіе, выражающееся у младенца до 5-ти недѣль, какъ и все непріятное, крикомъ. Последнее истолкованіе гораздо проще и не предполагаетъ иного опыта, кромѣ того, который уже имѣется у 15-ти-дневнаго сосуна. Непріятныя ощущенія, выражаемыя крикомъ, младенецъ обнаруживаетъ съ первой минуты послѣ рожденія.

Съ другой стороны было бы ошибочнымъ всё проявленія душевной жизни дитяти объяснять однимъ опытомъ и ассоціаціями. Такъ напр., первое появленіе *чувства* вовсе не зависитъ отъ опыта или отъ ассоціацій. Уже само понятіе „первый“ исключаетъ всякій предшествовавшій въ этомъ отношеніи опытъ, хотя бы это первое чувство обнаружилось въ позднѣйшей жизни. Нѣкоторыя чувства, какъ извѣстно, обнаруживаются довольно поздно, напр.: сексуальныя и родительскія; однако и они не зависятъ отъ опыта. Даже чувства взрослого не могутъ быть объяснены одними ассоціаціями: они большей частью обусловлены оцѣнкой впечатлѣнія съ точки зрѣнія пользы или вреда или же съ эстетической и этической точекъ зрѣнія; но такой оцѣнки безъ предварительнаго опыта не можетъ быть у младенца, совершенно не понимающаго ни жизни, ни окружающей его природы. Между тѣмъ чувство *страха* наблюдается у дѣтей уже послѣ трехъ мѣсяцевъ жизни. Слѣдовательно это чувство, безъ сомнѣнія, вполне при рождено, какъ и всё болѣе сложныя чувства, проявляемыя въ первый разъ и не зависящія отъ опыта.

§ 3. Первые познавательные акты новорожденного дитяти.

Самыя элементарныя познанія—это воспріятія, въ которыхъ содержатся уже сужденія, входящія въ актъ такъ называемой апперцепціи. Въ этотъ актъ входятъ: 1) сужденія узнаванія тождественнаго съ прежнимъ познаніемъ, 2) сужденія о реальности впечатлѣнія, въ отличіе отъ представленія, 3) сужденія о пространственныхъ отношеніяхъ воспріятого, т. е. все то, что нѣмецкіе психологи называютъ локализацией и проекціей ощущеній въ пространство. Кромѣ этихъ сужденій, въ послѣдствіи присоединяются къ нимъ и разныя другія сужденія, напр.: о величинѣ видимаго, о его плотности и формѣ, о разстояніи его отъ видящаго ¹⁾. Объ этихъ элементарныхъ познавательныхъ актахъ мы можемъ узнать только изъ самонаблюденій на основаніи подробныхъ психологическихъ анализовъ. Но о жизни безсловеснаго младенца мы можемъ судить только на основаніи его движеній, криковъ и фізіологическихъ измѣненій: поэтому мы не имѣемъ возможности утверждать съ увѣренностью, когда именно онъ имѣетъ первое свое воспріятіе. На основаніи наблюденій мы знаемъ, что дѣятельность его органовъ чувствъ совершенствуется, хотя она обнаруживается съ перваго дня. По всему вѣроятію, младенецъ уже съ момента рожденія имѣетъ ощущенія холода. Затѣмъ—ощущенія голода и насыщенія, осязательныя и вкусовыя ощущенія ²⁾. Что у новорожденнаго должны быть на

¹⁾ См. *И. С. Пруданъ*, Практическое руководство по психологіи. Харьковъ, 1908, главы о воспріятіяхъ.

²⁾ Ощущенія тепла, быть можетъ, и отсутствуютъ въ первый день: новорожденный привыкъ къ температурѣ тѣла матери, въ + 37° по Цельсію; а выходя на воздухъ, который имѣетъ болѣе низкую температуру, онъ издаетъ крикъ, ощущая холодъ. (Впрочемъ, причины перваго крика, помимо холода, могутъ быть и другія: ощущенія боли и рефлексъ органа дыханія). Обычную температуру мы не ощущаемъ ни какъ холодъ, ни какъ тепло; а новорожденный реагируетъ крикомъ, когда его тѣло соприкасается съ воздухомъ, который ниже температуры тѣла. Слѣдовательно эту низшую температуру онъ долженъ ощущать какъ холодъ. Когда же онъ закутанъ, то онъ не испытываетъ холода и не кричитъ. Больше мы не знаемъ о его ощущеніяхъ. Въ данномъ случаѣ отсутствіе крика отнюдь не доказываетъ наличности ощущенія тепла; оно доказываетъ лишь отсутствіе холода.

лицо упомянутыя ощущенія, подтверждается наблюденіями. Уже въ первый день младенецъ довольно умѣло глотаетъ сладкую воду или разведенное коровье молоко и перестаетъ кричать. Очевидно, крикъ вызывается голодомъ, такъ какъ послѣ принятія пищи онъ прекращается. Самое глотаніе жидкости невозможно безъ осязательныхъ и мускульно-моторныхъ ощущеній, которыя вызываютъ соотвѣтственные двигательные рефлексы въ глоткѣ. Наличие ощущеній уже въ первый день подтверждается и моими наблюденіями: мой сынъ „на второй день проснулся съ крикомъ; но когда его взяли на руки, то онъ успокоился. То же повторилось въ тотъ же день. Проснувшись съ крикомъ, онъ тотчасъ же успокоился, когда его взяли на руки“. Очевидно, онъ ощущалъ свое поднятіе, и это его успокоивало: вѣроятно, онъ вспоминалъ, что послѣ этого слѣдуетъ глотаніе сладкаго, пріятнаго. „Когда его впервые поднесли къ груди матери, то онъ тотчасъ же началъ ее сосать; но черезъ минуту онъ пересталъ сосать и началъ кричать: въ груди еще не было молока“. Очевидно, первый крикъ послѣ пробужденія былъ вызванъ ощущеніемъ голода, которое временно было вытѣснено изъ поля сознанія новыми ощущеніями; но затѣмъ оно возобновилось и снова вызвало обычный рефлексъ крика. Дальше мое наблюденіе записано такъ. „Тогда ему дали разбавленнаго коровьяго молока, которое онъ глоталъ умѣло (лучше, чѣмъ въ первый день), при чемъ раскрылъ глаза и былъ покоенъ“. Фактомъ упражненія въ глотаніи подтверждается наличие памяти (какъ сохраненія) уже на второй день. Равнымъ образомъ и впечатлѣнія отъ поднятія на руки и послѣдовавшей за нимъ сладости (молока) должны были сохраниться: иначе, онъ не успокоился бы скорѣе, чѣмъ на канунѣ. Наличие памяти даетъ намъ право предполагать отождествленіе новаго впечатлѣнія (отъ поднятія на руки) съ сохраненнымъ прежнимъ. Слѣдовательно тутъ уже имѣется зародышъ апперцепціи, и повторенное впечатлѣніе второго дня можно уже считать за первичное воспріятіе, т. е. за познавательный актъ.

Изъ предметовъ внѣшняго міра новорожденный прежде всего знакомится съ грудью матери и со своимъ собственнымъ тѣломъ. „Во время бодрствованія мой сынъ В. на второй день игралъ пальцами своихъ ручекъ, которыя дер-

жалъ у своего личика. При этомъ онъ бралъ въ ротъ то свои пальчики, то верхнюю кожу кисти руки и сосалъ ихъ“. Это были частью самопроизвольныя („импульсивныя“) движенія, частью инстинктивныя. Дальше въ моихъ наблюденіяхъ записано: „Уже въ этотъ день онъ поворачивалъ глазами, а также головой самопроизвольно, т. е. безъ всякаго повода извнѣ; головой онъ поворачивалъ справа на лѣво, а потомъ въ обратную сторону... То же повторилось и на третій день... Ручки онъ держалъ со сжатыми кулаками у личика; по временамъ же онъ самопроизвольно двигалъ пальчиками. При этомъ у него разъ отдѣлился указательный палецъ лѣвой руки и прикоснулся лѣвой ноздрѣ. Это прикосновеніе, повидимому, было случайное“. Такъ записаны мои наблюденія; они весьма поучительны. Прикосновеніе пальцемъ къ ноздрѣ должно было вызвать осязательныя ощущенія и въ палецѣ, и въ ноздрѣ. Между тѣмъ прикосновеніе того же пальца къ одѣялу, къ пеленкамъ, или къ другому твердому предмету вызывало одно ощущеніе, лишь въ палецѣ. При повторенныхъ опытахъ младенецъ могъ убѣждаться, что одѣяло, пеленки, люлька и другіе видимые имъ предметы не вызываютъ осязательныхъ ощущеній, когда къ нимъ касаются другіе предметы, а не пальцы младенца. Если же такой предметъ коснется его кожи, то тотчасъ же получается осязательное ощущеніе. Тѣ предметы, очевидно, иныя, чѣмъ поверхность его рукъ, лица, ногъ, шеи и т. д. Въ послѣднихъ отъ прикосновенія другихъ предметовъ получаютъ осязательныя ощущенія, которыя иногда неприятны. Отъ прикосновенія же пальцевъ къ поверхности своего тѣла получаютъ во всѣхъ частяхъ тѣла двойныя осязат. ощущенія и въ палецъ и въ кожѣ тѣла. Слѣдовательно собственное тѣло постоянно отзывается на прикосновенія, а поверхность другихъ тѣлъ ничего подобнаго не вызываетъ ¹⁾. Такимъ образомъ устанавливается

¹⁾ Безсловесный младенецъ, разумѣется, не рассуждаетъ въ приведенныхъ нами словахъ и понятіяхъ: у него могутъ быть только представленія отъ полученныхъ впечатлѣній и сужденія тожества и различія, и тѣ—въ примитивной формѣ интеллектуальныхъ чувствъ. Впрочемъ, не исключена возможность, что видимые предметы ему и сразу представляются протяженными и внѣшними по отношенію къ своему тѣлу.

рѣзкое отличіе между своимъ тѣломъ и другими тѣлами. Вотъ какимъ образомъ совершается первое выдѣленіе своего тѣла отъ другихъ (отличіе между „Я“ и „не—я“). Этотъ процессъ можетъ начаться уже съ третьяго дня жизни; но онъ заканчивается довольно поздно,—когда младенецъ умѣетъ ходить и говорить, а можетъ быть, и позже.

Уже изъ приведенныхъ немногихъ наблюденій видно, что безъ самопроизвольныхъ движеній рукъ, глазъ, головы не развились бы и другія—болѣе сложныя; безъ нихъ не далось бы познаніе ни своего тѣла, ни внѣшнихъ предметовъ. Но и самопроизвольность и рефлексы *прирождены*: они имѣются еще во внутриутробной жизни.

§ 4. Прирожденные способности человѣка.

Какъ матери и няни склонны преувеличивать сложность дѣтской душевной жизни, такъ ученые естествоиспытатели подѣ влияніемъ сенсуалистическаго ученія и фізіологическихъ гипотезъ склонны слишкомъ упрощать душевную жизнь младенца, объясняя ее одними ассоціаціями идей и рефлексами нервной системы. Между тѣмъ развитіе душевной жизни въ большей степени зависитъ отъ врожденной организаціи, отъ множества дремлющихъ силъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій и впечатлѣній. Попробуйте воспитывать по человѣчески дѣтеныша обезьяны, подвергая его тѣмъ же условіямъ и впечатлѣніямъ, что и младенца человѣка! Изъ обезьяны все же получится обезьяна, а не человѣкъ. Въ зоологическихъ садахъ уже почти 200 лѣтъ выращиваются и воспитываются орангутанги: однако надежды философовъ 18-го вѣка, въ родѣ Дэ-Ла-Метри¹⁾, возлагавшіяся ими на орангутанговъ, не оправдались: до сихъ поръ не удалось научить обезьяну ни говорить, ни мыслить по-человѣчески.

Самыя полныя и самыя точныя наблюденія надъ развитіемъ душевной жизни у дитяти имѣются въ послѣднемъ трудѣ Прейера, озаглавленномъ „Душа дитяти“, переведенномъ уже и на русскій языкъ. Хотя Прейеръ—естествоиспытатель-фізіологъ, однако онъ не закрываетъ глазъ передъ фактами дѣйствительности, противорѣчащими упомянутымъ

¹⁾ *De-la-Mettrie, L'homme machine.*

теоріямъ и гипотезамъ. Преіеръ отмѣчаетъ и „импульсивныя“ (самопроизвольныя) движенія у дѣтей, и врожденность раздражательныхъ и инстинктивныхъ движеній, а равно и врожденность нѣкоторыхъ чувствъ ¹⁾. Несомнѣнно и психическая жизнь имѣетъ свой ходъ развитія, которое начинается еще во внутриутробной жизни. Эта внутриутробная жизнь не поддается непосредственнымъ наблюденіямъ; но не можетъ быть сомнѣнія, что она начинается съ перваго дня зачатія. Иначе, какъ могли бы быть переданы способности, унаслѣдованныя отъ отца, котораго младенецъ никогда не видалъ? Такіе случаи очень обычны у незаконнорожденныхъ. Эти унаслѣдованныя способности иногда обнаруживаются довольно поздно, даже послѣ остановки роста тѣла; но и въ такихъ случаяхъ они не могутъ быть объяснены воспитаніемъ и раздраженіемъ. Впрочемъ, самое раздраженіе, какъ мы увидимъ, есть нѣчто прирожденное: не всѣ люди и животныя въ одинаковой степени способны къ раздраженію. Обезьяна способнѣе въ этомъ отношеніи всѣхъ животныхъ, а человѣкъ въ значительной степени превосходитъ обезьяну. А безъ раздраженія невозможно и самое воспитаніе.

Прирожденныхъ способностей не отрицалъ и Локкъ, котораго иногда по недоразумѣнію считаютъ родоначальникомъ сенсуализма. Локкъ отрицалъ „прирожденные идеи“ въ смыслѣ готовыхъ сознательныхъ переживаній; но онъ не отрицалъ природенныхъ способностей. Наоборотъ, онъ прямо говоритъ, что въ сущности вся душа прирождена человеку, слѣдовательно—и способность къ воспріятію впечатлѣній, и способность „рефлексіи“, обусловливающая „внутренній опытъ“. Что и во внутриутробной жизни совершаются не только фізіологическіе процессы, но даже и довольно сложные движенія—это фактъ общеизвѣстный ²⁾. Такъ какъ движенія глотанія, совершае-

¹⁾ Preyer, Die Seele des Kindes, 7. Aufl.

²⁾ Еще Эразмъ Дарвинъ отмѣтилъ разныя движенія у телятъ, не только оконечностей, но и глотательныя: у таковыхъ находили въ желудкѣ проглоченныя волосы собственной шерсти. Слѣдовательно телята и въ утробной жизни могутъ себя лизать и проглатывать свою шерсть. Такъ же онъ отмѣчаетъ и движенія у цыплятъ, еще не вылупившихся изъ яйца. (K u s s m a u l, Unters. üb. d. Leben des neugeborenen Menschen L. 1859).

мыя эмбрионами, невозможны безъ соотвѣтственныхъ осязательныхъ и мускульно-моторныхъ ощущеній глотки, то очевидно, что и во внутриутробной жизни должны существовать эти ощущенія. Кроме того, весьма вѣроятно, что и отъ самыхъ движеній, а равно и отъ другихъ физиологическихъ процессовъ, эмбрионъ получаетъ впечатлѣнія. Такимъ образомъ падаетъ та искусственная перегородка, которая отдѣляетъ внутриутробную психическую жизнь отъ жизни послѣутробной. У нѣкоторыхъ птицъ, съ перваго дня бѣгающихъ, напр. у цыплятъ, уже въ первый день жизни обнаруживаются такія сложныя движенія, обусловленныя зрительными воспріятіями, которымъ человѣкъ научается съ трудомъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія. Такъ напр., иной цыпленокъ уже въ первый день, послѣ того какъ вылупился изъ яйца, ловить муху. Очевидно, къ этому искусству онъ былъ подготовленъ еще въ яичной скорлупѣ, а самую способность унаслѣдовалъ у предковъ ¹⁾.

§ 5. Объясненіе прирожденныхъ движеній.

Къ движеніямъ человѣка, не зависящимъ отъ его личнаго опыта, относятся: рефлекторныя, инстинктивныя и раздражательныя, а равно импульсивныя. 1) Послѣднія не вызываются внѣшними раздраженіями, а обусловлены какими-то внутренними органическими причинами, недостаточно еще извѣстными.

У дитяти они обнаруживаются съ перваго дня послѣ рожденія; но они имѣются и у взрослыхъ. Какъ мы видѣли въ § 3 настоящей главы, новорожденный младенецъ уже на второй день „играетъ“ своими пальчиками, когда удовлетворенъ его голодъ. Эта „игра“ пальцами состоитъ въ движеніяхъ, которыя не обусловлены никакими внѣшними причинами. Эти движенія обнаруживаются преимущественно послѣ предшествовавшаго отдыха и послѣ сна.

То же бываетъ и у взрослыхъ. Иной отъ бездѣйствія и отъ скуки барабанитъ пальцами; иной мнетъ бумажный шарикъ или дергаетъ пуговицу. Засидѣвшись долго на

¹⁾ Прирожденныхъ способностей относ. познанія не признавалъ Кондильякъ и его послѣдователи; въ теоріи ихъ отвергалъ и Герbartъ. Мы увидимъ, что они ошибались: и познаніе не дается человѣку разомъ.

одномъ мѣстѣ, мы встаемъ и ходимъ безъ цѣли, чтобы „размять свои члены“. Пробудившись отъ достаточно продолжительнаго сна, здоровый человѣкъ не можетъ долго лежать неподвижно: онъ потягивается и наконецъ встаетъ изъ постели. Всѣ эти и подобныя имъ движенія являются результатомъ самоподвижности и самодѣятельности организма: каждый органъ послѣ отдыха самъ собою обнаруживаетъ свою дѣятельность, которую иногда не въ силахъ подавить и сознательная воля. Эта самодѣятельность не можетъ быть объяснена нервными токами и рефлексамн¹⁾. Эта самодѣятельность составляетъ основное свойство животной жизни, и очевидно прирождена и человѣку. Ею обусловлено, напр. сердцебиеніе, дыханіе, которыя не останавливаются до смерти.

2) Рефлексы состоятъ въ невольныхъ мускульныхъ сокращеніяхъ и соотвѣтственныхъ движеніяхъ, которыя вызываются опредѣленнымъ ощущеніемъ и раздраженіемъ центростремительнаго (чувствительнаго) нерва. И такыя обнаруживаются у младенца уже въ первые дни послѣ рожденія. Къ нимъ относятся: крики отъ непріятныхъ ощущеній, закрываніе вѣкъ при внезапномъ приближеніи къ нимъ предметовъ, поворачиваніе глазами за движущимися внѣшними предметами, чиханіе, кашель. Всему этому никто не училъ младенца: съ этими способностями онъ уже родился.

Физиологи и біологи, по примѣру Спенсера, объясняютъ эти движенія тѣмъ, что отъ мозговой клѣтки, получающей раздраженіе отъ чувствительнаго нерва, исходитъ двигательный нервъ, кончающійся въ мускулѣ, которому и передается раздраженіе двигательнаго нерва. Но это объясненіе, хотя оно просто и опирается на факты анатоміи, все же неудовлетворительно.

Рефлекторныя движенія бываютъ и у взрослыхъ: поэтому мы имѣемъ возможность ихъ проанализировать и провѣрить на основаніи своихъ самонаблюденій. Прежде всего біологами приписываются той же мозговой клѣткѣ двѣ совершенно различныя функціи: 1) она получаетъ раздраженіе (ощущеніе) отъ чувствительнаго нерва; 2) она же даетъ приказъ по двигательному нерву сокращаться со-

¹⁾ Ср. И. С. Проданъ, Практич. руков. по психол. III ч. гл. о движеніяхъ.

отвѣтственному мускулу. Раздраженіе чувствительнаго нерва, которымъ будто бы поражается опредѣленное ощущеніе, не можетъ быть тождественнымъ съ раздраженіемъ двигательнаго нерва, вызывающимъ сокращеніе мускула. Это измѣненіе качества нервныхъ токовъ остается безъ объясненія. Затѣмъ, самое предположеніе, будто нервнымъ токомъ чувствительнаго нерва вызывается въ мозговой клѣткѣ „ощущеніе“, т. е. психическій, а не фізіологическій процессъ, опирается на гипотезу психофізическаго параллелизма, которая признается не всѣми психологами. Далѣе, извѣстно, что тотъ же рефлексъ, напримѣръ, закрыванія вѣкъ, получается при весьма различныхъ зрительныхъ впечатлѣніяхъ: вѣки закрываются и отъ приближенія къ нимъ мухи, комашки, пальца и любого предмета; эти предметы могутъ до безконечности отличаться другъ отъ друга и цвѣтомъ, и величиной, и формой. Неужели же всѣ эти безчисленные и разнообразныя предметы „ощущаются“ однимъ и тѣмъ же чувствительнымъ нервомъ, одной и той же мозговой клѣткой?

Фізіологія все объясняетъ одними нервными токами, природа которыхъ до сихъ поръ неизвѣстна; одно только достовѣрно, что это не электрическіе токи. Но объясненіе огромнаго числа разнообразныхъ ощущеній одними и тѣми же нервными токами ровно ничего не объясняетъ; это—только маскировка нашего незнанія. Если же предположить для каждаго элемента ощущенія особую нервную нить или волоконце и особую мозговую клѣтку, то такихъ не хватитъ и на одну билліонную часть всѣхъ психическихъ элементовъ. Это было мною обстоятельно разъяснено и доказано въ моемъ изслѣдованіи „О памяти“¹⁾. Наконецъ, если бы рефлексъ зависѣли отъ однихъ нервныхъ процессовъ: то осталось бы не разъясненнымъ, почему у взрослога возможно задерживаніе и остановка рефлексовъ посредствомъ сознательной воли. Чтобы этотъ фактъ объяснить, фізіологи опять прибѣгаютъ на помощь къ новой гипотезѣ,—о „задерживающихъ центрахъ“; таковыя будто бы находятся въ корковомъ веществѣ большого мозга и задерживаютъ рефлексъ. Какимъ образомъ происходитъ это задерживаніе, остается неизвѣстнымъ. Довольно того, что найдено новое слово, и

¹⁾ См. *И. С. Шроданъ, О памяти, Юрьевъ 1904, I ч. гл. VI.*

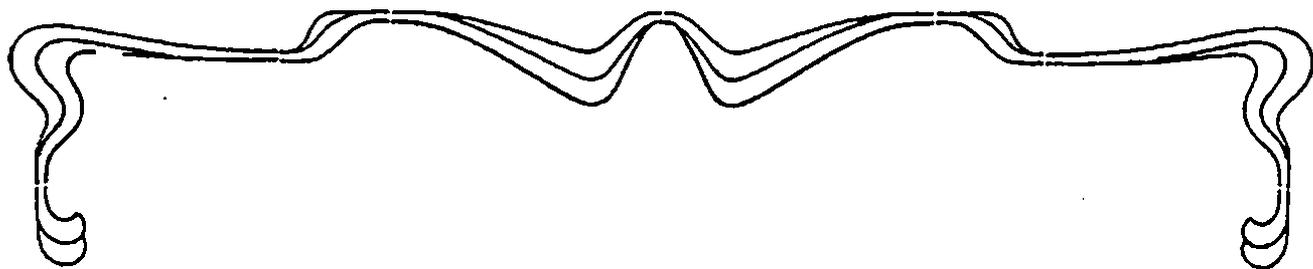
это слово успокаиваетъ физиологовъ и широкую публику. Между тѣмъ эта вспомогательная гипотеза вызываетъ много недоумѣній: 1) задерживающій центръ, очевидно, долженъ получать свѣдѣнія о предстоящемъ рефлексѣ; затѣмъ, онъ долженъ бодрствовать и быть на сторожѣ: какъ только наступитъ раздраженіе чувствительнаго нерва, дающее ощущение, задерживающій центръ долженъ отдать приказъ,— не смѣть сокращать мускулы. Наконецъ, 3) онъ долженъ вести еще контроль, исполненъ ли этотъ его приказъ. Такъ на самомъ дѣлѣ должны себѣ представлять физиологи отправленія этихъ центровъ. Но эти представленія грубый антропоморфизмъ, противъ котораго такъ сильно возстаютъ нѣкоторые естествоиспытатели. Подобное объясненіе физиологическаго процесса, вѣрнѣе остановки такового, терминами и фактами психологическими—совершенно противорѣчитъ объективной точкѣ зрѣнія физиологін: вѣдь она ничего не признаетъ за реально существующее, кромѣ видимаго и осязаемаго и вообще доступнаго нашимъ органамъ чувствъ. Между тѣмъ полученіе свѣдѣній и воля (приказаніе) суть явленія не физическія, не матеріальныя.

Рефлекторныя движенія становятся понятными, если имѣть въ виду ихъ разумную цѣль: закрываніе вѣкъ, очевидно, имѣетъ ту цѣль, чтобы предохранить глазъ отъ попаданія въ него летающихъ мелкихъ насекомыхъ и пыли и чтобы предохранить глазъ отъ порчи. Крикъ сосуна возбуждаетъ вниманіе матери, которая устраниваетъ страданіе своего дитяти. Поварачиваніе глазъ имѣетъ въ виду дать ему лучшее положеніе для зрѣнія. Чиханіе имѣетъ въ виду удалить изъ ноздрей попавшую въ нихъ пыль или постороннее тѣло. Кашель выдѣляетъ изъ бронхъ мокроту, которая могла бы парализовать дѣятельность легкихъ.

Правда, этой разумной цѣли не сознаютъ ни младенцы, ни большинство взрослыхъ людей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что ея нѣтъ. Изъ того факта, что я не видѣлъ Америки и Австраліи отнюдь не слѣдуетъ, что эти части свѣта не существуютъ. Изъ того, что самъ человекъ не знаетъ разумныхъ цѣлей его органовъ, слѣдуетъ одно,—что не онъ ихъ установилъ. А откуда онѣ взялись, это другой вопросъ, о которомъ мы потолкуемъ въ другомъ мѣстѣ.

Ис. С. Проданъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры.

(Окончаніе *).

Г л а в а Ш.

Вѣра въ различныхъ формахъ ея проявленія.

І. Научная вѣра.

Въ научной вѣрѣ, по взгляду Ульрици, достовѣрность и очевидность ея содержанія зависятъ прежде всего отъ доказательной силы, достоинства и значенія объективныхъ основаній и противоснованій, подлежащихъ вниманію обсуждающаго и взвѣшивающаго ихъ субъекта. Чтобы лучше понять сущность и характеръ этой вѣры у Ульрици ¹⁾, надо всегда имѣть въ виду слѣдующее: часто по отношенію къ какому-нибудь предмету возможно бываетъ такое стеченіе обстоятельствъ, заключающихъ въ себѣ условія его достовѣрности, при которомъ оказывается на лицо масса объективныхъ основаній и, все-таки, приходится выносить опредѣленіе по субъективному отношенію къ предмету. Вотъ какъ бы къ примиренію такихъ то противоположностей (объективности основаній и субъективности опредѣленія) и направляется научная вѣра.

Въ самомъ дѣлѣ, вполне возможно, что мы составимъ свое рѣшеніе въ пользу признанія или отрицанія какого-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1912 г.

¹⁾ Повидимому, дѣленіе вѣры на различныя формы ея проявленія означаетъ у Ульрици ни что иное, какъ различіе ея по степенямъ достовѣрности и очевидности.

нибудь научнаго положенія, исходя изъ совершенно объективныхъ основаній, путемъ обсужденія фактическихъ данныхъ и также взвѣшиванія всѣхъ мотивовъ pro и contra, исключаящихъ всякія личныя вліянія и субъективныя примѣсы какихъ-нибудь индивидуальныхъ, предубѣжденныхъ интересовъ; словомъ, наше рѣшеніе можетъ опираться на самую природу того предмета, о которомъ идетъ рѣчь, или на внѣшнія данныя, не зависящія отъ насъ обстоятельства и отношенія. И при всемъ томъ, результаты такого объективнаго взвѣшиванія всѣхъ основаній, послѣ тщательнаго обдумыванія и обсужденія предмета, могутъ быть *только вѣрой*, но ни въ какомъ случаѣ и никогда знаніемъ. И это по той простой причинѣ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакого объективнаго, всеобщаго масштаба, для измѣренія доказательной силы основаній и противоснованій; а значитъ и рѣшеніе или опредѣленіе природы вещи самой въ себѣ здѣсь всегда обусловливается субъективностью обсуждающаго и взвѣшивающаго индивида. Отсюда, по мнѣнію Ульрици, всегда и вполнѣ возможно „всѣ случаи такого рода, въ которыхъ добытымъ результатамъ приписывается относительно высокая степень достовѣрности и очевидности, относить еще къ области знанія“. Лучше же всего эти случаи не относить ни къ вѣрѣ, ни къ знанію, если ту или другую сторону брать въ ея чистомъ видѣ; а еще лучше относить къ той и другой, поставляя ихъ на границѣ между вѣрой и знаніемъ. И оно, дѣйствительно, съ одной стороны, въ силу качественной объективности основаній, на которыя опирается наше рѣшеніе, а съ другой—въ силу отнесенія на счетъ нашей субъективности опредѣленія количественной суммы этихъ основаній для ихъ перевѣса на сторону того или другого мнѣнія, стоитъ на границѣ между вѣрой и знаніемъ и вслѣдствіе этого какъ бы принимаетъ участіе въ обѣихъ этихъ областяхъ, здѣсь, именно, тѣснѣйшимъ образомъ соприкасающихся между собою.

Ульрици, однакоже, далекъ отъ мысли отождествлять, хотя бы въ данномъ только пунктѣ, вѣру и знаніе: поставляя научную вѣру на границѣ между вѣрой и знаніемъ и считая ее соприкасающейся съ той и другой областью, онъ этимъ не хочетъ вовсе сказать того, что здѣсь уже уничтожается различіе между вѣрой и знаніемъ, и одно

переходить въ другую. И вѣра, и знаніе, вездѣ, какъ и тутъ, сохраняютъ у него самостоятельное значеніе, и о научной вѣрѣ онъ не говоритъ, что она есть знаніе, а только считаетъ возможнымъ относить ее еще къ области знанія *въ известномъ отношеніи* и ничего не имѣетъ противъ такого отнесенія, т. е. считаетъ ее знаніемъ въ условномъ, относительномъ смыслѣ, по существу же сохраняя за ней значеніе и смыслъ вѣры и только вѣры. Вотъ почему Ульрици прямо и говоритъ, между прочимъ: „никогда нельзя забывать того, что различіе между ними (случаями научной вѣры) и положеніемъ: $2 \times 2 = 4$, въ отношеніи къ ихъ достовѣрности и очевидности, остается навсегда неуничтожимымъ, и, если кто хочетъ считаться съ этимъ различіемъ, тотъ долженъ и можетъ всѣ эти случаи безъ исключенія подсумировать (подводить) всетаки только подъ понятіе вѣры“ ¹⁾.

Такова научная вѣра у Ульрици по своему характеру и существу. Она можетъ проявляться въ двухъ различныхъ видахъ. Первая форма научной вѣры имѣетъ свое мѣсто тамъ, гдѣ человѣческое мышленіе не можетъ перешагнуть за предѣлы вѣры и вступить въ область чистаго, подлиннаго знанія, потому что его какъ бы не пускаютъ туда качества даннаго объекта; здѣсь, такимъ образомъ, вѣра основывается на самой природѣ познаваемаго предмета и на его отношеніи къ природѣ познающаго субъекта—вообще и къ человѣческой способности познанія—въ частности: таковы уже природныя качества самаго предмета, что они допускаютъ возможность различнаго пониманія вещи самой въ себѣ и, поэтому самому, также возможность свободнаго обсуждения и взвѣшиванія всѣхъ основаній pro и contra. Для примѣра можно указать на фізіологію: эта наука хотя и доказала, что источникъ начала происхожденія организма кроется въ зародышевой клѣткѣ (протоплазмѣ), но какія силы и качества принадлежатъ этой зачаточной клѣткѣ, какую роль она играетъ въ дальнѣйшемъ развитіи и оформленіи организма,—рѣшать эти вопросы въ одномъ только какомъ-нибудь направленіи и отвѣчать на нихъ въ обязательномъ для всѣхъ смыслѣ—фізіологія не осмѣливается;

¹⁾ Glaub и Wissen, s. 272.

здѣсь все относится уже на счетъ субъективнаго самоопредѣленія даннаго индивида, который послѣ предварительнаго взвѣшиванія всѣхъ объективныхъ основаній и противооснованій выноситъ свое рѣшеніе и въ результатъ всего получаетъ то или другое пониманіе даннаго объекта.

Что касается другого вида научной вѣры, то о немъ, прежде всего, нужно замѣтить, что онъ представляетъ изъ себя болѣе распространенный типъ научной вѣры и отличается отъ перваго тѣмъ, что здѣсь вѣра основывается не на качествахъ или природѣ даннаго объекта и его отношеній къ нашимъ познавательнымъ способностямъ, а на природѣ самыхъ этихъ познавательныхъ способностей; въ силу, именно, относительности и ограниченности послѣднихъ намъ во многихъ случаяхъ, поневолѣ, такъ сказать, приходится во многое только вѣрить, а не знать, дополняя своимъ воображеніемъ то, чего не достаетъ въ полученныхъ изъ опыта воспріятіяхъ и воззрѣніяхъ и въ переработанныхъ изъ нихъ, съ помощью разсудка и идеальнаго содержанія разума, представленіяхъ, понятіяхъ и идеяхъ. Словомъ, приходится обращаться за услугами къ такъ называемому, дополнительному знанію, которое у Ульрици играетъ весьма видную роль во всей системѣ его умозрительной теологіи —вообще, и въ частности—служить основаніемъ второй формы научной вѣры, наиболѣе распространенной и наиболѣе важной для насъ въ виду того, что она, именно, является главнымъ базисомъ при метафизическомъ обоснованіи объективности содержанія религіозной вѣры, какъ это мы и увидимъ ниже. Поэтому, сейчасъ мы считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на выясненіи понятія дополнительнаго знанія, какъ своеобразной формы научной вѣры, тѣмъ болѣе, что это именно знаніе, съ добытыми имъ результатами, составляетъ значительную часть содержанія всего запаса научнаго багажа человѣчества, т. е. того, чѣмъ оно считаетъ себя въ правѣ, по преимуществу, гордиться, а въ истинности и культурномъ значеніи чего ни на минуту не сомнѣвается.

Врядъ-ли кто, думаетъ Ульрици, будетъ сомнѣваться въ томъ, что наше познаніе и знаніе ограничено, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, что оно расширяется и развивается съ чрезвычайно послѣ-

довательной и медленной постепенностью; это значитъ, наше знаніе никогда не бываетъ цѣльнымъ, но всегда только частичнымъ, единичнымъ, случайнымъ (хотя, конечно, этимъ не отрицается возможность относительнаго познанія и всеобщаго, существеннаго, субстанціальнаго). Но вѣдь часть, какъ часть, находится въ извѣстномъ отношеніи къ своему цѣлому, извѣстную долю котораго она составляетъ, а потому всегда и непремѣнно предполагаетъ его. И вотъ, прирожденное нашему духу и ничѣмъ неискоренимое изъ него стремленіе или склонность къ знанію, тяготѣетъ къ этому цѣлому, томится какъ бы по немъ и не успокаивается, не можетъ почувствовать себя удовлетвореннымъ все то время, въ которое видитъ лишь неполное раскрытіе этого цѣлаго въ его отдѣльныхъ частяхъ. Тутъ на помощь человѣческому духу является воображеніе, благодаря которому наше знаніе не только безпрестанно дѣлаетъ попытки перешагнуть за границы накопленнаго вѣками матеріала, но и дѣйствительно ихъ перешагиваетъ. Да такъ и должно быть, съ увѣренностью говоритъ Ульрици: разъ наше знаніе, съ одной стороны, не отдѣляется строго и рѣзко очерченными, неподвижными границами отъ вѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, незнанія, а скорѣе, наоборотъ,—черезъ различныя степени достовѣрности и очевидности спускается или незамѣтно переходитъ въ область послѣднихъ; такъ какъ, съ другой стороны, отъ извѣстныхъ познанныхъ и ясно опредѣленныхъ частныхъ сторонъ своего содержанія, ссылается на неизвѣстное, непознанное, болѣе или менѣе неопредѣленное цѣлое,—то оно само, конечно, и стремится быть понятнымъ при помощи послѣдняго, хочетъ *восполнить* себя, выступая за предѣлы своихъ границъ.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ, дѣйствующихъ при образованіи дополнительнаго знанія, является, по мнѣнію Ульрици, законъ причинности, въ которомъ съ особенной силой заявляетъ о себѣ человѣческому духу его потребность въ такомъ знаніи. Это именно знаніе и лежитъ въ основѣ научной вѣры или, лучше, само оно и есть эта вѣра во второй формѣ ея проявленія и, при этомъ, дѣйствительно вѣра по существу, а не знаніе; знаніемъ же она и не можетъ быть по отсутствію двухъ существенно необходимыхъ для этого признаковъ: 1) высшей достовѣрности и 2) независимости рѣшенія отъ субъективности индивидуума.

Это дополнительное знаніе въ формѣ научной вѣры имѣетъ громадное гносеологическое значеніе, такъ какъ ему принадлежитъ обширное господство во всѣхъ областяхъ нашего знанія и науки. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь причина, изслѣдованіе которой составляетъ конечную цѣль всякой науки, не дается непосредственно для воззрѣнія или созерцанія, такъ какъ постоянное, неизмѣнное слѣдованіе другъ за другомъ двухъ явленій, которое только мы воспринимаемъ непосредственно, само по себѣ и въ себѣ не заключаетъ еще взаимоотношенія причины и слѣдствія обонхъ. А, потому, во всѣхъ случаяхъ представленіе или понятіе о причинѣ всегда и бываетъ болѣе или менѣе неточнымъ, неопредѣленнымъ и мы можемъ познать только, что бываетъ что-то въ результатѣ извѣстнаго дѣйствія (das Dass der Wirkung), но никогда не познаемъ—качественности и способа произведенія послѣдняго (das Wie der Wirksamkeit). Изъ этого же слѣдуетъ, что все наше познаніе естественнаго хода вещей или процесса мірового развитія вселенной, какъ и вообще—законовъ всего существующаго, насколько таковыя выражаютъ дѣйствіе причинъ или причинной связи и взаимоотношенія извѣстныхъ условій, такое познаніе относится только къ области вѣры или, точнѣе, къ научной вѣрѣ. Вотъ почему, думаетъ Ульрици, во всѣхъ наукахъ, не исключая и философіи и, такъ называемыхъ, точныхъ наукъ, чистое значеніе какъ бы пронизано вѣрой и постоянно переплетается съ нею, имѣя права только на весьма незначительную, слабую степень достовѣрности и очевидности, а также и научности въ собственномъ смыслѣ слова. „И научной гордости естествоиспытателя и философа, говоритъ Ульрици, нужно только удивляться тому, какъ незначительна въ наукѣ область подлиннаго знанія и какъ бѣдно его содержаніе въ сравненіи съ тѣмъ, что, по существу дѣла, должно быть отнесено къ области вѣры. Примѣры изъ такъ называемой точной науки сейчасъ намъ покажутъ это.

Математика ¹⁾, это наука по преимуществу (parexcellence),

¹⁾ Ульрици останавливается слишкомъ подробно на каждой наукѣ и показываетъ преимущественное господство въ ней вѣры на счетъ знанія на очень многихъ примѣрахъ (Glauben und Wissen, ss. 275—294). Мы же приводимъ только нѣкоторые изъ послѣднихъ и затѣмъ прямо дѣлаемъ изъ нихъ общіе выводы.

патентованный образецъ чистаго, точнаго знанія,—и та, все-таки—часто страдаетъ отсутствіемъ высшей степени дословѣрности и очевидности. Всѣ такія общія, принципиальныя, математическія положенія, каковы-лежащія въ основѣ всѣхъ математическихъ положеній понятія количества, пространства и границъ съ ихъ принципомъ безконечной дѣлимости величинъ и съ ихъ опредѣленіемъ точки и линіи; затѣмъ, высшія, математическія построенія изъ области дифференціальныя и интегральныя вычисленій,—все это относится къ сферѣ чего-то туманнаго, неяснаго, неопредѣленнаго и во всякомъ случаѣ, не обладающаго полной достовѣрностью и очевидностью.

Въ естествознаніи дѣло обстоитъ въ разсматриваемомъ отношеніи еще хуже, на какой бы наукѣ мы ни остановили тамъ свое вниманіе. Наприм., основной законъ всякаго движенія, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, является основнымъ принципомъ въ физикѣ (механики) гласитъ: всякое двигающееся тѣло, не встрѣчая на пути своего направленія противодѣйствующей ему и задерживающей его скорость силы, необходимо продолжаетъ свое движеніе въ безконечность. Но этотъ законъ, по существу дѣла, оказывается только приложеніемъ логическихъ законовъ тождества, противорѣчія и закона причинности (по формулѣ: $A=A$; движеніе есть движеніе и—всякое дѣйствіе должно имѣть свою причину). Если же спросить: что такое самое движеніе и на чемъ оно основывается? то сейчасъ же начинаются споры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко открывается дверь сомнѣнію. Таковую же загадку для естествознанія представляетъ изъ себя и утверждаемая астрономіей сила притяженія міровыхъ тѣлъ, входящая въ болѣе общее понятіе силы тяжести. Съ какимъ бы довѣріемъ всѣ ученые ни относились къ этимъ силамъ, все-таки ихъ, поистинѣ, мистическое дѣйствіе доказать наглядно никогда и ничѣмъ нельзя.

Такъ же, если не еще болѣе, чѣмъ силы притяженія, темны и гипотетичны силы темноты, свѣта, электричества, магнетизма и пр., надъ которыми оперируетъ физика: все это лишь простыя имена для обозначенія всѣмъ извѣстныхъ явленій, не говорящія ничего о томъ, что есть за послѣдними. Не лучше дѣла обстоятъ и въ химіи: правда, этой, именно, наукѣ больше всего человѣчество обязано всѣми

грандіозными успѣхами и благостояніемъ современной культуры. И тѣмъ не менѣе, ея ученіе о существѣ и свойствахъ матеріи, а также и молекулахъ, о силахъ сцѣпленія, кристаллизаціи, химическаго сродства и пр.,—остается для насъ совершенно непонятнымъ;—все это лишь пустые звуки, съ которыми связывается представленіе объ извѣстныхъ явленіяхъ, но которыя не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія о томъ (производящемъ ихъ), что скрывается за этими явленіями.—Такъ печально, по мнѣнію Ульрици, обстоитъ дѣло и во всякой другой естественной наукѣ. Что же касается такихъ наукъ, каковы: логика и психологія, юриспруденція и наука о государствѣ, исторія, теологія, то всѣ эти науки или непосредственно относятся къ философіи или—въ томъ случаѣ, если они основываются на познаніи человѣческаго существа и на знаніи нашего духа въ его отношеніи къ Богу и міру,—они всѣ имѣютъ подъ собою философскій базисъ. А философія уже по одному тому, что она отправляется отъ познанія человѣческаго духа, самое существо котораго исключаетъ возможность знанія въ собственномъ смыслѣ, никогда не можетъ подняться до уровня точной науки и никогда, слѣдовательно, не гарантируетъ, да и не можетъ гарантировать знанія въ собственномъ, узкомъ смыслѣ слова.

Подобными примѣрами Ульрици старается показать, что вся обширная область человѣческаго знанія со всѣмъ запасомъ добытыхъ различными науками свѣдѣній заполняется далеко не однимъ только чистымъ знаніемъ, а часто если не въ большинствѣ случаевъ, вѣрой (научной), которая иногда занимаетъ здѣсь господствующее положеніе, владѣя на счетъ знанія. Именно вѣрой, по мнѣнію Ульрици, только можетъ быть названо во всѣхъ наукахъ все то неясное, неопредѣленное, недостоверное и неочевидное, что въ нихъ не дается непосредственно для возрѣнія и что уже само знаніе, выступая изъ своихъ границъ, произвольно предполагаетъ для заполнения своихъ пробѣловъ при помощи воображенія и компенсирующей дѣятельности рефлексивнаго мышленія, и что именно и составляетъ дополнительное знаніе—основной базисъ научной вѣры.

Теперь уже ясно видно, что такое, по взгляду Ульрици, научная вѣра во второй своей формѣ, основывающаяся не

на природныхъ качествахъ даннаго объекта, а на природѣ самого познающаго субъекта; видно, также, какую роль вообще у Ульрици играетъ понятіе дополнительнаго знанія и какъ то понятіе служить у него основаніемъ научной вѣры, по своему содержанію вполнѣ совпадающей съ содержаніемъ дополнительнаго знанія. Теперь ясно, чего Ульрици добивался, особенно энергично развивая и доказывая мысль о несостоятельности науки, поскольку она будетъ настаивать на признаніи объективнаго значенія за однимъ чистымъ знаніемъ: на счетъ послѣдняго, если выключить изъ области чистой науки все гипотетическое и лишь относительно, условно достовѣрное, останется весьма немного; все остальное уйдетъ изъ сферы подлиннаго знанія и отойдетъ къ области хотя и научной, но все же вѣры и только именно вѣры, а не знанія. И передъ наукой встаетъ такая дилемма: или признавая объективное значеніе за однимъ только знаніемъ въ собственномъ смыслѣ, отвергнуть всякую вѣру, въ томъ числѣ, конечно, и научную; но это будетъ для нея значить подписать себѣ смертный приговоръ, потому что вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, въ знаніи ограничиться голымъ перечнемъ фактовъ, регистраціей наблюдаемыхъ явленій, констатированіемъ происходящаго, и даже не дѣлать попытокъ—проникнуть съ помощью критическаго анализа за эти явленія и попробовать добраться, если не до ихъ сущности, то хотя бы до причины, какъ ихъ производительницы; или же наука, желая быть именно наукой, а не статистикой или канцелярскимъ спискомъ природы, должна наряду и одновременно съ знаніемъ признать такое же объективное значеніе и за научной вѣрой, которая дополняетъ ее (содержаніемъ, такъ называемаго, дополнительнаго знанія) въ недостающихъ ей элементахъ изъ чистаго знанія и помогаетъ ей доходить до того, что недоступно непосредственному возрѣнію, хотя и не ручается за безусловную достовѣрность добытыхъ результатовъ, не имѣя для того объективнаго и всеобщаго критерія или масштаба.

2. Субъективное мнѣніе и личное убѣжденіе, какъ двѣ послѣднихъ различныхъ формы проявленія вѣры вообще.

Вѣра вообще, по взгляду Ульрици, какъ мы уже объ этомъ упоминали, кромѣ научной вѣры или дополнительнаго

знанія, можетъ еще проявляться въ формѣ личнаго убѣжденія и субъективнаго мнѣнія. Знакомство съ послѣдними намъ необходимо не только для полноты изложенія, но также и для лучшаго уясненія взгляда Ульрици на сущность и характеръ вѣры религіозной, которая соприкасается съ каждой изъ обычныхъ формъ вѣры.

Какъ мы замѣтили уже раньше, дѣленіе вѣры на различные роды и виды у Ульрици есть не что иное, какъ различеніе ея по степенямъ достовѣрности и очевидности и, если спускаться внизъ по ступенямъ послѣднихъ, то три указанныхъ формы вѣры нужно расположить въ такой градаціи: сперва научная вѣра, потомъ—личное убѣжденіе и, наконецъ, субъективное мнѣніе. Всѣ эти три рода вѣры находятся въ такомъ тѣсномъ взаимоотношеніи между собою, что могутъ переходить одна въ другую, причемъ этотъ переходъ изъ низшей въ высшую обуславливается, конечно, большей или меньшей потерей достовѣрности или ослабленіемъ доказательной силы и извѣстныхъ основаній, послѣ чего противооснованія стали перетягивать и склонять рѣшеніе на свою сторону.

Субъективное мнѣніе Ульрици опредѣляетъ, именно, какъ такое возрѣніе, которое обладаетъ низшей степенью достовѣрности и очевидности своего содержанія и стоитъ на такой точкѣ, гдѣ его слабая достовѣрность переходитъ прямо въ недостовѣрность, неопредѣленность. Это, прежде всего, бываетъ тогда, когда всѣ основанія и противооснованія обладаютъ совершенно одинаковой доказательной силой, такъ что о перевѣсѣ тѣхъ или другихъ на ту или другую сторону не можетъ быть и рѣчи, и никакой спеціалистъ дѣла не рѣшится и не можетъ утверждать съ достовѣрностью, что сама вещь требуетъ того или другого опредѣленнаго рѣшенія; такимъ образомъ въ субъективномъ мнѣніи, хотя взвѣшиваніе основаній и противооснованій можетъ быть всегда совершенно объективнымъ, но рѣшеніе до того обуславливается субъективностью индивида, что оно не можетъ заявлять никакихъ претензій на объективное значеніе. Случаи субъективнаго мнѣнія возможны и въ наукѣ, въ которой оно играетъ иногда даже до того значительную роль, что обуславливаетъ собою приблизительно вѣрное рѣшеніе многихъ научныхъ вопросовъ: по крайней мѣрѣ, мно-

гіе изъ послѣднихъ, часто прикрываясь тѣмъ или другимъ научнымъ авторитетомъ, въ дѣйствительности, оказываются могущими имѣть значеніе именно только субъективнаго мнѣнія или вѣры, ссылающейся на авторитетъ.

Сфера господства субъективнаго мнѣнія, какъ думаетъ Ульрици, гораздо шире той области, въ которой причина невозможности получить о предметъ объективное рѣшеніе или опредѣленіе заключается въ самомъ предметѣ, или въ степени развитія нашего знанія, въ ограниченности познанія. Субъективное мнѣніе можетъ имѣть мѣсто и тамъ, гдѣ предметъ достаточно ясенъ самъ по себѣ и болѣе или менѣе обстоятельно обслѣдовать; но какой-нибудь отдѣльный субъектъ почему-нибудь недостаточно съ нимъ знакомъ и, все-таки, считаетъ для себя возможнымъ составить о немъ свое мнѣніе, имѣть свой собственный взглядъ или свое сужденіе. Субъективное же мнѣніе получается тамъ, гдѣ субъектъ самъ по себѣ не увѣренъ въ томъ, что онъ въ своемъ воспріятіи и обсужденіи данныхъ отношеній, со взвѣшиваніемъ основаній и противоснованій не находился подъ вліяніемъ своихъ симпатій и антипатій, не преслѣдовалъ какія-нибудь практическія выгоды, словомъ—не примѣшалъ къ сдѣланнымъ выводамъ своихъ личныхъ интересовъ и, поставивъ первые во всецѣлую зависимость отъ послѣднихъ, не искажилъ полученныхъ результатовъ и не далъ основаній считать ихъ ложными. Мы и сами во всѣхъ такихъ случаяхъ ясно сознаемъ, что наши сужденія и взгляды болѣе или менѣе односторонни, недоказательны, неточны и не заслуживаютъ никакого другого имени, какъ только именно субъективнаго мнѣнія. Съ такого рода случаями мы ежедневно встрѣчаемся въ практической жизни, въ которой нерѣдко, по необходимости, рѣшаемся на тотъ или другой образъ дѣйствій, руководясь, какъ побудительными импульсами, своими несозрѣвшими взглядами, недодуманными мыслями, не установившимися убѣжденіями. Таково, напри- мѣръ, такъ называемое общественное мнѣніе, этотъ продуктъ практической жизни людей, такова большая часть ходячихъ истинъ здраваго человѣческаго разума, это—какъ бы обобщенное или распространенное только субъективное возрѣніе частныхъ лицъ, въ которомъ объединилось безконечное

множество разнообразныхъ частныхъ мнѣній, по поводу чего-нибудь такого, въ чемъ затронуты общіе интересы ¹⁾).

Изъ указанныхъ различныхъ формъ субъективнаго мнѣнія видно, что оно, подходя подъ вышеустановленное общее понятіе вѣры со стороны того своего признака, что въ немъ рѣшеніе зависитъ отъ субъективности даннаго индивида, обладаетъ крайне незначительной степенью достовѣрности, почти граничащей съ педостовѣрностью. И выносимое въ субъективномъ мнѣніи опредѣленіе о предметѣ вѣры, по взгляду Ульрици, не потому субъективно, что оно съ необходимостью вытекаетъ изъ качественныхъ субъективныхъ особенностей данной индивидуальности (съ послѣдними оно вовсе можетъ быть не связано, и субъектъ можетъ къ нему относиться совершенно безразлично) и даже не потому, что нѣтъ всеобщаго, объективнаго масштаба для измѣренія основаній и противоснованій, но просто потому, что самый предметъ является совершенно неопредѣленнымъ, безъ различія того,—зависитъ ли это отъ природы данной вещи или отъ нашего невнимательнаго и неумѣлаго отношенія къ ней. Поэтому, говоритъ Ульрици, субъективное мнѣніе, само не чуждое сознанія своей чрезвычайно-малой, субъективной достовѣрности, никогда не рѣшится утверждать объективнаго значенія и всеобщей обязательности своего содержанія. Да въ этомъ для него и нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что здѣсь субъектъ является почти незаинтересованнымъ лицомъ и можетъ относиться съ полнымъ равнодушіемъ къ содержанію своего взгляда, не связаннаго тѣсно съ его личными интересами. Не то въ личномъ убѣжденіи, другой формѣ вѣры вообще.

Личное убѣжденіе скорѣе и лучше всего можно понять, именно, по его противоположности субъективному мнѣнію, отъ котораго оно отличается, прежде всего, тѣмъ большимъ участіемъ, какое принимаетъ въ немъ личность субъекта.

Подъ личнымъ убѣжденіемъ Ульрици разумѣетъ такую форму вѣры, въ которой послѣдняя по своему содержанію и его достовѣрности до такой степени связана съ личными качествами вѣрующаго субъекта и обуславливается имъ, что

¹⁾ *Glauben und Wissen*, ss. 295—298.

уже съ необходимостью вытекаетъ или развивается изъ нихъ. Психологически такое опредѣленіе личнаго убѣжденія вполне правдоподобно, и потому, возможно, а подтверждаемое фактами, оно и необходимо.

Въ самомъ дѣлѣ, рассуждаетъ Ульрици, вѣдь общепризнанный фактъ, что люди, будучи каждый экземпляромъ своей породы, росткомъ отъ одного общаго, родословнаго дерева и нося на себѣ характерныя черты своей народности и расы, все-таки, въ отдѣльныхъ единицахъ представляютъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ; каждый изъ нихъ имѣетъ то свое индивидуальное, чего нѣтъ въ другихъ; они не совпадаютъ въ сходствѣ съ этими другими до безразличія, но различаются между собою, какъ въ духовномъ, такъ и въ тѣлесномъ отношеніи, выступая всегда въ болѣе или менѣе ярко выраженной своей фізіономіи и нося на себѣ образъ своей личности. И чѣмъ сильнѣе и больше развита въ человѣкѣ личность, тѣмъ опредѣленнѣе выступаетъ его характеръ, тѣмъ ярче вырисовывается весь его внутренній духовный обликъ, со всѣми своими субъективными, характерными чертами, тѣмъ больше вліянія начинаетъ пріобрѣтать эта субъективно качественная опредѣленность сильной личности на всю жизнь индивида. Самая свобода ея рѣшеній, будучи по существу своему самоопредѣленіемъ, начинаетъ мало по малу превращаться во внутреннюю необходимость: индивидуумъ уже не можетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поступать иначе, какъ сообразно съ тѣмъ общимъ самоопредѣленіемъ, которое разъ навсегда составилось у него, свободно развившись изъ его внутренняго духа.

Это личное убѣжденіе, по взгляду Ульрици, прежде всего, и весьма часто можетъ проявляться тамъ, гдѣ извѣстное рѣшеніе имѣетъ въ своемъ основаніи чисто научный базисъ, то есть гдѣ оно является, какъ результатъ совершенно объективнаго обсужденія и взвѣшиванія всѣхъ основаній pro и contra и получается лишь послѣ перевѣса тѣхъ или другихъ мотивовъ на свою или чужую сторону. Очевидно, здѣсь личное убѣжденіе вступаетъ во владѣнія научной вѣры, которая сама, не переставая сохранять характеръ вѣры, переходитъ въ личное убѣжденіе, коль скоро она отвѣчаетъ внутреннимъ потребностямъ и личнымъ запросамъ индивидуальности субъекта; здѣсь соотвѣтствіе

субъективныхъ интересовъ личности и какого-нибудь научнаго рѣшенія доходить до того, что первая какъ бы сливается съ послѣднимъ въ одно цѣлое и принятое индивидуумомъ рѣшеніе носится и содержится всею личностью, оставаясь непоколебимымъ для нея и безъ перевѣса объективныхъ основаній. Такимъ вотъ именно образомъ (приводить Ульрици цѣлый рядъ научныхъ именъ) для Христофора Колумба, Галилея, Бруно—ихъ научная вѣра пріобрѣтала, въ то же время, и полную силу личнаго убѣжденія и только эта сила толкаетъ ихъ на самоотверженные подвиги, дѣлая способными приносить въ жертву вѣрѣ все свои другіе интересы.

Но такого рода случаи личнаго убѣжденія въ научной вѣрѣ, какъ думаетъ Ульрици, встрѣчаются очень рѣдко. Обыкновенно-же, личное убѣжденіе опирается не на всю личность, а только на тѣ или другіе особенные элементы ея; и только именно опредѣленные стороны содержанія послѣдней, по какимъ-нибудь частнымъ, отдѣльнымъ основнымъ чертамъ характера человѣка, дѣлаютъ необходимымъ для личности данное рѣшеніе. Здѣсь у Ульрици устанавливается переходный пунктъ отъ первой формы личнаго убѣжденія, когда въ него превращается научная вѣра, ко второй, въ которой сила личнаго убѣжденія сообщается субъективному мнѣнію и уже послѣднее переходитъ въ первое.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не вся личность въ своемъ внутреннемъ зернѣ, а только ея отдѣльные элементы и частныя стороны оказываются заинтересованными въ извѣстномъ рѣшеніи и обуславливаютъ послѣднее, вызывая тѣмъ личное убѣжденіе, тогда, конечно, и степень достовѣрности и прочности послѣдняго зависитъ отъ этихъ элементовъ.

Личная достовѣрность во всѣхъ подобныхъ случаяхъ можетъ достигать высшей степени: это особенно часто и бываетъ тамъ, гдѣ простое предположеніе, по своему существу имѣющее лишь значеніе просто *субъективнаго мнѣнія*, черезъ актъ самоопредѣленія субъекта пріобрѣтаетъ для него форму личнаго убѣжденія. Вотъ почему, приводить въ примѣръ Ульрици, такъ часто приходится наблюдать, какъ самыя объективныя представленія, понятія и сужденія, поднявшіяся только до уровня субъективнаго мнѣнія, черезъ связь съ личными интересами, симпатіями и антипатіями

человѣка, пріобрѣтаютъ необычайную силу и вліяютъ даже на жизнь и судьбу людей. И чѣмъ могущественнѣе и сильнѣе мотивы, тѣмъ они болѣе неотразимо дѣйствуютъ на самоопредѣленіе субъекта, тѣмъ крѣпче и непоколебимѣе личное убѣжденіе. Вотъ откуда горячая религіозная ревность и энтузіазмъ апологетовъ и мучениковъ христіанства; вотъ откуда вырастаетъ вся страстная сила политическихъ убѣжденій, хотя бы сопровождающихся часто незнаніемъ коренныхъ основъ, существа и цѣлей государственной жизни.

Наконецъ, личное убѣжденіе можетъ еще выступать, по мнѣнію Ульрици, въ третьей формѣ, совершенно отличной отъ первыхъ двухъ, именно въ такой, въ которой оно основывается на непосредственномъ чувствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Ульрици, часто бываетъ, что „какое-то непосредственное чувство заставляеть человѣка считать извѣстныя представленія истинными или ложными, понуждая его выносить соотвѣтствующее, все-таки, личнымъ интересамъ, прирожденнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, рѣшеніе“. На этомъ, именно, непосредственномъ чувствѣ, думаетъ Ульрици, основывается роль личнаго убѣжденія въ сферѣ религіозной жизни людей, въ моральной, и эстетической области.

И такъ, личное убѣжденіе, какъ форма вѣры вообще, по своему содержанію, различнымъ формамъ и ближайшимъ источникамъ, по взгляду на него Ульрици, рѣшительнымъ образомъ отличается отъ научной вѣры и субъективнаго мнѣнія. Это отличіе заключается въ томъ, что личное убѣжденіе всегда въ большей или меньшей степени вынуждается необходимо всею цѣлостностью личности даннаго индивида или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми элементами ея; а этой внутренне-субъективной необходимости не носитъ въ себѣ ни научная вѣра, ни, тѣмъ болѣе, субъективное мнѣніе; затѣмъ, личное убѣжденіе, въ силу своей внутренней необходимости, обнаруживающейся въ сознаніи, сопровождается всегда высшей степенью достовѣрности и очевидности своего содержанія; послѣднее, какъ бы смѣшавшись, сросшись съ духомъ и характеромъ субъекта и выражая самую его сущность, сливается въ одно со всею субъективностью личности и со всею непосредственной самодостовѣрностью. Поэтому, въ личномъ убѣжденіи достовѣрность, хотя

и субъективная, не теряетъ характера высшей напряженности даже тамъ, гдѣ объективно перевѣшивающія основанія говорятъ противъ подтверждаемаго ею содержанія. Поэтому же, личное убѣжденіе есть не только мысль, или представленіе, но и воля: субъектъ *не только* знаетъ, но онъ и хочетъ въ же время, чтобы содержаніе его убѣжденія было истиннымъ, и, чѣмъ сильнѣе и напряженнѣе желаніе, тѣмъ достовѣрнѣе и крѣпче убѣжденіе ¹⁾).

Въ заключеніе мы кратко изложимъ гносеологическія воззрѣнія Ульрици въ цѣломъ, чтобы 1) дать хотя бы общее понятіе о тѣхъ основахъ и принципахъ, на которыхъ строится вся гносеологія Ульрици и изложеніе которыхъ мы, сообразуясь съ условіями журнальной статьи, опустили и 2) яснѣе представивъ какимъ образомъ гносеологическія воззрѣнія Ульрици могли направляться къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры.

Даны двѣ несомнѣнныя реальности, изъ которыхъ одна составляетъ наше мышленіе, а другая—все то, что существуетъ за предѣлами этого мышленія; внѣ его и независимо отъ него. Поскольку внѣшній міръ существуетъ самостоятельно и по отношенію къ нашему мышленію представляетъ изъ себя объективную реальность, находя въ немъ свое идеальное отображеніе, онъ можетъ быть названъ объективно-реальнымъ бытіемъ, а мышленіе—субъективно-идеальнымъ. Первое познается послѣднимъ въ мѣру этого отображенія, выступая въ томъ или другомъ свѣтѣ передъ чело-вѣческимъ сознаніемъ.

Наше знаніе слагается изъ апріорныхъ и апостеріорныхъ элементовъ, изъ которыхъ на счетъ первыхъ относятся наши чувственные ощущенія и перцепціи, возникающія чрезъ воздѣйствіе на нашу душу при посредствѣ нервной системы, внѣшнихъ впечатлѣній, идущихъ изъ внѣшняго міра и его качественныхъ неизмѣнныхъ опредѣленностей; а послѣднія составляютъ законы и нормы нашей рефлектирующей, репродуцирующей, судящей и умозаключающей дѣ-

¹⁾ *Glauben u. Wissen*, ss. 295—307. *Die verschiedene Arten des Wissens u. Glaubens*, ss. 77—81. (*Ztschr. cit.* 13. 26, 1855).

тельности разсудка. Значитъ происходитъ наше знаніе изъ опыта и спекуляціи, образуясь путемъ взаимодействія реального и идеального бытія и двухъ, упомянутыхъ выше, сторонъ той необходимости мысли, которая лежитъ въ основѣ всего человѣческаго познанія и знанія.

Возможность дѣйствительнаго познанія вещей обуславливается тѣмъ, что наше мышленіе и бытіе находятся въ непосредственномъ взаимоотношеніи между собою, и существуетъ полное согласіе между природой вещей и природой нашего мышленія; логическіе законы и нормы, управляющіе дѣятельностью мышленія (въ частности различающей дѣятельностью, которая лежитъ въ основѣ всего нашего познанія, какъ производящая его сила), имѣетъ объективное значеніе и внѣ нашего сознанія—для реально-внѣшней природы, въ которой такъ же нѣтъ логическихъ противорѣчій въ родѣ четырехугольнаго треугольника, какъ нѣтъ ихъ въ нашемъ мышленіи. Въ противномъ случаѣ, если мы допустимъ, что показанія нашего мышленія расходятся съ дѣйствительнымъ существованіемъ вещей въ реальной природѣ, мы принуждены будемъ отказаться отъ всякаго знанія и придемъ къ полному агностицизму.

Однакоже, не всякое познаніе бываетъ объективно, т. е. не всегда его содержаніе соотвѣтствуетъ реальному бытію предметовъ въ настоящей дѣйствительности. Объективность знанія стоитъ и падаетъ съ его достовѣрностью и очевидностью, какъ главными критеріями истины вообще. Всякая достовѣрность и очевидность есть ни что иное, какъ посредственное или непосредственное сознаніе логической необходимости мысли и ея содержанія. Эта, именно, необходимость мысли, приведенная къ ясному сознанію, служитъ гарантіей истинности знанія, дѣлая его объективнымъ или достовѣрнымъ: реальное бытіе внѣшнихъ предметовъ становится намъ извѣстнымъ не само по себѣ, а только потому, что мы непосредственно вынуждаемся признавать его въ силу логическаго закона причинности; равнымъ же образомъ и въ тѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, которымъ мы, вопреки ихъ общему субъективному характеру, приписываемъ, послѣдняя заручается логическими законами и нормами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренней необходимостью мысли. Также бываетъ и во

всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда логическая необходимость непосредственно не сознается нами, а вскрывается и приводится къ нашему сознанию при помощи многихъ средствъ, почему и самую необходимость можно назвать посредственной. Эта-то необходимость мысли со всѣми своими видами и формами составляетъ прочный фундаментъ для всего нашего знанія, на которое послѣднее опирается всегда, по крайней мѣрѣ, въ послѣдней инстанціи.

Логическая необходимость мысли для того, чтобы быть фундаментомъ знанія, прежде должна быть сама приведена къ ясному, опредѣленному и отчетливому сознанию,—тогда только она обращается въ достовѣрность и очевидность знанія. Но вѣдь это сознаніе не можетъ быть во всѣхъ случаяхъ одинаково и обладаетъ различными степенями ясности и отчетливости.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, по отношенію къ согласію нашихъ представленій съ реальнымъ бытіемъ или по отношенію къ ихъ истинности, а слѣдовательно, и по отношенію къ нашему познанію и знанію, бываютъ весьма различныя степени достовѣрности очевидности; степенью послѣднихъ измѣряется и объективность знанія. Здѣсь все знаніе постигаетъ весьма печальная участь: оно не обладаетъ (да его и нѣтъ) *всеобщимъ* объективнымъ масштабомъ для измѣренія степени достовѣрности. И единственный критерій, которымъ только и можно пользоваться, заключается въ томъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смотрѣть тщательно близко или далеко стоитъ возможность ошибки и мыслимость инобытія вещи. Но и въ этомъ случаѣ нельзя особенно много полагаться на рефлексивную дѣятельность различающаго разсудка, производящую наше знаніе, потому что она далеко не безгранична, и имѣетъ опредѣленную силу мѣры и объема. Кромѣ того, вѣдь отъ насъ зависитъ, какъ будетъ дѣйствовать наша рефлексивная дѣятельность—тщательно или небрежно; и мы никогда не можемъ быть *абсолютно* увѣрены въ томъ, что эта дѣятельность, сознающая необходимость мысли, дѣйствовала вполне правильно и безъ пробѣловъ. Поэтому, и сознаніе логической необходимости или, что тоже, достовѣрность и очевидность и, значитъ, всякое убѣжденіе, всякое познаніе истины можетъ

быть только болѣе или менѣе вѣрнымъ; но абсолютной достовѣрности достигнуть нельзя, потому что возможность ошибки никогда не исключается, зато всегда стоитъ подъ вопросомъ наличность истины: необходима-ли, т. е., согласна-ли и насколько согласна съ реальнымъ бытіемъ и сущностью даннаго предмета наша мысль о немъ, съ известнымъ содержаніемъ и въ известной формѣ являющаяся на полѣ нашего сознанія.

Значитъ наше знаніе всегда относительно, условно, ограничено. Однакоже, знаніе въ собственномъ смыслѣ и наука въ точномъ смыслѣ слова существуютъ: такая наука и знаніе обуславливаются тою же достовѣрностью и очевидностью и бывають тогда, когда выполнены всѣ условія послѣднихъ, т. е. когда можно показать, что представленія (воспріятія) въ области фактовъ и пониманіе ихъ во всѣхъ случаяхъ одинаково, всеобще и основано на человѣческой природѣ, или—гдѣ ясно, что по законамъ нашего мышленія мы и не можемъ иначе образовать мысль, но должны предполагать согласіе ея содержанія съ реальнымъ бытіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы уже не можемъ не признать реального бытія той вещи, необходимость существованія которой отпечатлѣлась съ чрезвычайной ясностью для нашего сознанія: у насъ нѣтъ другого критерія для познанія дѣйствительности, и если мы захотимъ отказаться отъ него, то должны будемъ придти къ полному агностицизму. Между высшей степенью достовѣрности, бывающей въ этомъ случаѣ, и отсутствіемъ всякой достовѣрности расположенъ цѣлый рядъ посредствующихъ ступеней, на которыхъ стоитъ большая и важнѣйшая часть нашихъ познаній изъ области знанія въ широкомъ смыслѣ слова, а точнѣе—изъ области научной вѣры.

Благодаря именно этимъ промежуточнымъ ступенямъ мы какъ бы непосредственно можемъ переноситься изъ области знанія въ область вѣры, каковыя области находятся между собою, повидимому, въ самомъ тѣсномъ взаимоотношеніи, взаимно пополняя другъ друга. И это дѣйствительно такъ.—Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ обширной областью человѣческаго знанія какъ бы противъ нея стоитъ не менѣе же обширная и не менѣе важная, по своему значенію, другая область вѣры, которая

соприкасается съ первой ближайшимъ образомъ, но никогда не смѣшивается съ нею. Отличается же вѣра отъ знанія по тому особенному признаку, которымъ характеризуется вѣра и знаніе; специфически-характерную черту знанія составляетъ: *независимость* его содержанія отъ того или другого личнаго субъективнаго отношенія къ нему (мы не можемъ иначе образовать мысль, а *должны* признать полученное рѣшеніе). По этому, именно, признаку отличается отъ него вѣра, которая характеризуется, прежде всего, *зависимостью* выносимаго въ ней рѣшенія отъ субъективнаго отношенія къ нему даннаго индивида. И этотъ характерный признакъ для вѣры и знанія никогда не уничтожается, проводя рѣзко очерченную и ничѣмъ не стираемую грань между этими двумя областями, заполняющими собою содержаніе нашей духовной жизни съ двухъ ея противоположныхъ концовъ. Поэтому, при всемъ тѣсномъ взаимоотношеніи вѣры и знанія, при самомъ ихъ близкомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ лежитъ, однако же, непроходимая пропасть между этими областями.

Другой признакъ, отличающій вѣру отъ знанія, заключается въ томъ, что первая всегда обладаетъ относительно слабой степенью достовѣрности и очевидности и, въ объективномъ, общеобязательномъ смыслѣ, никогда не можетъ довести его до того высшаго уровня, на которомъ стоитъ достовѣрность въ подлинномъ, точномъ знаніи. Не желая этимъ сказать того, что вѣра есть лишь ослабленное въ своей достовѣрности знаніе, Ульрици, далѣе, утверждаетъ, что вѣра, по обладаемой ею степени достовѣрности и очевидности, раздѣляется на три рода или вида: 1) научная вѣра, 2) личное убѣжденіе, и наконецъ 3) субъективное мнѣніе.

Всѣ эти формы вѣры, обладая своими специфически-характерными признаками, имѣютъ ту одну общую всѣмъ имъ черту, по которой вѣра отличается отъ знанія: зависимость ихъ содержанія отъ субъективности вѣрующаго; всѣ онѣ чрезвычайно подвижны и могутъ перемѣшиваться между собою, но только уже тогда данная форма вѣры перестаетъ быть сама собой (за исключеніемъ научной, которая, сливаясь съ личнымъ убѣжденіемъ, не теряетъ своего пер-

воначальнаго характера) и становится той новой формой, характерный признакъ котораго она получаетъ. Между этими формами наиболѣе важное значеніе имѣетъ научная вѣра, которая тѣмъ больше заслуживаетъ вниманія, что она только своимъ содержаніемъ заполняетъ, получающіяся въ отысканіи человѣкомъ послѣднихъ причинъ и основъ бытія, пробѣлы. Изъ этой, именно, вѣры или лучше, въ ея сферѣ вырастаетъ широкая область знанія, которое, опираясь на объективныя основанія и руководясь чисто научными принципами, чуждыми всякой субъективной примѣси, все же не можетъ быть *знаніемъ въ собственномъ смыслѣ слова*, а остается лишь *всегда вѣрой*.

Эта научная вѣра господствуетъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія—и въ эмпирическихъ наукахъ естествознанія, и въ философіи, и въ богословіи, и въ юриспруденціи, и въ исторіи. И на ея, именно, счетъ относится большинство добытыхъ результатовъ на всѣхъ возможныхъ путяхъ научнаго изслѣдованія, такъ, что если вычеркнуть изъ науки вѣру, то въ ней ничего не останется, кромѣ не стоящихъ вниманія, крайне скудныхъ своимъ конкретнымъ содержаніемъ, общихъ положеній, теоремъ и формулъ. Значить, научная вѣра обслуживаетъ интересы самого же знанія, помогая ему разобратся въ томъ, что неясно для него, и добратся до того, что недоступно его непосредственному опыту. Поэтому, наука признавая безусловный авторитетъ за знаніемъ, должна, чтобы быть послѣдовательной, признать его же и за вѣрой, услугами которой она пользуется и безъ которой настаетъ для нея погибель вслѣдъ за изгнаніемъ изъ нея тогда живого духа, стремящагося въ высъ—къ отысканію скрытыхъ тамъ основъ бытія.

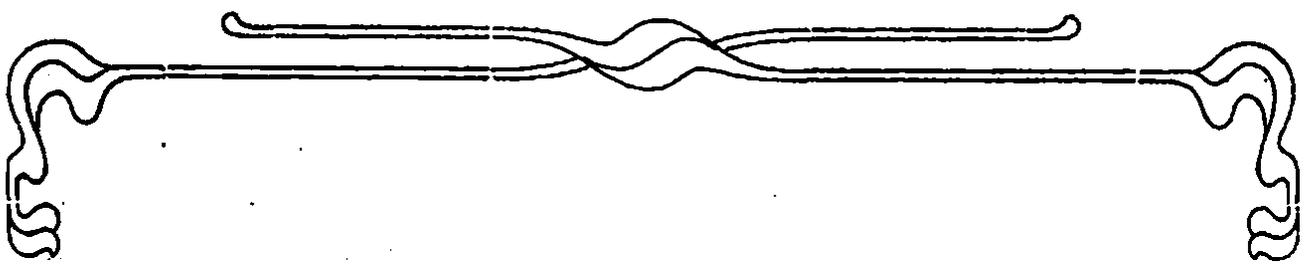
Здѣсь у Ульрици основанія къ признанію за вѣрой объективнаго значенія; здѣсь—научное оправданіе вѣры и безапелляціонное осужденіе тѣхъ, кто считаетъ вѣру за простую фикцію или за субъективное изобрѣтеніе 'досужаго ума и фантазіи, чѣмъ человѣчество цѣлыя вѣка обманывало себя, не имѣя силъ и основанія—выйти изъ самооблужденія. Здѣсь же осужденіе и тѣхъ, кто не хочетъ признать за вѣрой никакихъ правъ на ея существованіе и, отрицая всю сферу ея дѣятельности, тѣмъ болѣе, конечно, не будетъ

простирать таковую на знаніе, считая подобныя притязанія вѣры—слишкомъ неумѣренными и оскорбительными для знанія. Здѣсь же, наконецъ, научное оправданіе и религіозной вѣры, которая получаетъ осмысленное и обоснованное право на свое существованіе, будучи отнесена къ категоріи научной вѣры или, по крайней мѣрѣ, соприкасаясь съ нею по тѣмъ или другимъ частнымъ сторонамъ своего содержанія¹⁾.

II. Нечасовъ.

¹⁾ Ниже мы и увидимъ, что, по взгляду Ульрици, религіозная вѣра также какъ и вѣра вообще заключаетъ въ себѣ элементы знанія или, точнѣе, своимъ содержаніемъ служитъ въ помощь знанію, заполняя многіе изъ его пробѣловъ и, дѣйствительно, какъ нельзя лучше подходитъ подъ понятіе научной вѣры. Однако, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать того, что у Ульрици религіозная вѣра—это и есть научная вѣра въ извѣстной части своего содержанія и вполнѣ совпадаетъ съ нею; онъ былъ далекъ отъ такого отождествленія тѣмъ болѣе, что религіозная вѣра, по его мнѣнію, соприкасается и со всѣми другими формами вѣры вообще, бывая и субъективнымъ мнѣніемъ, будучи всегда и личнымъ убѣжденіемъ.—Здѣсь мы подошли къ вопросу о существѣ и характерѣ религіозной вѣры и ея особенныхъ признакахъ въ отличіе отъ знанія и всѣхъ другихъ формъ вѣры. Но тутъ уже начинается совершенно новая область, вопросами которой у Ульрици занимается специально феноменологія религіозной вѣры и изложеніе которой составитъ содержаніе слѣдующей статьи.

Существуют ли бессознательные психическіе процессы и если существуют, то какова ихъ дѣйствительная природа.

(Окончаніе) *).

Кромѣ фізіологической и психологической есть еще теорія метафизическаго характера, провозглашающая, что бессознательное качественно отличается отъ сознанія. Этотъ взглядъ получилъ прекрасное выраженіе въ „философіи бессознательнаго“ Эдуарда фонъ-Гартманна, къ которой мы сейчасъ и перейдемъ.

3. Метафизическая теорія. Исходною точкою для философіи бессознательнаго Эдуарда фонъ-Гартманна служитъ „приматъ воли“—основной принципъ метафизики Шопенгауэра. Какъ извѣстно, послѣдній, соединивъ въ названіи своего главнаго сочиненія (*Die Welt als Wille und Vorstellung*) волю съ представленіемъ, на дѣлѣ самобытнымъ, единственнымъ дѣйствительно сущимъ, „*Wille zum Leben*“ считалъ только волю: на нее онъ смотрѣлъ какъ на метафизическую первооснову всего мірозданія и подчиненную сущность всякаго бытія; ей приписывалъ онъ доминирующія и нормирующія функціи въ явленіяхъ и процессѣ вселенной. Что касается представленія, то оно у Шопенгауэра далеко не поставлялось рядомъ и не считалось необходимой принадлежностію воли. За этимъ началомъ не числилось такой славы. Оно не имѣло дѣятельной роли въ міровомъ теченіи; его служебная миссія отодвинулась на задній планъ и сводилась къ нулю. Мало этого, представленіе—этотъ существенный интеллектуальный элементъ — Шопенгауэръ считалъ

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 12 за 1912 годъ.

лишь второстепеннымъ и подчиненнымъ продуктомъ воли. Такимъ образомъ воля Шопенгауэра, въ сущности говоря, шла въ параллель съ „Ding an sich“ у Канта и „Силами природы“ въ естествознаніи. Гартманнъ старается снять односторонность Шопенгауэровой системы и въ своей Философіи безсознательнаго рядомъ съ волей ставитъ другой недостающей у Шопенгауэра принципъ—идею или представленіе. „Всякое желаніе, говоритъ онъ, хочетъ перехода извѣстнаго настоящаго состоянія въ другое. Настоящее состояніе каждый разъ дано, будь то просто покой; но въ одномъ этомъ настоящемъ состояніи никогда не могло бы заключаться хотѣнія, если бы не существовала, по крайней мѣрѣ, идеальная возможность чего нибудь другого. Даже такое желаніе, которое стремится къ продолженію даннаго (настоящаго) состоянія, возможно не иначе, какъ при представленіи о прекращеніи его. (Здѣсь двойное отрицаніе, т. е.—я не хочу, чтобы такъ не было; иначе,—хочу, чтобы такъ было). Чисто безотносительное желаніе того, что уже есть, не мыслимо. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что для воли необходимы два условія: настоящее состояніе, какъ исходный пунктъ, и состояніе будущее, какъ цѣль хотѣнія. Но такъ какъ будущее состояніе, какъ таковое, не можетъ реально находиться въ настоящемъ актѣ хотѣнія,—а между тѣмъ должно въ немъ какъ нибудь находиться, такъ какъ безъ этого невозможно и самое хотѣніе,—то оно по необходимости должно содержаться въ немъ идеально, т. е. какъ представленіе. Точно также и настоящее состояніе можетъ стать исходной точкой хотѣнія жить постольку, поскольку входитъ въ представленіе (какъ различаемое отъ будущаго). Отсюда: kein Wollen ohne Vorstellung (нѣтъ воли безъ представленія), какъ высказалъ уже Аристотель: *ορεκτικόν δὲ οὐκ ἔνευ φαντασίας*“ ¹⁾). Такимъ образомъ по Гартманну воля неразрывно соединена съ представленіемъ. Эту „представляющую волю“ философія безсознательнаго съ самаго начала объявила универсальнымъ сверхчувственнымъ принципомъ, необходимымъ для разрѣшенія тѣхъ міровыхъ явленій, которыя, по справедливому сознанію Гартманна, не могутъ быть

¹⁾ Гартманнъ. „Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго“. Пер. Козлова, Москва, 1873, стр. 59—60.—Слова перевода приведены не буквально.

ни продуктами вещественныхъ или механическихъ силъ, ни дѣйствіями воли и представленія отдѣльныхъ индивидуумовъ. А такъ какъ представляющая воля, какъ метафизическая сущность, лежитъ за предѣлами эмпирическаго сознанія, то Гартманъ называетъ свое сверхчувственное начало „Безсознательнымъ“ (das unbewusste), вмѣстѣ „unbewusster Wille und unbewusste Vorstellung“ (безсознательная воля и безсознательное представленіе) взятыхъ вмѣстѣ. Но съ этимъ мировымъ, абсолютно безсознательнымъ принципомъ Гартманъ ставитъ еще два безсознательныхъ начала: безсознательное фізіологическое и относительно-безсознательное, которыя однако безсознательны не въ абсолютномъ смыслѣ, такъ какъ они лежатъ въ предѣлахъ индивидуальнаго сознанія. Первое изъ нихъ, фізіологическое безсознательное обнаруживается въ различныхъ жизненныхъ процессахъ, совершающихся въ организмѣ. Къ области же относительно-безсознательнаго относятся тѣ психическія явленія, которыя ускользаютъ отъ нашего сознанія. Однако, мы жестоко бы ошиблись, если бы отождествили относительно-безсознательное Гартманна съ безсознательными психическими процессами. Въ системѣ Гартманна относительно-безсознательное, равно какъ и фізіологическое всецѣло обнимаются абсолютнымъ, „нечувственно-сверхчувственнымъ“ существомъ, которое дѣйствуетъ въ нихъ, какъ въ своихъ объектахъ. Самъ Гартманъ говоритъ, что относительно-безсознательное, въ противоположность абсолютно-безсознательному, „представляетъ собой не психическую активность или дѣятельность, а пассивное психическое измѣненіе“¹⁾; точно также и фізіологическое безсознательное принадлежитъ къ области безсознательнаго лишь постольку, поскольку оно „является результатомъ абсолютно-безсознательной дѣятельности“²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что по Гартману метафизическій, абсолютно-безсознательный субъектъ—воля и представленіе—не только создаетъ природу и духъ, но и вмѣшивается рѣшительно во всѣ явленія вселенной. Онъ дѣйствуетъ въ инстинктѣ, рефлексивныхъ движеніяхъ и проявляется въ цѣлительной силѣ природы; онъ образуетъ сознаніе и открывается въ чувствѣ, характерѣ и

¹⁾ Гартманъ. Современная психологія, изд. Ефимова, Москва, 1902, стр. 69.

²⁾ Ibid., стр. 68.

нравственности; онъ одаряетъ человѣка всеми совершенствами и ведетъ его къ красотѣ и счастію; онъ создаетъ языкъ и религію; онъ вдохновляетъ поэта и художника; онъ дѣлаетъ великія открытія въ наукѣ; онъ направляетъ историческій прогрессъ по своимъ цѣлямъ. Словомъ и физическій, и психическій полюсы феноменальнаго бытія являются лишь формами проявленія внѣчеловѣческаго, абсолютно-безсознательнаго духа. Последній—первоначало и жизнь міра. „Безсознательное есть все; имъ движется и живетъ міръ, или лучше сказать, оно и есть міръ. Въ немъ разрѣшаются и примиряются все противоположности, столь мучившія философовъ: идеальнаго и реальнаго, матеріи и духа, субъекта и объекта. Оно оказывается тѣми сущностями, которыя составляли предметъ великихъ философскихъ системъ его предшественниковъ; оно есть субстанція Спинозы, вещь сама по себѣ Канта, Фихтевское я, Шеллинговъ субъектъ—объектъ, Гегелевское абсолютное, Шопенгауэровская воля“¹⁾).

Такимъ образомъ Гартманнъ перенесъ безсознательные психическіе процессы за предѣлы индивидуальности и видѣлъ во всемъ лишь дѣйствія внѣчеловѣческаго, всеобъемлющаго, единичнаго начала—воли и представленія. Въ этомъ первая крупная ошибка Гартманна. Въ дѣйствительности же наши сознательные и безсознательные процессы существуютъ только въ насъ и образуютъ то, что мы называемъ нашей психической жизнью. Вторая существенная ошибка Гартманна заключается въ томъ, что онъ безсознательныя психическія явленія признавалъ въ абсолютномъ смыслѣ безсознательными, тогда какъ въ дѣйствительности абсолютно-безсознательнаго нѣтъ въ предѣлахъ психической жизни. Повторимъ здѣсь то, что мы выше говорили: сознательныя и безсознательныя явленія находятся въ непрерывномъ взаимодействіи и постоянно смѣняются другъ друга. Поэтому быть не можетъ, чтобы состоянія сознанія и безсознательные процессы стояли совершенно особнякомъ и изолированно другъ отъ друга, образуя между собою ничѣмъ незаполняемую пропасть.

1) Козловъ. Введеніе къ Философіи безсознательнаго Гартманна, стран. 40.

Если даже мы позволимъ себѣ существеннымъ образомъ измѣнить систему Гартманна, а именно: оставимъ совершенно въ сторонѣ „абсолютно-безсознательную душевную дѣятельность, вызывающую психическія явленія и направляющую ихъ“¹⁾, а примемъ во вниманіе только фізіологическое и относительно-безсознательное,—то и тогда напрасно будемъ искать у знаменитаго нѣмецкаго философа тѣхъ данныхъ, которыя могли бы хотя нѣсколько приблизить насъ къ уясненію нашего вопроса. По представленію Гартманна, безсознательными психическими процессами будутъ тогда тѣ психическія явленія, которыя, вмѣстѣ съ своими фізіологическими спутниками, „лежатъ ниже порога раздраженія центрального сознанія, но выше порога раздраженія какого нибудь низшаго центрального сознанія“²⁾. Слѣдовательно, такія психическія явленія безсознательны только для высшаго, центрального сознанія, тогда какъ для сознанія низшихъ ступеней внутри организма они вполне сознательны. Гартманнъ такимъ образомъ видитъ въ человѣкѣ колонію живыхъ существъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой фізіологическій порогъ раздраженія и порогъ сознанія. То, что сознаетъ одно или нѣсколько существъ, безсознательно для самого человека. И только сумма сознаній всѣхъ нервныхъ центровъ выплываетъ на свѣтъ высшаго индивидуального сознанія, или „совокупнаго сознанія организма“³⁾. Но мы безусловно не можемъ принять Гартманновскую теорію децентрализаціи сознанія. Вѣдь она идетъ въ разрѣзъ съ несомнѣннымъ и очевиднѣйшимъ фактомъ духовной жизни—единствомъ сознанія. Это единство дѣлаетъ немыслимымъ предположеніе о множествѣ въ насъ сознаній. Правда, мы не можемъ не констатировать въ сознаніи количественныхъ различій. Но кто же заключить на основаніи этого, что въ насъ кромѣ нашего собственнаго сознающаго я есть еще другія сознающія я? Фактъ единства, сознанія остается непоколебимымъ. „Какъ въ мірѣ физическомъ чисто-временному бытію отдѣльныхъ движеній соответствуетъ сверхвременное бытіе вещества, безъ котораго не было бы и никакихъ движеній, потому что двигаться было бы нечему,—такъ и въ нашемъ

1) Гартманнъ. Соврем. псих., цит. соч., стр. 68.

2) Ibid., стр. 69.

3) Ibid., стр. 68.

духовномъ мірѣ измѣнчивости нашихъ отдѣльныхъ ощущеній, чувствъ и мыслей отвѣчаетъ пребывающее единство нашего сознанія, безъ котораго ничто не можетъ войти въ нашъ внутренній опытъ“, — говоритъ проф. Лопатинъ ¹⁾. А въ такомъ случаѣ и дальнѣйшее Гартманновское построение — физиологическое и относительно — бессознательное въ той именно окраскѣ, какую имъ придалъ Эдуардъ фонъ-Гартманнъ, — само собою падаетъ и теряетъ научную цѣнность.

Послѣ всего сказаннаго намъ уже не трудно опредѣлить подлинную сущность или истинно-внутренній характеръ бессознательныхъ психическихъ процессовъ.

III.

Дѣйствительная природа бессознательныхъ психическихъ процессовъ ²⁾.

Рибо въ психическомъ бессознательномъ различаетъ двѣ области: бессознательное статическое и бессознательное динамическое. Бессознательное статическое — это тотъ міръ или та кладовая, гдѣ хранятся исчезнувшія за предѣлы сознанія представленія, идеи и вообще всякое знаніе. Бессознательное же динамическое — это подпольная работа мысли или, какъ говоритъ самъ Рибо, „состояніе скрытой дѣятельности, выработки, инкубации“ ³⁾. Изъ приведенныхъ выше фактовъ, убѣждающихъ въ существованіи бессознательныхъ психическихъ процессовъ, видно, что такое подраздѣленіе бессознательнаго не лишено основаній. Но какъ бы кто ни подраздѣлялъ бессознательныя психическія явленія, онъ однако нисколько ни уяснить себѣ ихъ природы, — если только объ этомъ можно было думать. Дѣло въ томъ, что если бы мы имѣли объ этихъ явленіяхъ свѣдѣнія непосредственныя, то тогда дѣйствительно всѣ рубрики, какія только было бы можно отмѣтить въ бессознательномъ психическомъ мірѣ, сыграли бы такую же роль при изслѣдованіи его вну-

¹⁾ Лопатинъ. Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія. Вопр. фил. и псих., № 49, стр. 611.

²⁾ Высказываемыя здѣсь мысли мы заимствуемъ изъ лекцій профессора Московской духовной академіи П. П. Соколова, прослушанныхъ нами въ 1908/9 и 9/10-мъ академическомъ году.

³⁾ Рибо. Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія, Спб. 1901, стр. 219—220.

треннихъ свойствъ, какую онѣ играютъ при изученіи матеріальныхъ или чувственныхъ предметовъ, наблюдаемыхъ нами непосредственно. Но бессознательныя психическія процессы непосредственно наблюдать мы не можемъ. Слѣдовательно, никакія теоретическія подраздѣленія не выяснятъ и не помогутъ выяснить то, что въ данномъ случаѣ требуется выяснить. То же самое должно сказать и относительно гипотезъ, которыя смогутъ будто бы создать, по выраженію Гартманна, „аподиктическую достовѣрность для своихъ апріорно выведенныхъ или построенныхъ результатовъ“¹⁾. Гипотезы всегда и останутся гипотезами, и претендовать на безусловную научную истинность онѣ никогда не могутъ. Для опредѣленія характера и свойствъ бессознательныхъ психическихъ процессовъ въполнѣ достаточно того факта, что эти процессы отражаются въ жизни сознанія, что они вліяютъ на складъ непосредственно переживаемыхъ нами душевныхъ состояній и находятся въ извѣстной связи и взаимодействіи съ господствующими въ нашей душѣ представленіями. Наблюдая эти явленія, мы не можемъ не замѣтить, что бессознательныя психическія процессы по существу ничѣмъ не отличаются отъ сознательныхъ. Это—такіе же душевные процессы, какъ и сознательные, но только они сознаніемъ не освѣщаются. Вѣдь мы должны же во всякомъ случаѣ допустить количественныя различія въ сознаніи. Рише говоритъ: „подобно тому какъ существуютъ всѣ ступени движенія, отъ чудовищной быстроты свѣта до медленной поступи черепахи, такъ точно существуютъ всѣ ступени сознанія; эти ступени образуютъ родъ психической іерархіи, какъ для сравнительной анатоміи существуетъ зоологическая іерархія“²⁾. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, достаточно окинуть даже самымъ поверхностнымъ взоромъ содержаніе своего собственнаго сознанія. Вѣдь мы не можемъ не открыть наряду съ тѣми впечатлѣніями, которыя овладѣваютъ нашимъ вниманіемъ въ извѣстный моментъ, множество еще другихъ психическихъ элементовъ, такъ называемыхъ полусознательныхъ, полусознательныхъ идей, представленій и ощущеній. При этомъ многіе изъ такихъ полусознательныхъ элементовъ по

1) Гартманнъ. *Соврем. психол.*, цит. соч., стр. 7.

2) Рише, цит. соч., стр. 169—170.

своему содержанию могутъ находиться даже въ полярной противоположности съ тѣми представленіями, которыя въ данную минуту насъ занимаютъ. Но кромѣ такой средней формы, являющейся спутникомъ нашихъ обычныхъ бодрственныхъ состояній, сознание имѣетъ еще свой максимумъ и свой минимумъ. Патологическій максимумъ сознанія можно наблюдать въ галлюцинаціяхъ, а также въ *ideae fixes*. Минимумъ же сознанія мы имѣемъ, напр., во снѣ.

Если мы всмотримся глубже въ эти постепенные переходы или градаціи сознанія, то найдемъ очень простой и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важный фактъ, а именно: мы увидимъ, что различныя степени въ сознаніи идутъ параллельно съ извѣстною интенсивностію тѣхъ самыхъ психическихъ процессовъ, которые оно сопровождаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что наше сознание можетъ освѣщать душевные процессы только въ такомъ случаѣ, когда связь и взаимодействіе составляющихъ ихъ ощущеній, представленій и идей достаточно сильны, вслѣдствіе чего они вытѣсняють враждебные имъ феномены и занимаютъ высшее положеніе въ психическомъ царствѣ. И чѣмъ тѣснѣе связь этихъ элементовъ, чѣмъ опредѣленнѣе и непосредственнѣе ихъ взаимодействіе, тѣмъ интенсивнѣе психическій процессъ, тѣмъ полнѣе господствуетъ онъ въ душѣ и тѣмъ высшею степенью сознанія онъ обладаетъ. Наоборотъ, чѣмъ разъединеннѣе психическія единицы, чѣмъ и шире и неопредѣленнѣе ихъ взаимодействіе, тѣмъ слабѣе образующійся изъ нихъ психическій процессъ и тѣмъ меньшая степень сознанія ему свойственна. Отдѣльное впечатлѣніе, запавъ въ душу и не найдя тамъ сродныхъ представленій и идей, никогда не можетъ вызвать соответствующаго ему содержанія сознанія. Но какъ только этотъ отдѣльный элементъ сольется съ группою другихъ однородныхъ съ нимъ психическихъ феноменовъ въ одно могущественное цѣлое, онъ тотчасъ же появится на свѣтъ сознанія; и его сознательность будетъ тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе его связь съ той психической группою, къ которой онъ принадлежитъ, и чѣмъ слабѣе взаимодействіе элементовъ, стоящихъ за ея предѣлами. Если же этотъ психическій элементъ отдѣлится отъ своихъ союзниковъ и снова превратится въ изолированную единицу, то онъ опять ста-

нетъ ничтожной величиной, не сопровождающейся сознаниемъ. Въ дѣйствительности такъ именно и происходитъ, что одна группа психическихъ элементовъ интересуется, т. е. соединяется въ одно тѣсное, непосредственно—цѣлое; другая же въ это время дезинтегрируется, или распадается на свои составные единицы. Въ первомъ случаѣ возникаетъ достаточно интенсивный психическій процессъ, который вытѣсняетъ господствовавшія ранѣе въ душѣ представленія и становится сознательнымъ. Во второмъ же—образуются отдѣльные, несвязанные между собою, безконечно слабые элементы, не достигающіе границъ сознанія и потому погружающіеся въ область безсознательнаго. Яркимъ подтвержденіемъ только что высказаннаго могутъ служить многіе факты повседневной жизни. Такъ, напр., мы не слышимъ легкаго шума вокругъ насъ, не чувствуемъ прикосновенія къ пальцу кольца, къ тѣлу одежды и т. п. въ тотъ моментъ, когда бываемъ заняты какимъ нибудь постороннимъ дѣломъ. Но какъ только мы обратимъ вниманіе на эти слабыя ощущенія, то они тотчасъ же усилятся и станутъ вполнѣ сознательными. Ощущенія, не сливающіяся въ нашей душѣ съ системой однородныхъ представленій, идей и чувствъ будутъ проходить совершенно незамѣтно для насъ даже въ томъ случаѣ, если они вызваны весьма сильными внѣшними раздраженіями. Представимъ себѣ, что мы первый разъ слушаемъ какую нибудь музыкальную пьесу. Ея незнакомый мотивъ производитъ на насъ какое то странное, непонятное впечатлѣніе. Раньше мы всегда были въ восхищеніи отъ музыки, но сейчасъ она вызываетъ въ насъ обратное, даже непріятное чувство. И мы слушаемъ ее разсѣянно, полусознательно... Но вотъ музыкантъ заигралъ знакомый намъ гимнь или маршъ. Мы тотчасъ же какъ бы пробуждаемся и начинаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ и большимъ увлеченіемъ слушать аккорды и переливы музыкальной мелодіи. Почему же раньше пьеса не возбуждала въ насъ такого живого отголоска? Только потому именно, что она не могла найти въ нашей душѣ однородныхъ представленій и эмоцій, а потому ощущеніе не могло подняться до той высоты, что мы могли ее апперцепировать. Напротивъ, самое ничтожное и давно забытое представленіе можетъ получить полную сознательность, если оно будетъ усилено соответствующими

психическими элементами; слабое и незамѣтное въ отдѣльности, оно въ связи съ этими элементами будетъ сильнымъ и замѣтнымъ.

Такимъ образомъ и теоретическія предпосылки, и факты приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что сознательные психическіе процессы представляютъ собой интеграцію отдѣльныхъ минимальныхъ душевныхъ элементовъ, бессознательные же—ихъ дезинтеграцію. Отсюда слѣдуетъ, что сознательныя и бессознательныя—совершенно однородныя между собой психическія явленія; сущность какъ тѣхъ, такъ и другихъ одинакова. Вся разница здѣсь въ томъ, что первыя, по самому своему понятію, освѣщаются сознаниемъ, послѣднія же этой особенності не имѣютъ. Но, какъ мы видимъ, это не значитъ, что бессознательные психическіе процессы въ абсолютномъ смыслѣ бессознательны. Они представляютъ собой только minimum сознательности. При благопріятныхъ же условіяхъ они всегда могутъ достигнуть границъ полнаго сознанія. Если только аналогіи, заимствованныя изъ чувственнаго, матеріальнаго міра, могутъ дать болѣе или менѣе конкретное представленіе о бессознательныхъ психическихъ процессахъ, то тогда послѣдніе можно сравнить съ колебаніями звучащей струны. Какъ струна продолжаетъ еще колебаться и издавать звукъ послѣ того, какъ мы перестаемъ его уже слышать, такъ точно и психическіе процессы, погружившись въ сферу бессознательнаго, остаются на краю сознанія и ихъ слабое эхо раздается по всему психическому міру; и какъ звукъ струны при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ снова возрасти до прежней силы и дойти до нашего слуха, точно также и бессознательные психическіе процессы не теряютъ возможности быть сознанными вновь и при повышеніи ихъ интенсивности до извѣстнаго maximum'a могутъ опять воскреснуть и появиться на свѣтъ сознанія.

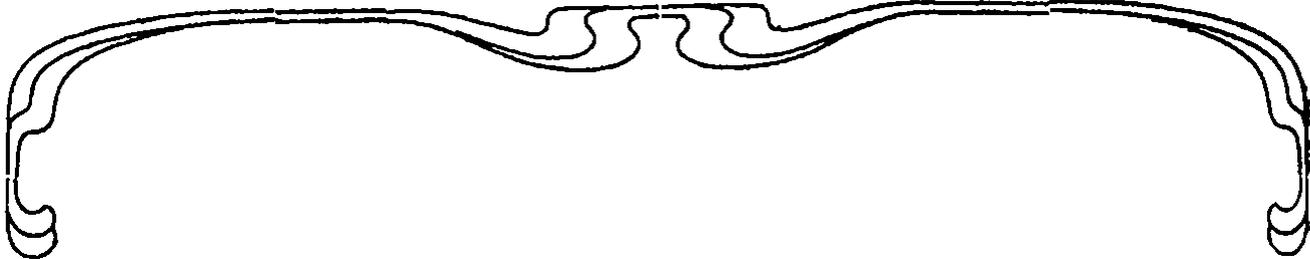
Бросая ретроспективный взглядъ на все выше сказанное, мы видимъ, что—1) бессознательные психическіе процессы несомнѣнно существуютъ, въ чемъ мы всегда можемъ убѣдиться. Они широкой волной разливаются въ духовной жизни человѣка. Мы не можемъ указать ни одного сознательнаго явленія, въ которомъ бы въ той или другой степени не проявлялось участіе бессознательнаго.

2) Рѣзкой границы между сознательными и бессознательными психическими явлениями не существуетъ. Последнія не могутъ быть ни физиологическими процессами мозга, ни дѣйствіями внѣчеловѣческаго, мірового принципа—воли и представленія. Не можемъ мы также ихъ замѣнить ни неопознанными состояніями, ни незамѣтными содержаніями сознанія.

3) Бессознательные психическіе процессы носятъ всѣ признаки сознательныхъ душевныхъ элементовъ. Мы нашли лишь пониженіе сознательности, или ослабленіе интенсивности психическаго процесса до извѣстнаго minimum'a. Если сознаніе есть выраженіе высшей интенсивности психическихъ процессовъ и высшаго взаимодѣйствія составляющихъ ихъ элементовъ, то бессознательность есть выраженіе низшей интенсивности душевныхъ процессовъ и наиболѣе слабой связи ихъ элементовъ.

А. Покровский.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(Историко-критическій очеркъ).

- Еп. Іоаннь. Исторія вселенскихъ соборовъ. Изд. 1896 г.
Ф. Терновскій. Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ. 1883 г.
А. Лебедевъ. Исторія вселенскихъ соборовъ. Часть 1-ая изд. 1896 г.
Часть 2-ая изд. 1904 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Потому ли, что „церковно-историческая наука поздно включена въ составъ прочихъ богословскихъ наукъ, преподававшихся въ русскихъ духовныхъ школахъ“¹⁾, потому-ли, что „церковную исторію одно время смиряли и она сама смирялась“²⁾; или потому, что „время, должно быть, не пришло“³⁾: нѣтъ у насъ до сихъ поръ капитальнаго труда, по полнотѣ и строго-научной методѣ изложенія,—„исторіи вселенскихъ соборовъ“, въ „смыслѣ окончательно-формулированныхъ итоговъ предварительныхъ критическихъ изысканій въ области предмета“⁴⁾.

Впрочемъ, это не значитъ, что въ нашей церковно-исторической наукѣ и совсѣмъ нѣтъ научныхъ трудовъ объ эпохѣ вселенскихъ соборовъ. Нѣтъ, они не только существуютъ но и своимъ содержаніемъ могутъ отвѣтить на вопросы, такъ или иначе касающіеся этой „чрезвычайно живой и разнообразной эпохи“⁵⁾.

1) Бог. Вѣстн. 1895 г. Дек., стр. 289.

2) Тамъ-же, стр. 304.

3) Тамъ-же, стр. 317.

4) Церк. Вѣстн. 1879. № 30, стр. 10 неоф. ч.

5) Прот. Ив—цовъ. Рел. движ., стр. 42.

А если такъ, то естественно тѣмъ самымъ намѣчается и опредѣляется цѣль и методъ нашего историко-критическаго очерка. Именно, разъ извѣстныя намъ изслѣдованія даютъ такія или иныя понятія о главныхъ и составныхъ частяхъ вселенскихъ соборовъ, то нашей цѣлью долженъ служить отвѣтъ: достаточны ли такія понятія и могутъ ли быть приняты?

Затѣмъ. Разъ подлежащія нашему обзорѣнію изслѣдованія съ различныхъ, конечно, точекъ зрѣнія касаются и обрисовываютъ эпоху вселенскихъ соборовъ, то нашъ путь— есть путь взаимнаго дополненія воззрѣній нашихъ авторовъ, или путь сопоставленія, также суммированія ихъ взглядовъ и оцѣнка таковыхъ съ точки зрѣнія указанной нами цѣли. Что же касается до самыхъ взглядовъ, съ которыми желательно критически познакомиться и которые отвѣчаютъ по возможности на большинство запросовъ и составныхъ элементовъ эпохи, то они слѣдующіе: 1) взглядъ на причину собора; 2) на самый соборъ: а) составъ его и участіе въ церковныхъ дѣлахъ и соборѣ свѣтской власти; б) на его дѣятельность; 3) взглядъ на авторитетъ и значеніе собора.

Должно, тѣмъ не менѣе, сказать, что обзорѣніемъ взглядовъ извѣстныхъ авторовъ по частнымъ вопросамъ, задача нашего очерка не можетъ быть исчерпана. Важно имѣть и общее сужденіе о трудѣ каждаго изъ нихъ. Необходимо указать, какъ бы въ заключеніе, на то, что представляетъ изъ себя трудъ того или другого автора и какое онъ имѣетъ значеніе въ дѣлѣ созданія научнаго труда „исторіи вселенскихъ соборовъ“.

Глава I. Первый вселенскій соборъ.

А. Причина созыва собора.

Всѣ наши авторы единогласно, только въ различныхъ выраженіяхъ, признаютъ, что первый Никейскій соборъ созванъ былъ *по причинѣ* все болѣе и болѣе разливающегося потока волненій *аріанскихъ* (Е. I. с. 20), для восстановленія мира церковнаго (Терн. с. 20, 22). Эти-то волненія и „вылились въ вопросъ *догматическій*: нужно ли признавать Сына Божія Богомъ, равночестнымъ съ Богомъ Отцемъ, или лишь совершеннѣйшею изъ тварей, или же, хотя и признавать

Его Богомъ, но Богомъ не равнаго достоинства съ Богомъ Отцемъ“ (Либ. ч. I, с. 1). Но, если проф. Терновскій и Лебедевъ, принимая во вниманіе руководящія идеи своихъ произведеній, считаютъ указанную причину, какъ бы за единственную, то Еп. Іоаннъ признаетъ нужнымъ съ своей тоже точки зрѣнія, констатировать и др. менѣе важныя причины для собора: расколъ мелетіанскій и споры о времени празднованія Пасхи (с. 21).

Естественно, конечно, вопросъ о происхожденіи аріанства. И вотъ здѣсь взгляды нашихъ авторовъ значительно расходятся.

1. Еп. Іоаннъ пишетъ: „основательное знакомство съ предметомъ прямо приводитъ къ тому заключенію, что никакого ближайшаго вѣщнаго источника, изъ коего могли бы генетически проистекать воззрѣнія аріанъ, указать нельзя. Главнымъ и единственнымъ источникомъ всѣхъ этихъ лжеученій нужно признать собственный оригинальный образъ мыслей Арія. Всякія теоріи, съ указаніемъ на цитаты, критики не выдерживаютъ“ (с. 3).

Впрочемъ, удержаться на занятой позиціи автору вполнѣ не удалось, потому что онъ не могъ все-таки не признать хотя какихъ бы то ни было предшественниковъ по части отрицанія равенства и единосушія Второго Лица Св. Троицы съ Богомъ Отцемъ. Онъ склоненъ признавать и вліяніе Александрійской школы на Арія, именно Оригена, хотя различнымъ вліяніемъ Арій не поддавался страдательно, но всѣ ихъ переработалъ. Мысли же о происхожденіи аріанства отъ св. мужа Лукіана Еп. Іоаннъ никакъ не допускаетъ (с. 4).

2. По воззрѣнію проф. Терновскаго, аріанство, съ отрицательной стороны, выродилось изъ стремленія при посредствѣ школьной діалектики понять религіозныя вѣрованія. Съ положительной же—ересь была продолженіемъ гностицизма, который предполагалъ между высочайшимъ Богомъ и конечнымъ міромъ цѣлый рядъ посредствующихъ эоновъ, постепенно оскудѣвающихъ въ силѣ и величіи по мѣрѣ отдаленія отъ высшаго Бога и приближенія къ конечному міру. Аріанство только сократило гностическую лѣстницу божествъ, замѣнивъ ее однимъ звѣномъ Сыномъ Божиимъ, созданнымъ отъ Отца во времени и въ свою очередь создавшимъ міръ (с. 19).

3. Проф. же Лебедевъ происхождение арианства приурочиваетъ къ вліянію Антиохійской школы, основателемъ которой былъ пресвитеръ Лукіанъ. „Было ли ученіе послѣдняго сколько-нибудь близкимъ къ арианству, рѣшить невозможно этотъ вопросъ, продолжаетъ авторъ, потому что о Лукіанѣ мы почти ничего не знаемъ. Замѣчательно, однакоже, по одному древнему свидѣтельству, и ересіархъ Арій былъ также ученикомъ все того же Лукіана Антиохійскаго. Школа, значить, на всѣхъ учениковъ, или по крайней мѣрѣ на многихъ, вліяла одинаковымъ образомъ. (ч. I, с. 8—9).

Итакъ Еп. Іоаннъ происхождение арианства относитъ почти исключительно къ личности самого Арія. Но уже то обстоятельство, что этотъ, осужденный еп. Александромъ, пресвитеръ обращается въ письмѣ къ Евсевию Никомидійскому, какъ къ товарищу по школѣ, какъ къ „истинному солукіанисту“, и дѣлаетъ на этихъ словахъ удареніе, значеніе котораго, подразумѣвается, понятно только для выходцевъ изъ подъ одного руководства,—должно бы автору наглядно показать, что свое ученіе Арій ставитъ подъ знамя Лукіана Антиохійскаго (Леб. с. 10), апеллируетъ къ его авторитету. Это что-нибудь да значить. Потомъ, въ такомъ генезисѣ арианства нисколько не сомнѣвается и еп. Александръ, противникъ Арія, что и доказываетъ въ письмѣ къ византійскому епископу (Леб. Изъ ист. вс. соб. с. 54).

О томъ же говоритъ и Филосторгій, котораго свидѣтельство, какъ арианскаго историка, еще цѣннѣе, потому что, кому же лучше знать откуда ариане ведутъ свое ученіе какъ не имъ же (тамъ-же с. 56)¹).

Впрочемъ, не перечисляя всѣхъ подобныхъ доказательствъ, за происхождение арианства изъ антиохійской школы, мы должны однако признать ихъ полную достаточность для соотвѣтствующей цѣли. (См. о нихъ у Леб. из. ист. вс. соб. 54—58; Спас. 154—7; 170—1).

Такъ что „фактъ зависимости арианскаго движенія отъ Лукіана“, „внутреннее сродство между идеями, какихъ держится означенная партія, и ученіями, какія распространялись въ извѣстной школѣ“ (чего требовалъ прот. Иванцовъ въ Рел. Дв. с. 93)—этотъ фактъ „стоитъ весьма прочно и

¹) Проф. А. Спасскій. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху всел. соборовъ. С. 154—5.

опирается на авторитетныя и непререкаемыя свидѣтельства“ (Спас. с. 156). Подобное положеніе дѣла естественно броса-етъ свѣтъ и на ту роль, какая выпала на долю Арія. Его „очевидно нельзя назвать ни единственнымъ виновникомъ спора, поднятаго имъ, ни основателемъ того ученія, которое навсегда осталось тѣсно связаннымъ съ его именемъ. Онъ только представитель Лукіановскаго кружка. Все дѣло Арія въ томъ, что въ его лицѣ новое направленіе въ первый разъ столкнулось съ противоположнымъ александрійскимъ направлениемъ ¹⁾ и вслѣдствіе этого начался споръ, который рано или поздно, но необходимо бы возгорѣлся и помимо Арія. Этимъ и объясняется, что онъ не былъ главою и руководителемъ. Когда обстоятельства Арія выдвинули, съ его личностью считались; послѣ же сами ближайшіе сотрудники отреклись отъ него (Спас. с. 156). Историческая новость системы Арія лишь въ томъ, что онъ приписалъ происхожденіе Сыну Божію изъ *несущаго* (тамъ же с. 176). Вотъ и вся самостоятельность Арія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ о вліяніи на Арія со стороны александрійскаго богословія, особенно воззрѣній Оригена, навсегда въ сущности своей останется вопросомъ. Самые ярые защитники подобной теоріи не могутъ не сознаться, какъ напр. проф. Ивановъ, что „она имѣетъ только предположительный характеръ“. (Рел. Движ. с. 109). Мало того, даже циркулярно въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія предписано (указъ Св. Синода отъ 24 апр. 1883, № 16), мнѣніе „объ отношеніи Оригена къ аріанству „считать“ „нѣмецкой выдумкой“, имѣющей въ виду „ослабить силу церковнаго преданія“. (Прибъ къ твор. Св. Отц. 1873, ч. 31, с. 377). Если же, наконецъ, еп. Іоанна поставило будто въ тупикъ, обстоятельство, что Лукіанъ-канонизованный церковью мученикъ,—то это самое, въ существѣ дѣла, не является ручательствомъ за безошибочность воззрѣній и выводовъ мученика въ его интеллектуальной области, при рѣшеніи того или другого догматическаго вопроса, еще не изслѣдованнаго вселенскою церковью.

¹⁾ См. тоже въ сборникѣ статей изъ ранняго христіанства статью А. Юлихера „Религія Іисуса и начало христіанства до Никсобора“. Пер.: съ нѣм. 1907 г. стр. 169.

Святость человека вѣдь не въ безгрѣшности его. Къ тому же мученическая смерть въ церкви ставится наравнѣ съ крещеніемъ, такъ что способна покрыть всѣ прежде бывшіе грѣхи. Видимо въ дѣйствительности такъ и было. (Спас. с. 157—8).

2. Проф. Терновскій, какъ мы видѣли, ставить аріанство въ генетическую связь съ гностицизмомъ. Критикуя этотъ взглядъ, проф. Лебедевъ не соглашается съ авторомъ и опроверженіе такого взгляда находитъ въ его собственныхъ словахъ. Именно, критикъ пишетъ: „Если гностики допускали множество божественныхъ существъ, посредствующихъ между Высочайшимъ Богомъ и конечнымъ міромъ (эоновъ), а аріане „замѣнили“ это множество однимъ существомъ, Сыномъ Божіимъ, менѣе совершеннымъ, чѣмъ Отецъ, допускали одно существо въ качествѣ посредника между Отцомъ и конечнымъ міромъ, то что общаго остается между гностицизмомъ и аріанизмомъ? Почти ничего“. И далѣе указываетъ на генетическую связь аріанства съ раввиническимъ ученіемъ іудеевъ о Мемрѣ, посредникѣ между Богомъ и міромъ, менѣе совершеннымъ, чѣмъ Богъ Отецъ (Приб. къ твор. 1883, ч. 31 с. 665).

Однако намъ думается, что не „почти ничего“ остается отъ возрѣнія Терновскаго, а самое главное; остается самая идея ограниченнаго посредника между Богомъ и міромъ, какая существуетъ и въ аріанствѣ. Къ тому же, мы знаемъ, что преосв. Лукіанъ антиохійскій получилъ собственное образованіе въ Эдесской школѣ, основанной гностикомъ Вардесаномъ (Спас. с. 158). Почему знать, можетъ быть здѣсь и вліяли на Лукіана унаслѣдованныя школой гностическія возрѣнія?

Впрочемъ, должно сказать, что если, пожалуй, и имѣетъ долю вѣроятности возрѣніе проф. Терновскаго, то все-таки здѣсь мы встрѣчаемся съ указаніемъ на далекій, довольно темный генезисъ аріанства, тогда какъ для насъ всегда болѣе важно бываетъ указаніе на „genus proximum“, на такой ближайшій фактъ, съ которымъ связь устанавливается съ возможно полной очевидностью.

И это тѣмъ болѣе такъ, что едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что вся доникейская богословско-философская мысль, не находя ничего общаго между Богомъ и мі-

ромъ, не допуская возможности непосредственнаго воздѣйствія Бога на міръ, склонялась къ признанію посредника между тѣмъ и другимъ, отличнаго отъ Бога и міра. Такъ что представленіе о Мемрѣ есть только, такъ сказать, частное выраженіе общаго міровоззрѣнія.

3. Что касается до взгляда проф. Лебедева на происхожденіе аріанства, то, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, съ нимъ остается лишь согласиться, да дополнить его утвержденія относительно Лукіана. Если онъ считалъ вѣскимъ возраженіемъ противъ указаннаго происхожденія аріанства то, что объ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ Лукіана исторія ничего не знаетъ; если легко устранялъ это возраженіе извѣстнымъ изрѣченіемъ: „по плодамъ ихъ познаете ихъ“, на подобіе того, какъ наука считаетъ Аммонія Сакка основателемъ неоплатонизма, потому что его ученикъ, Плотинъ, привелъ въ систему ученіе неоплатоническое“ (Изъ ист. вс. соб. с. 57) то: „въ настоящее время мы въ состояніи представить догматическія воззрѣнія Лукіана, по двумъ пунктамъ—ученію о Богѣ и о Лицѣ Іисуса Христа. По нимъ-то и легко видѣть (Спасс. с. 170—1), что въ обоихъ этихъ главныхъ пунктахъ, опредѣлившихъ догматику Арія, Лукіанъ предупредилъ аріанство, хотя и нѣтъ основаній утверждать, что онъ уже пришелъ ко всѣмъ тѣмъ крайнимъ выводамъ, какіе высказаны были Аріемъ“. Поэтому и укорить можно только за то, что о происхожденіи аріанства онъ „мимоходомъ“ упомянулъ, „съ тѣхъ лишь сторонъ, которыя должны были уяснить дѣятельность нѣкоторыхъ изъ соборовъ“ (Изъ ист. с. 53—4). Оговорка справедлива, но отчасти. Именно, она, думаемъ, могла имѣть значеніе только тогда, когда вопросъ о происхожденіи аріанства былъ бы давнымъ давно рѣшенъ въ опредѣленномъ смыслѣ; когда не было бы разныхъ точекъ зрѣнія на этотъ предметъ. Вотъ и достаточно было бы одного упоминанія. Но дѣло въ дѣйствительности обстояло иначе. Поэтому проф. Лебедеву стоило бросить соотвѣтствующій взглядъ на отношеніе аріанства къ Александріи, пропустить бы главныя свѣдѣнія и факты изъ этого отношенія „черезъ фильтръ своей критики“. Тогда не пришлось бы ему дѣлать вынужденной „уступки въ пользу александрійской школы“ своему аппоненту, прот. Иванцову. Т. е., „что аріанство вышло изъ антїохійской школы подъ нѣко-

торымъ воздѣйствиємъ александрійской школы, воздѣйствиємъ тонкимъ и неуловимымъ, но возможнымъ, потому что идеи по природѣ своей текучи (Изъ ист. с. 63—4)“. Вопросъ бы могъ разрѣшиться ранѣе. И это тѣмъ болѣе необходимо, что „самое возстановленіе первоначальной исторіи аріанства въ ея фактической сторонѣ всегда останется гипотетичнымъ и должно основываться не столько на оффиціальныхъ документахъ, сколько на сравнительной вѣроятности собственныхъ предположеній изслѣдователя ихъ“ (Спасс. с. 141). Значить, критическій просмотръ фактовъ велъ бы ни къ чему иному, какъ къ выясненію основной идеи автора.

Итакъ, главною причиною перваго вселенскаго собора было появленіе и развитіе *аріанства*. Оно вышло изъ антиохійской школы. Аріанскія воззрѣнія тамъ въ общихъ чертахъ уже господствовали. Нуженъ былъ только подходящій человѣкъ, какимъ и явился Арій. Но своего въ собственное ученіе онъ внесъ мало. О воздѣйствиі александрійскаго богословія можно лишь предполагать.

Б. Самый соборъ; а) составъ собора и участіе свѣтской власти.

Каждый соборъ можно разсматривать собственно съ 2-хъ сторонъ: а) различать въ немъ *дѣятелей* собора; б) сосредоточивать вниманіе на самой дѣятельности. Думаемъ, что въ составъ дѣятелей собора вполне естественно включить и свѣтскую власть, такъ какъ она тоже принимала участіе въ церковныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ членами собора. Поэтому, съ такой точки зрѣнія мы и подвергнемъ разсмотрѣнію данныя нашихъ авторовъ. Въ отношеніи *состава собора* они вообще раздѣляютъ его членовъ на „2 стороны“, „на 2 партіи“: еретиковъ и православныхъ (Іоан. с. 24—25. Терн. с. 21—22. Леб. с. 10). Если еп. Іоаннъ вмѣстѣ съ проф. Терновскимъ только тѣмъ и ограничиваются, то проф. Лебедевъ идетъ дальше. Въ самой аріанской группѣ для большей отчетливости онъ указываетъ два теченія; 7) собственно строгое аріанское (с. 8) и то, которое позднѣе стало извѣстно подъ именемъ полуаріанства (с. 9). Мало того, онъ, по словамъ рецензента своей диссертациі, „еще далъ болѣе тща-

тельную и вразумительную характеристику партіи соборныхъ ¹⁾).

Къ православной партіи принадлежали герои вѣры и исповѣдники. Сюда относились нѣкоторые серьезно образованные лица, отличавшіяся въ діалектикѣ и учености (с. 3—4). Вѣровали они въ то, чему и какъ учила Церковь; подчиняли разумъ вѣрѣ. На таинство Св. Троицы, на вопросъ о сущности Сына Божія, объ отношеніи Его Божественности къ Богу Отцу смотрѣли какъ дѣйствительно на тайну. Партія эта была ревностною въ охраненіи вѣры на соборѣ противъ притязаній разума. Въ воззрѣніи отвѣчали общему христіанскому сознанію. Это—консерваторы (с. 6).

Наоборотъ, первая партія аріанская хотѣла вѣру подчинить знанію. Она стояла за религіозное знаніе, и не высоко цѣнила простую вѣру. Преданіе должно повѣрять; должно изслѣдовать и испытывать вѣру... Эта партія—либерально-раціоналистическая. Здѣсь много было образованныхъ богослововъ, много писателей церковныхъ, но выходили и еретики (с. 7).

Другая группа аріанствующихъ держалась, вообще говоря, золотой середины между партією поборниковъ церковной вѣры и группою богослововъ, пропитанныхъ аріанскимъ раціонализмомъ; къ ней могли принадлежать люди, для которыхъ и вѣра была священна, и научно-богословскіе интересы также дороги (с. 8). Воззрѣнія ихъ были неопредѣленны, почему обѣ стороны считали ихъ своими сторонниками (с. 9).

Все сказанное, конечно, вѣрно. Такъ что даже „строгая“ критика прот. Иванцова съ сущности говоря оказалась „неосновательной“ (из. ист. с. 86) и видимо не въ состояніи была поколебать достовѣрности тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ объ аріанахъ и православныхъ, на которыхъ стоитъ проф. Лебедевъ (из. ист. 76). Но и послѣ такого научнаго разъясненія у о. Иванцова остается впечатлѣніе,

¹⁾ Отзывъ о диссертациі экстро-ординарнаго профессора А. П. Лебедева, доцента Н. Лебедева. Изъ дѣлъ Совѣта М. Д. Академіи за 1879 годъ № 10, хотя отзывъ этотъ и напечатанъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1895 годъ книга 4 я, стр. 265—6, но мы пользуемся подлинникомъ, такъ какъ напечатана въ сущности меньшая его часть.

будто нашъ авторъ все-таки возвышаетъ арианъ надъ православными, этими простецами и невѣждами (Прав. Обзор. 1882 г., ч. 3, стр. 619). Отчего это? Намъ думается, что такое впечатлѣніе получается оттого, что проф. Лебедевъ, при характеристикѣ православной стороны, не пошелъ тѣмъ путемъ, какимъ и при характеристикѣ арианской. Вѣдь ученые православные не могли не отличаться, такъ или иначе и довольно значительно, отъ простыхъ и неученыхъ своихъ братьевъ. Отсюда, если бы ихъ выдѣлить и составить изъ нихъ *особую группу* православныхъ, съ присущими имъ одними характеристическими чертами, то недоумѣнія и заключенія о предпочтеніи авторомъ арианъ, едва ли бы могли имѣть мѣсто. Скажемъ больше. Конечно либералы не прогрессисты (Леб. с. 11), какъ хотѣлъ бы навязать нашему автору прот. Иванцовъ. Но вѣдь собственно и консерваторы не прогрессисты. Между тѣмъ, палма первенства въ дѣлѣ составленія Никейскаго вѣроопредѣленія прогрессивнаго характера принадлежала этой консервативной партіи. Какъ это возможно? Безусловно такъ, что въ самой средѣ строгихъ консерваторовъ были вліятельные прогрессисты, которые увлекли за собой большинство своей партіи. Пожалуй, намекъ есть на это и у нашего автора, когда онъ говоритъ объ образованныхъ православныхъ. Но этотъ намекъ былъ бы вполне ясенъ, не вызывая бы противъ себя возраженій и не давая бы оппонентамъ права упрекать, если бы, повторимъ, эти ученые—прогрессисты выдѣлены были въ особое теченіе. Въ виду этого резюмируемъ вышеизложенное о составѣ собора заимствованіемъ изъ одного новѣйшаго изслѣдованія. На соборѣ получилось 4 различныхъ догматическихъ теченія или группы: 1-е строго арианское, подъ главенствомъ Евсевія Никомидійскаго, съ желаніемъ обезпечить свободу изслѣдованія. 2-е образованные защитники православія съ предложеніемъ новшества „*ὁμοουσις*“, чтобы создать точное вѣроизложеніе. Это, такъ сказать, тяжущіяся стороны, а не судьи, опредѣляющіе исходъ дѣла. Послѣдняя роль принадлежала остальнымъ двумъ консервативнымъ группамъ: 3-й группѣ, героевъ вѣры и простыхъ епископовъ съ чутъемъ истины и 4-й группѣ, стоявшей подъ главенствомъ Евсевія Кесарійскаго; у этой было также много

примирительныхъ элементовъ, на какихъ могли бы сойтись всѣ Никейскіе Отцы (Спасе. с. 214—219).

Что касается до участія свѣтской власти, оно выразилось въ примирительной дѣятельности императора, какъ до собора, (въ отношеніи къ еп. Александру и Арію), такъ и на самомъ соборѣ¹⁾. Имп. Константинъ опирается на соборное большинство и „всѣми мѣрами склоняетъ аріанствующихъ къ уступкамъ“ (Терн. с. 29). Если проф. Лебедевъ подробно объ этой роли имп. на соборѣ, по вполне понятнымъ причинамъ, не говоритъ, то изъ того немногаго, что у него находимъ (с. 23—5), можно вывести такое же заключеніе о характерѣ примирительной дѣятельности императора. Но какія основанія принципіальнаго характера были у Константина для такой цѣли?

Еп. Іоаннъ идеализируетъ личный характеръ императора (видитъ причину въ „сердцѣ“, „благочестивомъ желаніи императора“ с. 15, 17) и только въ скобкахъ указываетъ на то, что спокойствіе церкви составляло и спокойствіе государства. Проф. Терновскій тоже въ общемъ ограничивается однимъ подобнымъ утвержденіемъ.

Но такое объясненіе въ сущности есть довольно общая фраза, какой удовольствоваться трудно. Поэтому, чтобы имѣть болѣе или менѣе достаточный положительный отвѣтъ, обратимся къ тому, кто подробнѣе касается вопроса о принципіальномъ отношеніи свѣтской власти къ дѣламъ церкви. Такъ проф. Кургановъ въ объясненіе поведенія имп. Константина выходитъ изъ того, что послѣдній взглянулъ на себя, какъ на слугителя Божія, получившаго власть отъ Творца для того, чтобы „воспитываемый подъ его руководствомъ родъ человѣческой призвать на служеніе священнѣйшему закону и, подъ руководствомъ Высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру (с. 20)“. Онъ ревнуетъ о славѣ Церкви Христовой и о введеніи христіанскихъ началъ въ свое государство (23); преобразуетъ, насколько возможно, законодательство въ духъ христіанскихъ на-

¹⁾ Е. Іоаннъ. С. 17, 27, 37; Терн. 29. Проф. Кургановъ. Отношенія между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи. Казань, 1880, стр. 36—7.

чалъ ¹⁾. Конечно, такому взгляду нельзя отказать въ правильности. Но въ общемъ онъ нѣсколько одностороненъ. Имъ игнорируется все-таки то, что Константинъ былъ прежде всего государь; что первою и главною его цѣлью было благо государства. Поэтому, естественнѣе дѣло представлять такъ. „Будучи намѣренъ перестроить все государство заново, на лучшихъ и болѣе твердыхъ началахъ, Константинъ первое мѣсто отводилъ христіанской церкви. Подобно большинству выдающихся умовъ древности, Константинъ былъ убѣжденъ, что политическое единство не отдѣлимо отъ единства религіознаго и достиженіе такого религіознаго объединенія своихъ подданныхъ ставилъ для себя жизненной задачей... Благосостояніе церкви, ея единство, какъ и прочіе церковныя вопросы получали въ глазахъ Константина важность государственную и составляли собой предметъ самыхъ тщательныхъ заботъ его. Вотъ почему самая распря епископ. Александра и Арія обратила на себя вниманіе Константина потому, что она рождала безпорядки въ Египтѣ, житницѣ имперіи, и грозила послѣдней политической опасностію (Спасс. с. 202—204). Такъ что, если личный характеръ Константина и игралъ роль въ его всегдашней примирительной дѣятельности, то главенствовала, конечно, общегосударственная нужда, чѣмъ и объясняется перемѣна въ поведеніи императора послѣ собора въ отношеніи къ православнымъ ²⁾).

б) Дѣятельность соборная.

Нужно сказать, что проф. Терновскій о дѣятельности собора ничего не говоритъ. Онъ ограничивается только глубокимъ указаніемъ на центральный терминъ составленнаго въроопредѣленія—„*ἁποστολική*“. Остальные два автора о первыхъ шагахъ собора, если исключить начальныя рѣчи: къ императору и отвѣтную, приводимыя еп. Іоанномъ, повѣствуютъ

¹⁾ Тоже почти утверждаетъ о Константинѣ и неизвѣстный авторъ статьи: „Объ образѣ дѣйствования государей въ 4, 5 и 6 в.в.“, помѣщенной въ приб. къ Творенію св. Отцевъ за 1859 г., т. 18, с. 53.

²⁾ А. Гарнакъ въ своихъ утвержденіяхъ идетъ еще дальше. Онъ въ дѣйствіяхъ Константина видитъ то, что послѣдній принималъ участіе въ „управленіи церковью“ и сыновьямъ своимъ завѣщалъ „управлять церковью“. См. тотъ же вышеуказанный сборникъ.

въ общемъ согласно. Форма засѣданій была двоякая: частныя собранія и оффиціальныя въ присутствіи императора. Первыя служили подготовкою къ послѣднимъ. Хотя у проф. Лебедева о такомъ раздѣленіи нарочито не заявлено, но ясно видно изъ его разсказа.

Главнымъ предметомъ, приковывающимъ умы всѣхъ было ученіе о Сынѣ Божіемъ. И у того, и у другого автора первую выступаетъ партія Евсевія Никомидійскаго, встрѣчая себѣ общее сужденіе. Послѣ этого, по Іоанну, духовные не могли уже долго разсуждать о богословской сторонѣ предмета, которая имъ была извѣстна обстоятельно (с. 29), а обратились къ совопросителямъ свѣтскаго рода. Почему авторъ и приводитъ заимствованныя у Руфина и Геласія повѣствованія о спорахъ епископовъ съ философами. Впечатлѣніе получается странное. Будто эти споры имѣютъ важное значеніе для развитія дѣятельности соборной; будто для читателей, или слушателей они интереснѣе, чѣмъ прямое повѣствованіе о томъ, какъ выработывался Никейскій символъ. Мало того, самые-то почерпнутые разсказы въ дѣйствительности, или мало достовѣрны (у Руфина), такъ какъ богато разукрашены человѣческой фантазіей послѣдующаго поколѣнія; или совсѣмъ недостовѣрны (у Геласія), какъ, напр., разъясненіе о Св. Духѣ (К. Смирновъ. Обзор. источн. 1 вс. соб. с. 190—4, 318, 333). Такимъ образомъ, въ порядкѣ повѣствованія должно бы придти къ изображенію самой важной части соборной дѣятельности: утверженію истиннаго ученія, составленія символа. Такъ какъ главными источниками для изображенія этой части соборной дѣятельности служатъ сочиненія Аѳанасія Александрійскаго и Евсевія Кесарійскаго, то мы вправѣ бы ожидать какого-нибудь отношенія къ нимъ еп. Іоанна. Но онъ своего взгляда не высказываетъ. И если даже пользуется Аѳанасіевымъ свидѣтельствомъ, то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя раньше (с. 23) и заявилъ, что у этого отца находятся существенныя свѣдѣнія о соборѣ Никейскомъ. Отсюда, понятно, Евсевіеву свидѣтельству онъ не удѣляетъ никакого вниманія, не говоря о томъ, что хотѣлъ бы разногласящія данныя указанныхъ писателей какъ-либо помирить. Вотъ почему у него послѣ простого упоминанія о „многихъ разсужденіяхъ и догматическихъ изысканіяхъ на соборѣ“, указывается только фактъ

составленія вѣроопредѣленія, при чемъ приводится послѣднее и дѣлается замѣчаніе о рѣшеніи другихъ вопросовъ церковнаго характера. Значитъ даже какой-либо попытки, съ цѣлью научно представить себѣ эту важную часть собора, понять, откуда и какъ составился Никейскій символъ,— у автора не находимъ. Иначе отнесся проф. Лебедевъ. „Онъ первый, по словамъ своего рецензента, критически и даже скептически отнесся къ сказанію Аѳанасія о I вселенскомъ соборѣ; во многомъ съ новой точки зрѣнія взглянулъ на происхожденіе Никейскаго символа (опредѣлили роль Константина Великаго). (Отз. с. 9). Такъ что, не довѣряя ни тому, ни другому источнику, онъ беретъ свѣдѣнія изъ обоихъ, поскольку вынужденъ признать тѣ истинными и точными. Не смотря на то, что примирить оба свидѣтельства нельзя, такъ какъ всегда остается мѣсто сомнѣнію, такъ ли это?—(Изъ ист. с. 88) однако онъ находитъ болѣе естественнымъ поставить ихъ рядомъ: сначала Аѳанасіево, а потомъ Евсевіево и такими путемъ идти въ изображеніи соборной дѣятельности. Наученъ ли такой пріемъ совмѣщенія? Правда, прот. Иванцовъ пробовалъ было показать въ своей книгѣ (Рел. движ.), что нѣтъ надобности ставить свидѣтельства Аѳанасія и Евсевія въ противорѣчіе между собою, а можно пользоваться существенными данными, какъ изъ этихъ, такъ и другихъ современныхъ собору писателей (с. 115). Именно, свидѣтельство Аѳанасія вставить въ свидѣтельство Евсевія и получится болѣе вѣрная картина. Не станемъ повторять, какъ „строго критикуемый“ профессоръ наглядно доказалъ, что „теорія примиренія“ извѣстныхъ „авторовъ, предложенная критикомъ, есть актъ насилія надъ документами“ (Изъ ист. с. 90). Скажемъ лишь, что способъ примиренія проф. Лебедева послѣдующими изслѣдователями не только не отвергается, но подтверждается и даже еще болѣе раскрывается. Такимъ путемъ пошелъ Смирновъ при изученіи сказаній о Никейскомъ соборѣ Аѳанасія и Евсевія (Обозр. с. 145—50). Такую точку зрѣнія призналъ за научную и проф. А. Спасскій въ своей „исторіи догматическихъ движеній“ (с. 221—225). Словомъ, пожалуй, вполне справедливо, что, по осужденію символа Евсевія Никомидійскаго, выступаетъ православная партія съ своими предложеніями въ такихъ или иныхъ словахъ изъ священнаго писанія выразить отно-

шеніе Сына Божія къ Богу Отцу, но не оказалась въ состояніи это сдѣлать. На помощь вздумалъ придти Евсевій Кесарійскій съ своимъ символомъ, но вставка термина „*ὁμοούσιος*“ обратила въ прахъ всѣ его начинанія. Подъ руками отцовъ Евсевіевъ символъ потерялъ свой первоначальный характеръ. Вмѣсто двухъмысленнаго вѣроизложенія, „возвышеннѣйшая истина о совершенномъ Божествѣ Сына Божія была провозглашена на всѣ вѣка“ (Лоб. ч. I, с. 27).

Не трудно видѣть изъ разсказа нашего автора, что центральное мѣсто въ Никейскомъ вѣроизложеніи занимаетъ терминъ „*ὁμοούσιος*“. Но откуда вытекаетъ такое его значеніе? Какой смыслъ выдвигаетъ его на первое мѣсто? На подобные вопросы у автора находимъ, что „никакое слово не могло выражать потребную мысль о равенствѣ Божества Сына Божія съ Отцемъ съ такою силою, какъ „*ὁμοούσιος*“. Это, конечно, правда. Однако едва ли въ одномъ равенствѣ, — каковое иногда обусловливаетъ и тождественность предметовъ, — здѣсь все значеніе; но и въ томъ, что словомъ „*ὁμοούσιος*“ указывается, при равенствѣ и единосущіи Сына Божія, и Его различіе отъ Отца. Затѣмъ. Авторъ указываетъ, какъ на мотивъ, заставившій отцевъ собора высказаться за „*ὁμοούσιος*“, что употребленіе его освящено церковнымъ преданіемъ (с. 23). Но вѣдь извѣстно же, что соборъ противъ Павла Самосатскаго осудилъ понятіе единосущный „*ὁμοούσιος*“ (с. 59). А это уже отнимаетъ нѣкоторую долю точности отъ утвержденія, будто употребленіе „*ὁμοούσιος*“ освящено церковнымъ преданіемъ. Мало того, знаемъ мы, что и Аѳанасій, — тотъ столпъ Никейскаго символа, — до 339 года не употреблялъ слова „*ὁμοούσιος*“, или сопровождалъ его разными оговорками. (Спасс. 247). Думается, что едва ли бы онъ вынуждался на подобный компромиссъ, если бы, — и послѣ открытаго признанія на соборѣ *ὁμοούσιος*, вполне отвѣчающимъ церковному ученію, — не было бы разногласій во взглядѣ на освященность этого термина путемъ преданія... Все сводится къ тому, что по нашему мнѣнію, у автора долженъ бы быть экскурсъ по части установленія значенія и смысла центральныхъ терминовъ Никейскаго символа. Тогда бы яснѣе раскрылись мотивы и душевное настроеніе дѣятелей послѣ соборной борьбы изъ-за символа. Положимъ, подробности этой борьбы у автора изложены. Но все таки они

вращаются вокругъ послѣ никейскаго пониманія. Тогда какъ достаточное проникновеніе въ суть взгляда на то же самихъ отцовъ собора, помогло бы увидѣть, что отчасти въ самомъ этомъ пониманіи отцами извѣстныхъ терминовъ лежала причина антиникейской реакціи.

3. Взглядъ на авторитетъ и значеніе собора.

„Вѣроисповѣданіе Никейское, пишетъ проф. Лебедевъ, было принято церковію неодинаково. Церковь въ 4 вѣкѣ раздѣлилась на 2 половины. Одна изъ нихъ съ ревностью стояла за символъ Никейскій, другая съ такою же ревностью возставала противъ него“ (с. 33). И если еп. Іоаннъ причину такого положенія дѣлъ видитъ въ козняхъ аріанскихъ (с. 37), въ коварной крамольнической хитрости, обошедшей Константина (с. 39)¹⁾; а проф. Терновскій констатируетъ лишь фактъ возникновенія вновь аріанскихъ смуть и указываетъ отчасти на отношеніе къ тѣмъ имп. Константина: то болѣе подробный взглядъ на причины и суть антиникейской дѣятельности находимъ у проф. Лебедева. Соответственно своей основной задачѣ, онъ устанавливаетъ главную причину возникшей борьбы въ интеллектуальномъ настроеніи дѣйствующихъ сторонъ, по сколько это настроеніе продолжала порождать разность направленій господствовавшихъ школъ: александрійской и антioxійской. На сторону противниковъ символа становятся *аріанствующіе*, приверженцы рационализма или либеральнаго богословія (с. 52). Къ нимъ принадлежали и нестрогіе аріане, полуаріане, болѣе близкіе, по своимъ воззрѣніямъ, къ церкви православной и которые свой интеллектуализмъ проявляютъ въ той легкости, съ какой они создавали новые символы въ противность Никейскому символу, и въ томъ разнообразіи, какъ они въ этихъ символахъ опредѣляли важнѣйшіе догматы вѣры (с. 50). Въ подобныхъ то символахъ (съ цѣлью выразумѣть вѣру), составляютъ которые аріанствующіе не стѣснялись, они и стараются поста-

¹⁾ Съ этимъ взглядомъ, повидимому, согласенъ и проф. Кургановъ. Впрочемъ, онъ устанавливаетъ и нѣкоторое объективное оправданіе для К—на въ томъ, что при неполномъ опредѣленіи догматовъ и всякихъ пунктовъ, гдѣ происходитъ соприкосновеніе церкви и государства, представитель послѣдняго можетъ ошибаться въ выборѣ истиннаго ученія (с. 42).

вить въ забвеніе символъ Никейскій, возрѣній котораго они не раздѣляли (с. 57). Отсюда возстаютъ они особенно противъ ученія о „единосущіи“, выраженія „изъ сущности Отца“, критикуя ихъ всѣми способами и осуждая ихъ на разныхъ соборахъ. Всякіе термины подбирали они для выраженія отношеній Сына Божія къ Отцу, но только не единосущный.

Православные, эти представители умѣренно-прогрессивнаго направленія, высоко держали знамя Никейской вѣры. Поскольку вынуждались къ тому обстоятельствами, они всѣми силами пытались защитить Никейскій символъ, поставить его выше всякихъ упрековъ, отстоять законность и справедливость каждаго его слова. Вотъ почему и находили, что „исповѣданнаго въ Никее доволно и достаточно: и къ опроверженію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія (с. 61—2).

Вотъ почему ревность православныхъ возбуждала удивленіе у антиникейцевъ и привела въ концѣ концовъ къ побѣдѣ самой Никейской догмы надъ возрѣніями противниковъ (с. 67). Словомъ, результатомъ тяжелой послѣдней борьбы, съ теченіемъ всеисцѣляющаго времени, было успокоеніе, взаимная снисходительность, взаимное сильное желаніе, оставивъ безплодную попытку составленія новыхъ символовъ, возвратиться подъ знамя Никейской вѣры. Положимъ, нашъ авторъ правъ. Но его освѣщеніемъ вопроса едва ли можно вполне удовлетвориться, такъ какъ оно не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. Именно, новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что общее на Востокѣ въ то время нерасположеніе къ аріанству не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ почему друзья Арія и самъ Арій должны были очиститься отъ подозрѣній въ этой ереси и представить соотвѣтствующія оффиціальныя исповѣданія. Значить, не аріане были только главными виновниками антиникейской борьбы (Спасс. 242). Таковыми являлись, особенно, консервативно-настроенные епископы Востока. Это потому, что вѣроизложеніе Никейское значительно опередило богословскую науку того времени; было, такъ сказ. радикально (с. 243, Иванц. Прав. об. 1882 г. с. 622), не гармонировало съ ихъ настроеніемъ, являлось, будто, нововведеніемъ, ведущимъ къ ереси. Ихъ, потому, цѣлью стало—охранить вѣру отъ нововведенія, уже сыгравшаго свою роль (по ихъ мнѣнію отрицательную) въ

уничтоженіи аріанства. Борьба возникала изъ чистаго источника. На сторонѣ антินิกейцевъ были лица подлиннаго православія.

А если такъ, то нельзя всѣхъ противниковъ Никейскаго символа называть безъ разбора *аріанствующими*, потому что это было бы непростительной исторической ошибкой и великой обидой для памяти восточныхъ отцовъ (с. 249). Впрочемъ у автора на подобное положеніе дѣла мы можемъ встрѣтить лишь намеки, которыхъ для насъ недостаточно ¹⁾. Скажемъ еще больше. У нашего автора приведено изображеніе состоянія церкви въ эпоху аріанскую, словами Василія Великаго. Но ужели печальное положеніе всей церкви могло быть обусловлено существованіемъ однихъ лишь интеллектуальныхъ причинъ? Конечно, нѣтъ. Напротивъ, причины двойственности въ отношеніи къ Никейскому символу нужно видѣть, не въ случайныхъ вліяніяхъ отдѣльныхъ лицъ (у еп. Іоанна); такъ и не одними только интеллектуальными условіями объяснять совокупность настроеній всей церкви“; они лежатъ гораздо глубже и могутъ быть сведены къ тремъ родамъ ихъ: 1) церковнымъ, 2) культурно-историческимъ и 3) политическимъ (Спасс. с. 243).

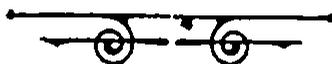
Но если къ символу Никейскому относились двойственно, то какъ къ самому собору? Уважался ли онъ, имѣлъ ли значеніе? На первую половину вопроса отвѣта у авторовъ нашихъ не находимъ, хотя естественность такого недоумѣнія и понятна. Объ этомъ уже говоритъ проф. А. Спасскій въ своей книгѣ. Онъ пишетъ: „будучи (реакціонеры) искренно убѣждены, что опредѣленія Никейскаго собора не соотвѣтствуютъ церковнымъ традиціямъ и ведутъ къ ложнымъ мыслямъ, они... не порицали собора; съ уваженіемъ относились къ нѣкоторымъ изъ его постановленій (248—9). Что же касается до второй половины, то наши авторы въ общемъ констатируютъ фактъ догматическаго развитія вѣроученія на соборѣ: то, что здѣсь формулировано въ соотвѣтствующихъ словахъ отношеніе Сына Божія къ Богу Отцу. Между тѣмъ, по словамъ проф. Терновскаго и Лебедева

¹⁾ Напр., на с. 57, при характеристикѣ полуаріанства, какъ близкаго къ православію; 100 стр.—гдѣ указываетъ что названныя имъ двѣ партіи нельзя строго разграничивать, такъ какъ почти вся церковь представляла подвижной, текущей элементъ и т. д.

(только въ другомъ произведеніи послѣдняго: „Духовенство древн. всел. церкви“... изд. 1905 г.), можно заключать о другомъ значеніи собора; о томъ, какъ идеи, которыми руководился соборъ, относились къ господствующимъ идеямъ современнаго ему общества. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь соборъ, дѣйствительно, есть—фокусъ своего рода, который, въ лицѣ своихъ членовъ, концентрируетъ свѣтовые лучи, идущіе съ разныхъ сторонъ изъ современной дѣйствительности и сводитъ ихъ къ извѣстному опредѣленному знаменателю. Вотъ у проф. Терновскаго и находимъ констатированіе развитія одной идеи, по адресу которой пришлось высказаться собору. Это—идея монашества. Трудность достигнуть спасенія, при установившихся обычныхъ условіяхъ жизни; куда также вели и историческіе прецеденты—все это, при желаніи достигнуть спасенія, выдвинули на первый планъ, превратили въ идеаль жизнь пустыинника, монаха (с. 66, 97). А, при такомъ вліяніи на народъ, (какъ бы продолжаетъ проф. Лебедевъ) монашество наводило на мысль: не необходимо ли въ цѣляхъ неразвлеченнаго служенія пастырей своему долгу—ввести безбрачіе, какъ условіе для вступленія въ духовное сословіе. Вопросъ этотъ началъ занимать собою умы въ восточной церкви. Обсуждался и на соборахъ Неокесарійскомъ и Анкирскомъ въ 314 г. и былъ предметомъ разсужденій на I вселенскомъ соборѣ. (Духов. с. 134). Какъ въ жизни, такъ и здѣсь нашлись защитники безбрачія. Но мудрость соборная, подъ вліяніемъ еп. Пафнута, не постановила никакого опредѣленія. Такимъ образомъ, Никейскій соборъ уравнивалъ права и брачныхъ и небрачныхъ священнослужителей и тѣмъ самымъ показалъ, что истинные Божіе служители могутъ быть всякаго состоянія, а не только монашествующіе. Взглядъ собора имѣлъ поэтому цѣль—умѣрить ошибочный пылъ людскихъ представленій и привести къ вѣрному и точному сознанію, что спасеніе возможно и въ мірѣ, а не ограничивается лишь родомъ людей, принадлежащихъ къ одной извѣстной категоріи.

Свяи. В. Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Іюля

№ 13

1912 года.

Содержаніе. Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Списокъ воспитанниковъ Куцянскаго духовнаго училища,—Отъ Правленія Куцянскаго духовнаго училища.—Отъ Совѣта Дергачевской второклассной учительской школы.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго книжнаго Комитета.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Списокъ воспитанницъ всѣхъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный на основаніи годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ сего 1911—1912-го учебнаго года.

Перваго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ:

1. Агнивцева Галина, Александрова Галина, Булгакова Зинаида—нагр. похв. лист., Бугуцкая Ольга; 5. Богдановская Лидія, Власовская Нина, Гаврашенко Екатерина, Гончаревская Марія, Гревизирская Антонина; 10. Грабовская Надежда, Жилевская Викторія, Заводовская Евгенія, Иванова Александра, Клименко Матрона; 15. Колесникова Неонилла, Краснопольская Анна, Коробкина Анастасія, Котлярова Екатерина—съ обяз. письм. домашн. работъ, Крыжановская Антонина—нагр. похв. лист.; 20. Лобковская Анна, Любарская Антонина—нагр. похв. лист., Любарская Елизавета—съ обяз. письм. домашн. работъ, Лысенко Наталія, Лядская Анна—нагр. похв. лист.; 25. Малиженовская Валентина, Макаровская Антонина, Мартынова Анна, Матвѣева Валентина, Мисенко Елена; 30. Могилянская Елена, Мухина Надежда—съ обяз. письм. домашн. работъ, Никулищева Анна, Попова Ирина, Попова Зоя; 35. Соколовская Надежда, Подольская Софія, Работягина Анна, Торанская Александра, Третьякова Любовь—съ обяз. письм. домашн. работъ; 40. Ушакова Ольга, Чугаева Ольга, Чудновская Ксенія, Филевская Валентина, Филиппова Евгенія; 45. Омина Людмила.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Зарѣцкая Дарія— по русскому

языку, Лихницкая Людмила—по ариѳметикѣ, Лукомская Марія—по ариѳметикѣ, Чиркина Антонина—по ариѳметикѣ.

в) 50. Мощенко Лидія, не державшей экзамена по ариѳметикѣ, вслѣдствіе болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

Перваго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ:

1. Александрова Елена, Богданова Елена, Бойкова Надежда, Браиловская Неонила; 5. Бѣликова Антонина, Васильковская Клавдія, Вербицкая Елена, Гончаревская Антонина, Горанна Татіана; 10. Ермолаева Людмила, Иваницкая Вѣра, Иваницкая Галина, Ильинская Александра, Квитковская Марія; 15. Киноронко Марія, Корнѣенко Марія, Крыжановская Александра, Лебедева Варвара, Линицкая Нина; 20. Любарская Зоя, Люминарская Александра, Мирожина Таисія, Навродская Анна, Новомірская Ольга; 25. Орлова Марія, Пантелеимонова Елена, Печкина Наталія, Пупенко Надежда—нагр. похв. лист., Попова Анастасія; 30. Сокальская Елена, Титова Анна, Туранская Александра, Фенева Клавдія, Филоненко Зинаида; 35. Хомутова Серафима, Яновская Зинаида, Ѳедорова Наталія.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если выдержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Ковалева Вѣра—по Закону Божію, Леонтовичъ Александра—по русскому языку—съ обяз. письм. домашн. работъ; 40. Попова Любовь—по русскому языку—съ обяз. письмен. домашн. работъ, Кочина Матрона—по русск. и церк.-слав. языку—съ обяз. письмен. домашн. работъ.

в) Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Люминарская Галина, Дюкова Марія, Шелестъ Наталія.

Перваго дополнительнаго класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ:

1. Андропова Неонила, Антоњева Валентина, Ахтырская Валентина, Богданова Ольга; 5. Бородаевская Анна (Евфим.), Бородаевская Анна (Иван.), Бугуцкая Анна, Буткова Анна, Васильковская Марія; 10. Вербицкая Наталія, Вицько Татіана, Горанна Софія, Гуляева Вѣра—съ обяз. письм. домашн. работъ, Доброницкая Евдокія; 15. Жадановская Анна, Жукова Анна, Збукарева Валентина, Капустина Марія, Краснокутская Александра; 20. Любарская Александра, Москалева Любовь, Навродская Анна—съ обяз. письм. до-

машн. работъ, Никитина Елена, Пантелеимонова Вѣра; 25. Петражицкая Марія, Приходькова Вѣра, Розенталь Марія, Спѣсивцева Антонина, Сулима Александра; 30. Топчѣва Ирина, Туранская Зинаида, Тюкова Валентина, Фенева Антонина, Черняева Софія—нагр. похв. лист., 35. Щепинская Александра, Юшкова Анна, Яновская Антонина—нагр. похв. лист., Ѳедорова Александра, Ѳедорова Валентина.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если выдержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: 40. Попова Олимпиада—по Закону Божію—съ обяз. письмен. домашн. работъ, Басманова Елена—по русскому языку и ариѳметикѣ—съ обяз. письм. дом. раб., Дегтяренко Александра—по русск. языку и ариѳм.—съ обяз. письм. домашн. раб., Щербакова Марія—по русск. яз. и ариѳм.—съ обяз. письм. домашн. работъ, Фенева Клавдія—по ариѳметикѣ, 45. Сѣнцова Александра—по ариѳметикѣ.

в) Оставляется въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по болѣзни и по прошенію родителей: Теренко Наталія, Туранская Наталія.

г) Уволена изъ училища по прошенію отца: Червонецкая Антонина.

Второго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ:

1. Бѣлоусъ Марія, Василевская Александра, Виноградова Аннеиса, Гончаревская Марія; 5. Дзюбанова Анна, Дикарева Валентина, Евѣимова Евгенія, Жукова Ольга, Збукарева Серафима—награжд. похв. лист.; Збукарева Неонилла, Зданевичъ Елена, Иванова Ольга, Ильинская Вѣра, Клячнова Анна; 15. Косьмина Антонина, Котлярова Надежда, Кулешова Варвара—нагр. похв. листомъ, Кротова Надежда, Лонгинова Неонилла—нагр. похв. лист.; 20. Лонгинова Анна, Лядская Марія (Павл.), Маяцкая Елена, Михайловская Александра, Мощенко Екатерина—нагр. похв. лист.; 25. Мураховская Антонина—съ обяз. письм. домашн. работъ, Мухина Анна, Наумова Анна—нагр. похв. лист., Павловская Анна, Попова Татьяна; 30. Потапова Ксенія, Прядкина Елена—съ обяз. письм. домашн. раб., Рыбалкина Елена, Салухина Александра, Семенова Серафима, 35. Сосунова Людмила, Сулима Юлія, Туранская Елена, Фальченко Анна, Щепинская Вѣра; 40. Щепинская Серафима, Браиловская Вѣра—нагр. похв. листомъ.

Б) Будутъ переведены въ третій классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Браиловская Анна—по русскому языку, Ермолаева Ольга—по ариѳметикѣ, Зайцева Лидія—по ариѳметикѣ; 45. Минченко Марія—по русскому языку, Якубовичъ Серефима—по ариѳметикѣ (съ обязат. письменныхъ домашнихъ работъ).

В) Имѣютъ право держать экзаменъ по всемъ предметамъ послѣ каникулъ, какъ не державшія таковыхъ по болѣзни: Клабинская Елизавета, Краснокутская Антонина.

Г) Оставляются во второмъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Ковалева Марія; 50. Лицатова Александра, Лядская Марія (Львов.), Найдовская Евгенія, Оржольская Марія.

Второго параллельнаго класса.

А) Удостоены перевода въ третій классъ:

1. Богачева Іуліанія—нагр. похв. лист., Вородаева Елена, Грешишкина Александра, Дзюбанова Инна; 5. Дикарева Татьяна, Капустина Евгенія, Капустина Ольга—съ обяз. письм. домашн. работъ, Ковалева Екатерина, Кочина Екатерина; 10. Кошлякова Галина, Крутьева Софія, Куницына Θεодосія, Куницына Евгенія, Лавровская Александра—наград. похв. листомъ; 15. Лазаревская Лидія, Николаевская Марія, Николаевская Александра—съ обяз. письмен. домашн. работъ, Новикова Александра, Платонова Анна—нагр. похв. листомъ; 20 Пономоренко Варвара, Романцова Марія, Руднева Зинаида, Руднева Софія, Рудниковская Зинаида; 25. Савченко Антонина, Смирнова Надежда, Сокальская Марія, Соколовская Серафима, Сукачева Вѣра; 30. Труфанова Елена—съ обяз. письм. домашн. работъ, Якубовичъ Марія, Яновская Гали, Щелоковская Елена, Щербина Ольга; 35. Флоринская Марія.

Б) Будутъ переведены въ третій классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Жуковская Екатерина—по русскому языку, Константинова Надежда—по ариѳметикѣ, Чаговцова Надежда—по ариѳметикѣ, Θεодоровская Неонилла—по ариѳметикѣ; 40. Θεодорова Нина—по ариѳметикѣ, Виницкая Марія—по ариѳметикѣ и Гражданской Исторіи, съ обязательствомъ письменныхъ домашнихъ работъ, Макаровская Вѣра—по русскому языку и ариѳметикѣ.

В) Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Андреева Аполлинарія, Бѣлоусова Антонина; 45, Лазаревская Александра, Мухина Елена, Николаевская Анисія.

Г) Оставляется на повторительный курсъ во второмъ классѣ по прошенію отца Горбунова Марія.

Второго дополнительнаго класса.

А) Удостоены перевода въ третій классъ:

1. Андреевская Анна, Бѣлоусова Лидія, Василевская Тамара, Васильковская Евгенія; 5. Ветухова Анна, Гончаревская Марія—нагр. похв. лист., Горбачевская Марія, Грекова Глафира, Гумилевская Вѣра—нагр. похв. лист.; 10. Дзюбанова Александра, Доброницкая Анна, Заводовская Марія, Капустина Валентина, Касьянова Анна, Ковалевская Татьяна. Лысенко Татьяна, Лядская Людмила, Новродская Ольга—съ обязательствомъ письменныхъ домашнихъ работъ, Николаевская Серафима; 20. Пантелеимонова Зинаида—награжд. похвальнымъ листомъ, Пантелеимонова Антонина, Пякратьева Фанна, Пивоварова Нина, Пономарева Надежда—съ обяз. письмен. дом. работъ; 25. Рубинская Анна, Руссовская Екатерина, Самойлова Валентина, Семейкина Александра, Смирнова Татьяна—нагр. похвальнымъ листомъ; 30. Смирнская Пелагія, Созонтьева Марія, Степурская Неонилла, Сѣнцова Маріамна, Флоринская Евфросинья; 35. Шокотова Валентина, Щепинская Надежда, Царевская Александра—съ обяз. письменныхъ домашнихъ работъ, Царевская Ангелина, Яхно Евгенія, Яхно Лидія, Θεодорова Наталія.

Будутъ переведены въ третій классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Бесѣда Зиновія—по ариѳметикѣ, Бородаева Надежда—по ариѳметикѣ, Грабовская Александра—по ариѳметикѣ (съ обяз. письм. домашн. работъ); 45. Кириллова Глафира—по ариѳметикѣ.

В) Оставляются на повторительный курсъ во второмъ классѣ по болѣзни и по прошеніямъ родителей: Закрицкая Зинаида, Иванова Юлія, Новродская Елена, Приходькова Марія.

Г) Оставляются во второмъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: 50. Склѣрова Евгенія, Труфанова Марія.

Д) Имѣеть право держать экзаменъ послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ, какъ недержавшая такового по недоимкѣ, Мартынова Елена.

Е) Увольняется изъ училища за долговременную неявку Сукачева Лидія.

Третьяго нормальнаго класса.

А) Удостоены перевода въ четвертый классъ: 1. Андреева Елена, Буткевичъ Марія, Васютина Александра—нагр. похвальнымъ

листомъ, Воскобойникова Надежда; 5. Гончаревская Лидія—нагр. похв. листомъ, Григоревичъ Евгенія, Грызодубова Неонилла—нагр. похв. листомъ, Жукова Александра—нагр. похв. листомъ, Иванова Надежда; 10. Ковалева Ольга, Касьянова Антонина, Козловская Александра, Косьмина Марія, Лебедева Любовь; 15. Макаровская Александра. Мильская Александра—нагр. похв. листомъ, Мирожина Елена, Могилянская Лидія, Молчанова Антонина; 20. Орлова Меланія, Попова Лидія—нагр. похв. листомъ, Попова Надежда, Попова Юліанія, Приходькова Нина; 25. Проскурникова Ангелина, Прокоповичъ Елена, Рубинская Марія, Стрѣльцова Евгенія—нагр. похв. листомъ, Стрижакова Евгенія; 30. Строевская Антонина, Теряева Надежда, Туранская Неонилла, Фенова Александра, Хомутова Елизавета—нагр. похв. листомъ; 30. Хоронкова Марѳа, Чиркина Валентина, Якубовичъ Александра, Яковская Зинаида, Фаворова Анастасія; 40. Фаворова Раиса, Федорова Наталія, Григоревичъ Марія, Базилевичъ Викторія.

Б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ кашикулъ: Вербицкая Марія—по арифметикѣ и сочиненію; 45. Кириллова Вѣра—по русскому языку.

В) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности Должанская Марія.

Третьяго параллельнаго класса.

А) Удостоены перевода въ четвертый классъ:

1. Антонова Марія—съ обяз. письм. дом. работъ, Бондаренко Зоя—нагр. похв. листомъ, Бутковская Екатерина, Власова Антонина; 5. Вышемірская Зинаида, Войтова Клавдія, Горбачевская Наталія, Горбунова Анна, Дюкова Елизавета—нагр. похв. листомъ; 10. Замятинна Софія, Иваницкая Зинаида, Капустина Александра, Кирше Антонина, Куницына Лидія; 15. Курская Алевтина, Кустовская Наталія, Леонтовичъ Дарія, Любарская Ольга, Любинская Лидія; 20. Мадокина Антонина, Мухина Клавдія, Попова Любовь, Рогальская Раиса—нагр. похв. листомъ, Розова Юлія, Синявина Марія, Троицкая Серафима, Труфонова Александра, Фенева Варвара, Чернявская Марія; 30. Шолоковская Пелагія, Ястремская Нина, Федорова Анна, Федоровская Марія, Фоменко Надежда; 35. Попова Зинаида, Черняева Юлія.

Б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Труфанова Анна—по

сочиненію, Андропова Зинаида— по русскому языку и сочиненію, Васильковская Θεодосія— по русскому языку и сочиненію; 40. Калужная Серафима— по русскому языку, Лукомская Вѣра— по русскому языку, Поморцева Татьяна— по русскому языку и сочиненію, Теряева Ольга— по русскому языку и сочиненію, Филоненко Евгенія— по русскому языку; 45. Шокотова Елена— по русскому языку и сочиненію, Фенева Александра— по русскому языку, ариметикѣ и сочиненію.

В) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности Геновская Марія.

Четвертаго нормального класса.

А) Удостоены перевода въ пятый классъ:

1. Браиловская Нина, Буткова Лариса, Виноградова Елена, Горайна Галина; 5. Данкеева Валентина, Дегтяренко Анна, Ермолаева Викторія, Жилина Евгенія, Закрицкая Ольга; 10. Капустина Галина, Коробкина Вѣра, Краснопольская Таисія, Лавденко Ольга, Левитская Александра; 15. Лысенко Евгенія, Макаровская Мавра— нагр. похв. листомъ, Мартынова Надежда, Мухина Марія, Мухина Вѣра; 20. Найдовская Олимпіада, Новикова Антонина, Орлова Екатерина— награждена похвальнымъ листомъ, Петровская Татьяна награжд. похвальнымъ листомъ, Пипенко Марія; 25. Попова Антонина, Протопопова Анна, Рубинская Марія, Семейкина Антонина, Смирнская Наталія; 30. Стесенко Любовь, Тугаринова Ольга, Филиппова Валентина, Царевская Ольга— нагр. похв. листомъ, Черкесова Надежда— нагр. похв. листомъ; 35. Чернявская Марія, Чиркина Любовь, Чугаева Людмила, Щелоковская Раиса— нагр. похв. листомъ, Якубовичъ Неовилла; 40. Ястремская Елена, Θεодоровская Викторія, Θεодоровская Антонина.

Б) Будетъ переведена въ пятый классъ, если выдержитъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ, Жуковская Вѣра— по словесности.

В) Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по прошенію отца Цанкратьева Лидія.

Четвертаго параллельнаго класса.

А) Удостоены перевода въ пятый классъ:

1. Агнивцева Александра, Вербицкая Вѣра, Воскобойникова Софія— нагр. похв. листомъ, Вышемирская Марія; 5. Гончаревская Татьяна, Грабовская Лидія, Дизенко Олимпіада, Домницкая Марія,

—нагр. похв. листомъ, Доценко Лидія—нагр. похв. листомъ; 10. Жебенева Марія, Жукова Елена, Завадовская Вѣра, Закрицкая Александра, Збукарева Екатерина; 15. Карпова Екатерина, Козьменко Антонина, Корнѣенко Иларія, Кошпакова Анна, Лавровская Софія—нагр. похв. листомъ; 20. Лазаревская Евфросинія, Лобунская Анна, Лукомская Анастасія, Мартынова Таисія—нагр. похв. листомъ, Минченко Ранса; 25. Мухина Марія, Навродская Марія, Пономарева Людмила, Пономарева Анастасія, Рубинская Александра; 30. Рубинская Марія, Санухина Татьяна, Соколовская Нина—нагр. похв. листомъ, Станиславская Лариса, Стефанова Евгенія; 35. Сукачева Галина—нагр. похв. листомъ, Титова Лариса, Третьякова Матрона, Тугаринова Варвара, Фальченко Елена; 40. Фенева Нина, Фенева Евдокія, Храмцова Александра, Царевская Елена, Шишкина Клавдія; 45. Ѳедорова Анастасія, Ѳоменко Вѣра.

Б) Будеть переведена въ пятый классъ, если выдержитъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ, Полтавцева Наталія—по словесности и сочиненію.

Пятаго нормальнаго класса.

А) Удостоены перевода въ шестой классъ:

1. Вашинская Зинаида—нагр. похв. лист., Браиловская Зинаида, Булдовская Зинаида, Васильева Мелетина; 5. Вертеловская Александра, Владыкова Зинаида, Войтова Евгенія, Грабовская Евгенія, Грызодубова Александра; 10. Жуковская Лидія, Загоровская Лидія—нагр. похв. лист., Збукарева Вѣра, Зданевичъ Таисія, Касьянова Ѳеодосія; 15. Кирше Елена, Корнѣенко Лидія, Кудрявцева Вѣра, Курганская Надежда, Лонгинова Лидія; 20. Лѣпская Софія, Муравовская Неонилла, Навродская Вѣра, Николаевская Анна, Павлова Лидія; 25. Пантелеимонова Серафима, Пантелеимонова Лидія, Пашкова Ксенія, Полтавцева Нина, Попова Пелагія; 30. Попова Варвара, Романова Александра, Рубинская Ѳеодосія, Самойлова Антонина, Слабинская Зинаида, 35. Соболева Галина, Соколовская Софія, Стефановская Марія, Тимоѳеева Наталія, Томашевская Вѣра, 40. Трипольская Елена—нагр. похв. листомъ, Филоненко Марія, Хомутова Анна—нагр. похв. лист., Чумаченко Наталія, Шелоковская Хіонія; 45. Ѳедорова Марія, Ѳедоровская Софія, Ѳедоровская Таисія.

Б) Будуть переведены въ шестой классъ, если выдержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Котлярова Елена, Насѣдкина Елена, 50. Червонецкая Евгенія, Черняева Валентина, Пивоварова Зинаида, Приходькова Любовь—всѣ по сочиненію, Квитковская Анна.

—по литературѣ и сочиненію; 55, Сукачева Марія—по исторіи и сочиненію.

В) Оставляется на повторительный курсъ въ пятомъ классѣ по малоуспѣшности Болибокова Евдокія.

Пятаго параллельнаго класса.

А) Удостоены перевода въ шестой классъ:

1. Андрееенкова Ольга, Антоновичъ Лидія, Багудцкая Ольга, Буткевичъ Елена; 5. Буткова Вѣра, Гревизирская Евгенія, Грекова Анна, Давидовская Нина, Дзюбанова Лидія; 10. Доценко Елена—нагр. похв. лист., Загоровская Зинаида, Иваницкая Раиса, Квитковская Наталія, Константинова Марія; 15. Косьмина Елена, Лазаревская Вѣра, Левитская Нина, Лысенко Евгенія, Любинская Елена; 20. Маслова Евлалія, Мигулина Татьяна, Мощенко Марія, Мухина Вѣра—нагр. похв. листомъ; 25. Назаревская Клавдія, Николаевская Евгенія—нагр. похв. листомъ, Николаевская Дарія, Павлова Клавдія, Рогальская Татіана; 30. Руднева Анна, Семейкина Анна, Стеллецкая Раиса, Татаринова Зинаида, Троицкая Наталія; 35. Чудновская Нина, Шебатинская Елена, Шелестъ Ольга, Яковлева Марія, Яновская Елена.

Б) Будетъ переведена въ шестой классъ, если выдержитъ экзаменъ послѣ каникулъ 40. Шебатинская Анастасія—по литературѣ.

В) Оставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по прошеніямъ родителей: Фомина Антонина, Розова Валентина.

Списокъ воспитанницъ 6-хъ классовъ, окончившихъ курсъ Училища, кои на основаніи § III Училищнаго Устава получили аттестаты.

а) Шестого нормальнаго класса.

1. Аксененко Пелагія, Андрееенкова Вѣра, Базилевичъ Елена, Будянская Елена; 5. Ветухова Елизавета, Гладкова Софія, Григоренко Марія, Дахнѣвская Юлія, Дзюбанова Евгенія; 10. Дикарева Марія, Жданова Евгенія, Жукова Марія, Заводовская Лидія, Ковалева Марія; 15. Кротова Любовь—нагр. книгою за отличн. успѣхи въ наукахъ и книгою за отличныя практ. занятія въ школѣ, Крыжановская Александра, Леонтовичъ Вѣра, Македонская Марія, Матвѣенко Анна; 20. Мураховская Марія, Мухина Валентина, Орлова Софія—нагр. книгою, Петрусенко Серафима, Понировская Надежда, 25. Попова Надежда, Рогальская Вѣра, Руднева Анна, Сулима Галина—нагр. книгою, Умырко-Запольская Ксенія; 30 Филевская Ольга,

Царевская Нина, Шебатинская Зинаида, Ястремская Надежда, Яхно Марія; 35. Федорова Лариса, Фомина Зинаида.

Б) Кириллова Зоя оставлена въ шестомъ классѣ на повторительный курсъ по болѣзни.

б) Шестого параллельнаго класса.

1. Бородаевская Екатерина, Буткова Анна—нагр. книгою, Быковцева Александра, Войтова Елена; 5. Гончаревская Антонина, Егорова Неонилла—нагр. книгою за отличн. успѣхи въ наукахъ и книгою за отличн. практич. занят. въ школѣ, Евфимова Неонилла—нагр. книгою, Знаменская Анна—нагр. книгою, Иванова Анна; 10. Ковалевская Надежда, Ковалева Раиса—нагр. книгою, Краснокутская Лидія—нагр. книг., Лонгинова Раиса,—нагр. книгою, Любарская Вѣра—нагр. книгою; 15. Малиженковская Анна—нагр. книгою, Мартынова Антонина, Мигулина Антонина, Молчанова Марія, Мураховская Александра; 20. Оранская Александра, Полницкая Таисія, Попова Дарія—нагр. книгою, Рубинская Дарія, Рыбалкина Параскева; 25. Салухина Ольга, Сахновская Анна, Свистунова Марія, Святогоорова Агнесса—нагр. книгою, Сокальская Ангелина; 30. Сокальская Валентина, Теренко Марія—нагр. книг., Торанская Ольга, Труфанова Ольга, Ушакова Александра; 35. Фенева Анна, Хомутова Антонина, Черняева Зинаида, Шепелевская Зинаида, Шишкина Вѣра; 40. Щербина Екатерина, Юношева Марія. Сукачева Антонина оставляется въ шестомъ классѣ на повторительный курсъ по болѣзни.

Списокъ воспитанницъ 7-го дополнительнаго педагогическаго класса, кои на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденаго „Положенія“ о сихъ классахъ получили свидѣтельства.

1. Александрова Лидія, Антоновская Елена, Бобровская Лидія—нагр. книгою, Богачева Марія—нагр. книгою; 5. Бѣлогорская Нина—нагр. книгою, Василевская Евгенія, Знаменская Елена—нагр. книгою, Ильинская Лидія, Касьянова Александра; 10. Касьянова Матрона—нагр. книгою, Касьянова Ольга, Косьмина Анна, Лядская Анна—нагр. книгою, Лядская Марія; 15. Могиланская Валентина, Мухина Нина—нагр. книгою, Николаевичъ Нина, Попова Валентина, Самойлова Софія; 20. Торанская Елена—нагр. книгою за отличн. успѣхи въ наукахъ и книгою—за отл. практ. занятія въ школѣ, Торанская Анна, Троянова Евгенія, Туранская Антонина, Туранская Татьяна; 25. Черняева Елизавета, Черняева Зинаида, Чиркина Марія,

Шошина Нина—нагр. книгою, Щербина Ольга—нагр. книгою; 30. Яновская Ангелина—нагр. книгою, Ястремская Антонина—нагр. книгою, Ястремская Елена.

Пантелеимонова Евдокія, не державшая экзамена по болѣзни, имѣеть право держать таковой послѣ каникулъ.

Переэкзаменовки имѣють быть произведены 27 и 28-го августа с. г., пріемные экзамены въ первый и другіе классы—31 августа и 1-го сентября, а начало учебныхъ занятій—3-го сентября.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный въ Собраніи Правленія училища 8-го іюня 1912-го года за 1911—1912-й учебный годъ.

Ученики 4-го класса, окончившіе полный курсъ ученія и признанные достойными перевода въ 1-й классъ Духовной Семинаріи.

Разрядъ 1-й. 1. Соловьевъ Сергій, Сокальскій Владиміръ, Насѣдкинъ Георгій—съ награжденіемъ книгами, Симанцевъ Борисъ.

Разрядъ 2-й. 5. Любарскій Николай, Бѣликовъ Петръ, Приходинъ Иванъ, Флоринскій Владиміръ, Яковлевъ Николай; 10. Климентовъ Θεодосій, Мураховскій Иванъ, Дикаревъ Иванъ, Новомірскій Кирилль, Чернявскій Александръ; 15. Корнильевъ Александръ, Поповъ Иванъ, Дзюбановъ Николай, Царевскій Константинъ.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Дюковъ Константинъ—по греческому языку.

Разрядъ 3-й. 20. Самойловъ Николай—по русскому языку, письменному и греческому языку, Македонскій Борисъ—по греческому языку и ариметикѣ, Яблоновскій Сергій—по русскому языку устному и письменному, Грабовскій Николай—по русскому языку письменному и греческому языку, Туранскій Николай—по русскому языку устному и греческому языку; 25. Фесенко Петръ—по греческому языку и ариметикѣ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Кашковъ Григорій—по малоуспѣшности, Лядскій Василій, Спѣсивцевъ Александръ—по прошенію родителей.

Увольняется изъ училища Якубовичъ Василій—по прошенію отца.

Ученики 3-го класса назначаются къ переводу въ 4-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Протопоновъ Александръ, Венедиктовъ Петръ—съ награжд. книгами, Быковцевъ Константинъ, Панкратьевъ Борисъ.

Разрядъ 2-й. 5. Лядскій Михаилъ, Лисенко Петръ, Цебенко-Владиміръ, Чалый Александръ, Лядскій Андрей; 10. Лисенко Иванъ, Сокальскій Александръ, Лядскій Георгій 2-й, Поповъ Яковъ, Самойловъ Михаилъ; 15. Жуковскій Ивaпъ, Юношевъ Владиміръ, Черняевъ Николай, Поповъ Александръ.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Рудневъ. Петръ—по церковному пѣнію; 20. Макаровскій Александръ и Кириченко Глѣбъ—по ариѳметикѣ, Щелоковскій Георгій, Лядскій Александръ и Базилевичъ Платонъ—по русскому языку устному и письменному.

Разрядъ 3-й. 25. Куленовъ Антоній—по ариѳметикѣ и церковному пѣнію, Лядскій Георгій 1-й—по греческому языку и ариѳметикѣ.

Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: Дюковъ Василій, Жадановскій Николай, Македонскій Сергій; 30. Полтавцевъ Иванъ—по прошенію родителей, Торлецкій Леонидъ—по малоуспѣшности.

Увольняется изъ училища Добровольскій Василій—по малоуспѣшности.

Ученики 2-го класса назначаются къ переводу въ 3-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Поповъ Владиміръ, Базилевичъ Григорій, Сильванскій Николай, Панкратьевъ Александръ; 5. Жилевскій Вячеславъ—съ награжденіемъ книгами, Навродскій Иванъ, Лукашевъ Леонидъ, Ложечкинъ Николай, Васютинъ Сергій; 10. Соловьевъ Аркадій, Мирожинъ Евгеній, Литовка Николай.

Разрядъ 2-й. Егоровъ Леонидъ, Бутковъ Александръ; 15. Жуковъ Павелъ, Сѣнцовъ Семень, Шипловъ Алексѣй, Гончаревскій Иванъ, Котляревскій Тихонъ; 20. Павловъ Алексѣй, Войтовъ Николай, Торанскій Владиміръ, Поповъ Павелъ, Базилевичъ Михаилъ; 25. Пономаревъ Григорій, Черняевъ Иванъ, Зарѣцкій Иванъ, Котляревскій Михаилъ.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Жуковъ Иванъ—по русскому языку письменному; 30. Мокогонъ Александръ, Рогальскій Александръ, Соколовъ Иванъ—по ариѳметикѣ, Филиппенко Павелъ, Кустовскій Евгеній—по русскому языку устному и письменному.

Оставляется въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ 35. Ястремскій Димитрій—по малоуспѣшности.

Ученики 1-го класса назначаются къ переводу
во 2-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Орловъ Сергій— съ награжденіемъ книгою, Черняевъ Сергій, Венедиктовъ Леонидъ, Царевскій Сергій; 5. Столяревскій Иванъ, Роменскій Валентъ.

Разрядъ 2-й. Мальченко Петръ, Щелоковскій Александръ, Филевскій Петръ; 10. Мухинъ Петръ, Романовъ Евгений, Спѣсивцевъ Иванъ, Ветуховъ Павелъ, Стефановскій Петръ; 15. Добровольскій Иванъ, Храмцовъ Алексѣй, Горбачевскій Викторъ, Толоконниковъ Сергій, Рѣзняченко Борисъ; 20. Стрижаковъ Семень, Борисенко Михаилъ.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Евфимовъ Алексѣй, Лонгиновъ Петръ, Мураховскій Николай; 25. Мигулинъ Николай— по русскому языку, Пипенко Григорій— по Священной Исторіи.

Разрядъ 3-й: Самойловъ Владиміръ— по русскому языку и ариметикѣ, Пантелеймоновъ Николай— по географіи и церковному пѣнію, Якубовичъ Иванъ; 30. Торанскій Михаилъ— по ариметикѣ и географіи, Ѳедоровскій Александръ— по Священной Исторіи и русскому языку.

Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: Бѣлоусовъ Сергій— по прошенію отца, Николаевичъ Аркадій, Рубинскій Илія— по малоуспѣшности.

Предоставляется право держать экзамень по всѣмъ предметамъ послѣ лѣтнихъ каникулъ 35. Новикову Ѳедору.

Ученики приготовит. класса назначаются къ переводу
въ 1-й классъ.

Разрядъ 1-й: 1. Лядскій Димитрій, Гречишкинъ Павелъ— съ награжденіемъ книгами, Любицкій Владиміръ, Васютинъ Константинъ; 5. Грабовскій Димитрій, Бѣликовъ Павелъ, Феневъ Борисъ, Гавриловъ Зотикъ, Луговской Александръ.

Разрядъ 2-й: 10. Буткевичъ Георгій, Самойловъ Димитрій, Лядскій Михаилъ, Капустинъ Владиміръ, Погорѣловъ Александръ; 15. Жуковскій Николай, Стрижаковъ Николай, Диденко Петръ, Филевскій Николай, Поповъ Ѳедоръ; 20. Пупенко Николай, Корнильевъ Алексѣй, Поповъ Владиміръ, Нарожный Николай, Оржельскій Ѳедоръ; 25, Мухинъ Алексѣй, Чернявскій Стефанъ, Келебердинскій Леонидъ, Рудневъ Михаилъ, Власовскій Ѳеодосій; 30. Капыловъ

Филиппъ, Спѣсивцевъ Николай, Ковалевскій Григорій, Замятинъ Евгеній, Бутковъ Борисъ; 35. Красовскій Николай, Самойловъ Петръ.

Подвергаются экзамену послѣ лѣтнихъ каникулъ: Приходинъ Андрей, Бутковъ Александръ, Дюковъ Николай—по русскому языку (чтенію и письму); 40. Лонгиновъ Николай—по русскому языку письменному, Быковцевъ Леонидъ—по русскому языку.

Разрядъ 3-й. Якубовичъ Григорій—по русскому языку письменному и ариѳметикѣ, Бутковъ Павелъ—по русскому языку устному и письменному и славянскому чтенію, Поповъ Гавріиль; 45. Мухинъ Димитрій—по русскому языку устному и письменному и ариѳметикѣ.

Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: Любарскій Димитрій, Климентовъ Ѳедоръ—по малоуспѣшности.

Смотритель училища Пв. Григоровичъ.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

I.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что переэкзаменовки, послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ настоящемъ году, ученикамъ Купянскаго духовнаго училища и пріемныя испытанія для вновь поступающихъ въ училище назначены въ слѣдующемъ порядкѣ: августа 18-го ученикамъ 4-го класса; августа 20-го ученикамъ 3-го класса и пріемъ поступающихъ вновь въ 4-й классъ; августа 22-го ученикамъ 2-го класса и пріемъ поступающихъ вновь въ 3-й классъ; августа 24 и 25-го ученикамъ 1-го класса и пріемъ поступающихъ вновь въ 1-й и приготовительный классы.

II.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ: а) Учебныя занятія въ наступающемъ 1912--1913-мъ учебномъ году, во всѣхъ классахъ училища, начнутся съ 1-го сентября, а учащіеся должны быть представляемы въ училище къ 31-му августа. б) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за право ученія впередъ за весь учебный годъ, въ количествѣ 60 р. и 90 руб. за полгода за содержаніе въ училищѣ. в) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокштное или полукоштное училищное содержаніе, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15-го августа, съ приложеніемъ благотинническаго удостовѣренія о своей бѣдности, по формѣ

г) Всѣ воспитанники духовнаго званія, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода по 50 руб., а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 25 р. въ Правленіе училища за спальныя принадлежности.

Ш.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища, согласно журнальному постановленію, доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій Съѣзда духовенства, имѣющаго быть 18-го сентября 1912-го года, назначаются слѣдующіе предметы: а) Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго Съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ. б) Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1913-мъ году, и дополнительной смѣты расхода на текущій 1912-й годъ. в) Разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1911-й годъ. г) Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа за 1911-й годъ, а также журналовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета. д) Избраніе членовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1913-й годъ. е) Сужденіе объ оставленіи при училищѣ приготовительнаго класса. ж) Другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію предстоящаго Съѣзда духовенства.

Смотритель училища Ив. Григоровичъ.

Отъ Совѣта Дергачевской второклассной школы.

Пріемныя испытанія въ IV дополнительный учительско-псаломщицкій классъ (курсы) имѣютъ быть 12 и 13 Сентября. Къ испытаніямъ допускаются юноши не моложе 17 л., окончившіе курсъ второклассныхъ школъ и подходящихъ къ онимъ по программѣ другяхъ учебныхъ заведеній. При чемъ дано будетъ преимущество лицамъ, обладающимъ голосомъ и слухомъ.

Завѣдующій школой, Священникъ І. Кудрявцевъ.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета.

„Харьковскій Епархіальный Книжный Комитетъ симъ объявляетъ, что въ книжной лавкѣ при Харьковскомъ Каѳедральномъ

Соборѣ вновь получены для продажи учебники для церковно-приходскихъ школъ, а также брошюры и книги религіозно-правственнаго и миссіонерскаго содержанія и богослужебныя книги“.

Предсѣдатель Комитета, *Протоіерей Леонидъ Твердохлѣбовъ*.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Студентъ Харьковской Духовной Семінаріи *Александръ Емельяненко* 29 іюня опредѣленъ на священническое мѣсто при Тихоновской церкви сл. Ницихи, Ахтырскаго у.

б) Безмѣстный священникъ *Антоній Краснокутскій* 29 іюня опредѣленъ на священническое мѣсто при Трехсвятительской церкви с. Лутищъ, Ахтырскаго у.

в) Учитель церковно-приходской школы *Іванъ Тельный* 27 іюня опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Успенской церкви сл. Сватовой Лучки, Купянскаго у.

г) Крестьянинъ *Емельянъ Гончаровъ* 27 іюня опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви с. Поповки, Купянскаго у.

д) Крестьянинъ *Андрей Зеленскій* 27 іюня назначенъ временно исп. об. псаломщика при Казанской церкви сл. Басовки, Сумскаго уѣзда.

е) Крестьянинъ *Кодратъ Голубцовъ* 26 іюня опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Богородичной церкви с. Кочина, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Безмѣстный діаконъ-псаломщикъ *Георгій Петровъ* 26 іюня опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Свято-Духовской церкви сл. Ново-Осиновой, Купянскаго у.

з) Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семінаріи *Теодоръ Томашевскій* 1 іюля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Соборно-Покровской церкви г. Старобѣльска.

и) Крестьянинъ *Теодоръ Груша* 4 іюля назначенъ временно исп. об. псаломщика при Георгіевской церкви г. Валокъ.

і) Безмѣстный псаломщикъ *Евфимій Бородаевскій* 6 іюля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Тихоновской церкви слоб. Сидоренково, Валковскаго у.

к) Сынъ діакона *Іванъ Тенетка* 4 іюля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви сл. Любовки, Богодуховскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Трехсвятительской церкви сл. Лутищъ, Ахтырскаго уѣзда, *Симеонъ Чижко*, согласно его прошенію, 29 іюля перемѣщенъ на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго у.

б) Священникъ Всѣхсвятской церкви с. Залиманья, Изюмскаго уѣзда, *Іоаннъ Дикаревъ*, 5 іюля перемѣщенъ на священническое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви с. Крыгской, Старобѣльскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви сл. Поповка, Купянскаго уѣзда, *Петръ Зарьзенко*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ.

б) Псаломщикъ Свято-Духовской церкви с. Ново-Осиновой, Купянскаго уѣзда, *Константинъ Морейко*, согласно его прошенію, 26 іюня уволенъ за штатъ.

в) Священникъ Іоанно-Богословской церкви сл. Крыгской, Старобѣльскаго уѣзда, *Николай Пантелеймоновъ*, согласно его прошенію, 5 іюля уволенъ за штатъ.

4) О смерти духовенства.

а) Псаломщикъ Тихоновской церкви сл. Сидоренково, Валковскаго уѣзда, *Евфимій Бычекъ* 17 іюня умеръ.

б) Псаломщикъ Успенской церкви с. Сватовой Лучки, Купянскаго у., *Николай Войтовъ* 16 іюня умеръ.

в) Псаломщикъ Георгіевской церкви г. Валокъ *Іоаннъ Федоровскій* 27 іюня умеръ.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Въ церкви сл. Татарки, Харьковскаго уѣзда, старостою 24 іюня утвержденъ крестьянинъ *Петръ Купецъ*.

б) Къ Покровской церкви сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, 26 іюня старостою утвержденъ крестьянинъ *Димитрій Ковтунъ*.

в) Къ церкви сл. Протопоповки, Лебединскаго уѣзда, старостою 26 іюня утвержденъ крестьянинъ *Іоаннъ Гуйда*.

г) Къ церкви с. Бишкина, Лебединскаго уѣзда, старостою 26 іюня утвержденъ крестьянинъ *Климентъ Блоха*.

д) Къ церкви с. Николаевки, Сумского уѣзда, старостою 26 іюня утверждень крестьянинъ *Василій Стуренко*.

е) Къ церкви с. Двурѣчнаго Кута, Харьковскаго уѣзда, старостою 26 іюня утверждень крестьянинъ *Петръ Харченко*.

ж) Къ церкви с. Нижней Дуванки, Купянскаго у., старостою 26 іюня утверждень крестьянинъ *Петръ Евдокіенко*.

з) Къ соборно-Троицкой церкви г. Зміева старостою 26 іюня утверждень надв. сов. *Игнатій Стефановъ*.

и) Къ Рождество-Богородичной церкви г. Чугуева старостою 26 іюня утверждень крестьянинъ *Григорій Оолинъ*.

і) Къ церкви с. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, старостою 26 іюня утверждень крестьянинъ *Михаилъ Шульцъ*.

к) Къ церкви с. Трѣмбачева, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 26 іюня утверждень крестьянинъ *Іоаннъ Бѣловодскій*.

л) Къ церкви с. Долгенькаго, Изюмскаго уѣзда, старостою утверждень 26 іюня крестьянинъ *Алексій Буковскій*.

м) Къ церкви с. Ново-Николаевки, Купянскаго у., старостою утверждень 26 іюня крестьянинъ *Димитрій Лебедь*.

н) Къ церкви с. Рѣчекъ, Сумского уѣзда, старостою 27 іюня утверждень *Іаковъ Дядя*.

о) Къ церкви с. Княжного, Валковскаго уѣзда, 27 іюня старостою утверждень крестьянинъ *Потанъ Мотыкъ*.

п) Къ церкви с. Кочетка, Зміевского уѣзда, старостою 29 іюня утверждень крестьянинъ *Алексій Чепенко*.

р) Къ церкви с. Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда, старостою 2 іюля утверждень крестьянинъ *Евстафій Котолупъ*.

6) О присоединеніи къ православію.

Окончившій Императорскій Харьковскій Университетъ *Евремъ Ямайкинъ*, изъ іудейскаго исповѣданія, протоіереемъ Благовѣщенской церкви гор. Харькова Петромъ Ѳоминымъ присоединенъ къ православію.

7) Вакантныя мѣста.

а) Священническія:

При Іоанно-Богословской ц. Харьк. Дух. Семинаріи.

„ Воскресенской ц. с. Залиманья, Изюмс. у.

II.

Содержаніе. Время пророка Іліи и наше время. (Слово). *Священ. П. Курскаго.* — Миссіонерскій листокъ. Расколъ старообрядчества въ селѣ Дементѣевкѣ, Харьковскаго уѣзда. *Свящ.-Мис. С. Холопова.* — Епархіальная хроника. Освященіе храма въ селѣ Большой-Бабкѣ, Харьковской губ. — Годичный актъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Иноепархіальный отдѣлъ. Съѣздъ настоятелей и настоятельница монастырей. — На выборахъ церковнаго старосты. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. — Объявленія.

ВРЕМЯ ПРОРОКА ІЛІИ И НАШЕ ВРЕМЯ.

(СЛОВО).

„Безъ вѣры невозможно угодить Богу“ (Евр. 11, 6).

Мрачное было то время, когда жилъ св. пророкъ Ілія. Богоизбранный народъ Израильскій, окруженный язычниками, забылъ Бога истиннаго, прельстился обычаями ино-вѣрцевъ и на алтаряхъ идольскихъ Ваала, Астарты и друг. не только воскурялъ еиміамъ, но и приносилъ въ жертву малыхъ дѣтей своихъ. Самъ нечестивый царь Израильскій Ахавъ съ женою своею Іезавелью были ярыми идолопоклонниками и примѣромъ своимъ еще болѣе увлекали подданныхъ на путь нечестія.

И вотъ среди общей развращенности, предводимой съ высоты царскаго трона, какъ яркій солнечный лучъ между черныхъ тучъ, является строгій и пламенный ревнитель вѣры и благочестія—св. Тесвитянинъ Ілія.

Это былъ славный пророкъ и великій чудотворецъ, низводившій огонь съ неба и воскрешавшій мертвыхъ, крѣпкій молитвенникъ къ Богу и строгій постникъ; за что еще при жизни его падали предъ нимъ на землю въ знакъ особеннаго почтенія и благоговѣнія къ нему (3 Царствъ 18, 7); за что и св. Церковь величаетъ его „ангеломъ во плоти, основаніемъ пророковъ и вторымъ предтечею Христовымъ, предтечею славнаго пришествія Его“ (Троп. пр. Іліи).

„Св. Ілія—ангелъ земной и челоуѣкъ небесный, ходившій по землѣ и управлявшій небесною колесницею; онъ былъ простецъ и мудрецъ, бѣденъ и богатъ: бѣденъ потому, что

ничего не приобрѣталъ, богатъ потому, что въ устахъ своихъ содержалъ дождевыя облака“ (Злат. т. 2-й, стр. 776-я).

Горя любовію къ Богу и ревностію по вѣрѣ, св. пророкъ Ілія является къ Ахаву и за нечестіе и измѣну вѣрѣ предсказываетъ бездождіе и засуху въ теченіи 3 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ.

И что же? Предсказаніе исполнилось. Настала страшная, мучительная засуха. Солнце съ утра до вечера ежедневно палило своими необыкновенно горячими лучами, и ни одна капля дождя и даже почной росы не оживляли засохшей, окаменѣлой земли. Завяли цвѣты и растенія, обнажилась деревья въ лѣсахъ и садахъ, гибли въ полѣ сѣмена земледѣльца; пересохли ручьи и рѣчки, опустѣли колодцы и всѣ водные источники. Явился голодъ, народъ умиралъ... И бѣдствіе страшное объяло вдругъ всю землю, и былъ плачъ дѣтей, рыданіе матерей и великое отчаяніе...

Прошло 3½ года. На Кармильской горѣ св. Ілія посрамляетъ жрецовъ Ваала и низведеніемъ съ неба огня на жертву свою доказываетъ предъ царемъ и народомъ, что не Вааль, не Астарта, а Богъ, Которому онъ служитъ, есть истинный Богъ.

Народъ раскаялся и обратился съ горячею молитвою къ Господу Богу.

И покаянный вопль, молитвенное рыданіе, и болѣзненный стонъ народа Израильскаго дошли до престола Небеснаго Владыки, и Милосердный Господь сжалился надъ „жестоковымъ“ народомъ Своимъ ради тѣхъ 7000 праведниковъ, которые еще не преклонили колѣнъ своихъ предъ Вааломъ.

Помолился св. Ілія, и пошелъ обильный дождь, и все ожило, зазеленѣло въ умиравшей было природѣ.

Такъ былъ нѣкогда тяжело наказанъ народъ Израильскій за измѣну вѣрѣ святой и помилованъ за раскаяніе, а пророкъ великій Ілія вскорѣ послѣ того за ревность по вѣрѣ и безграничную преданность Богу былъ взятъ живымъ на небо на огненной колесницѣ.

Таково было печальное время славнаго пророка Іліи, но не лучше и наше время.

Не видимъ ли мы, братіе, и теперь подобнаго тому, что было при св. пророкѣ Іліи, не видимъ ли того отчужденія

отъ Бога, которое такъ пламенно обличалъ великій пророкъ, не видимъ ли, какъ широкими и мутными потоками разливаются по нашему отечеству невѣріе, маловѣріе и сектантство.

Но, братіе, невѣріе есть признакъ безумія. Не мы, но Слово Божіе называетъ людей невѣрующихъ безумцами. „Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Псал. 13, 1). Только безумецъ можетъ быть невѣромъ.

Еще древній ученый Плутархъ говорилъ: „Обойдите всю землю, и вы увидите много во всемъ различій: вы увидите селенія, гдѣ нѣтъ никакихъ законовъ, увидите людей, которые не знаютъ что такое деньги; встрѣтите города безъ укрѣпленій и цѣлыя племена, не имѣющія жилища, но нигдѣ вы не встрѣтите страны или народа, среди котораго не строились бы алтари и жертвенники, не сожигались бы жертвы, и не возносились бы молитвы Богу“.

Другой ученый знаменитый астрономъ К. Фламаріонъ въ заключеніи своей книги „Богъ въ природѣ“ восклицаетъ: „О, Невѣдомое, Великое и Непостижимое Существо! Кто же и что такое Ты, если дѣла Твои столь велики?—и какое имя дать тѣмъ, кто отрицается Тебя, кто не живетъ мыслию о Тебѣ, кто никогда не чувствовалъ Твоего присутствія, Отецъ всей природы!“

Но имя имъ уже дано богодухновеннымъ пророкомъ: „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Пс. 13, 1). Они—безумцы...

А о маловѣріи или теплохладности въ вѣрѣ такъ говоритъ Тайнозритель Іоаннъ: „знаю твои дѣла: ты не холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“ (Апок. 3, 15 и 16).

Но не такъ смущаютъ насъ невѣріе и маловѣріе, какъ обуреваютъ сектантство. И если безбожіе—признакъ безумія, то увлеченіе сектантскимъ лжеученіемъ есть заблужденіе ума человѣческаго.

Истина одна—Христосъ и Его Божественное ученіе—св. вѣра православная, а заблужденій много: свыше 60-ти сектъ и до 80-ти раскольническихъ толковъ въ одной только нашей Россіи. Горькое положеніе!

Возлюбленные братья и сестры о Христвѣ! Что же вамъ

дѣлать? Бодрствуйте, крѣпко держитесь ученія своей Православной вѣры (1 Кор. 16, 13) и своего исповѣданія (Евр. 4, 14), объединитесь, сплотитесь въ миссіонерскихъ кружкахъ для изученія Слова Божія, и, вооружившись мечемъ духовнымъ, смѣло идите на враговъ нашего спасенія и отражайте ихъ заблужденія, но не увлекайтесь ихъ ложнымъ ученіемъ (Евр. 13, 9) и не довѣряйтесь сектантскимъ лжеучителямъ (1 Іоан. 4, 1). Помните наставленіе Господа І. Христа: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть хищныя волки“ (Мѡ. 7, 15). Не забывайте и повелѣнія св. ап. Павла: „еретика человѣка отрицайся“ (Тит. 3, 10).

Вы, не преклонившіе еще колѣнъ своихъ предъ Вааломъ невѣрія, маловѣрія и сектантства! Пламенѣйте горячею вѣрою въ Господа Бога и стяжите ревность по вѣрѣ, ревность Иліину!

Пусть вѣра пламенная, какъ яркая звѣзда на голубомъ небосклонѣ, озаряетъ вашъ жизненный путь! Пусть добродѣтели великаго ревнителя вѣры св. пророка Іліи, какъ прекрасныя розы и нѣжныя цвѣты, благоухаютъ въ нашей жизни христіанской! Не раздѣленія, не секты и раздоры, а миръ желанный, церковный миръ, какъ утренняя заря, пусть сіяетъ надъ русской землей! Пусть ангелъ мира тихо летаетъ надъ нами и всѣхъ насъ приводитъ ко Христу!

А Христось?.. Онъ стоитъ и стучитъ въ двери сердець нашихъ. Неужели не откроемъ мы ихъ?—Онъ, Милосердый, простираетъ къ намъ грѣшнымъ пречистыя руки Свои, и, какъ Пастырь добрый, призываетъ къ себѣ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Мѡ. 11, 28).

О, не дай намъ, Господи, жить въ забвеніи о Тебѣ! Нѣтъ... и въ скорби и въ радости и среди трудовъ и среди отдыха первая мысль наша пусть будетъ о Тебѣ! Счастье тамъ, гдѣ Ты!..

Безъ Тебя все ничтожно, пусто, все мертво, все холодно!.. Ты одинъ и свѣтъ, и радость, и жизнь!..

Тебѣ слава и держава во вѣки. Аминь.

Священникъ Павелъ Курской.

МИССИОНЕРСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Расколъ старообрядчества въ селѣ Дементѣвкѣ, Харьковскаго у.

Село Дементѣвка, Харьковскаго у., расположено въ 6 верстахъ отъ полустанка „Слатино“ Юж. жел. дор. Населеніе его состоитъ исключительно изъ крестьянъ малороссовъ, занимающихся земледѣліемъ, но есть много изъ крестьянъ такихъ лицъ, которые живутъ и служатъ на желѣз. дорогѣ въ Харьковѣ, Дергачахъ и Казачьей Лопани.

Почти все населеніе села состоитъ по вѣроисповѣданію изъ православныхъ, но, къ сожалѣнію, есть и раскольники-безпоповцы поморскаго толка, неизвѣстно съ какого времени здѣсь поселившіеся.

До 1905 года раскольниковъ было всего только до 20 душъ обоюго пола, которые по своей малочисленности жили совершенно почти незамѣтными среди массы православныхъ, но, къ глубокому прискорбію, когда былъ объявленъ указъ 17-го апрѣля 1905 г., возвѣщавшій свободу религіозной вѣротерпимости, плоды этой пресловутой свободы сразу же дали себя чувствовать между здѣшними раскольниками, которые количествомъ стали увеличиваться по слѣдующей причинѣ. При мѣстномъ храмѣ служилъ сторожемъ мѣстный крестьянинъ Семенъ Александровъ Сухина—человѣкъ порядочно грамотный, знающій хорошо церковное чтеніе и пѣніе, почему иногда, за отсутствіемъ псаломщика, онъ вполнѣ его замѣнялъ и, однимъ словомъ, по своему развитію среди крестьянъ былъ въ числѣ первыхъ лицъ. Сухина почти каждый базаръ любилъ ѣздить въ Казачью Лопань и Харьковъ, гдѣ онъ сталкивался съ раскольниками и, какъ человѣкъ любящій говорить о религіозныхъ предметахъ, сразу же обратилъ на себя вниманіе наставника Казачье-Лопанской молельни, который въ лицѣ Сухина увидѣлъ вполнѣ благопріятную почву для пропаганды раскола и при первой же возможности затащилъ его въ молельню послушать богослуженіе и, конечно, съ помощію своихъ приспѣшниковъ, сумѣлъ повлѣять на Сухина, который, какъ неискусный въ вѣрѣ, по своей довѣрчивости, недолго думая рѣшился перейти въ расколъ.

Нужно замѣтить, что въ это время въ Дементѣевкѣ долгое время не было священника, почему никакихъ мѣръ къ воздѣйствию на Сухина принято не было. Перейдя въ расколъ, Сухина сразу же сдѣлался злѣйшимъ врагомъ св. церкви и сталъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно болѣе совратить православныхъ въ расколъ, что ему на первыхъ порахъ дѣйствительно удалось: онъ совратилъ свою жену и дѣтей, затѣмъ родного брата и еще 2 лица изъ числа своихъ близкихъ сосѣдей. Не довольствуясь своею пропагандою въ Дементѣевкѣ, Сухина перенесъ ее въ сосѣдній хуторъ Прудянку, гдѣ едва не увлекъ въ расколъ 2-хъ крестьянъ самыхъ религіозныхъ, и только благодаря принятымъ миссіонерскимъ мѣрамъ попытка его не осуществилась на самомъ дѣлѣ.

Въ 1908 году, когда я случайно узналъ, что въ Дементѣевкѣ есть раскольники, поѣхалъ туда, чтобы произвести бесѣду съ ними, и вотъ первая моя бесѣда состоялась въ домѣ мѣстнаго священника о. Гавріила Сукачева, но, къ сожалѣнію, Сухина въ это время не было дома, онъ находился гдѣ-то въ отлучкѣ; но бесѣда все-таки прошла успѣшно, такъ какъ на ней присутствовало до 10 человѣкъ раскольниковъ, въ числѣ коихъ были старики и старухи. Раскольники поразили меня своимъ невѣжествомъ,—они не знали даже, къ какому толку раскола они принадлежатъ и что значить вообще расколъ.

Съ тѣхъ поръ, вотъ уже въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, я сталъ энергично посѣщать Дементѣевку съ миссіонерскою цѣлью, бесѣдуя публично и частно какъ съ Сухинымъ, такъ и съ другими раскольниками, и, благодаря этимъ бесѣдамъ, Сухинъ съ своею дѣятельностію ко вреду православія совершенно остылъ и совращенія въ расколъ прекратились. Всѣ бесѣды, бывшія въ Дементѣевкѣ съ раскольниками, православные слушали съ большимъ интересомъ, но особый интересъ представляла собою моя бесѣда, произведенная съ Сухинымъ въ мѣстномъ храмѣ 8-го апрѣля текущаго 1912 года.

На мой вопросъ: „на время или навѣчно Христосъ учредилъ въ церкви трехчинную іерархію“? Сухинъ долго читалъ не относящуюся къ дѣлу брошюру раскольническаго сочиненія и долго путался въ словахъ, не зная, что отвѣ-

титъ на мой вопросъ. Онъ говорилъ о томъ, что теперь истиннаго священства нѣтъ на землѣ, такъ какъ теперь послѣднее время, — время царства антихриста, но я привелъ не одинъ текстъ св. писанія о томъ, что и при антихристѣ іерархія не прекратится, при чемъ было замѣчено, что раскольники болѣе вѣрятъ антихристу, чѣмъ Богу, Творцу неба и земли. Приводилъ Сухинъ и другія оправданія въ свою защиту, но когда я ихъ разобралъ, то они оказались мыльнымъ пузыремъ. Въ концѣ бесѣды Сухина совсѣмъ стушевался и, кромѣ глупости, ничего не могъ сказать въ свое оправданіе. Слушателей на бесѣдѣ присутствовало до 200 человекъ, бесѣда продолжалась болѣе 3-хъ часовъ и закончилась пѣніемъ пасхальнаго задостойника „Ангель вопіяше“ и *Святися святися*. Православные выходили изъ храма съ радостнымъ настроеніемъ, а раскольники во главѣ съ Сухинымъ въ большемъ смущеніи. Можно съ увѣренностію сказать, что послѣ этой бесѣды Сухина потерялъ всякое довѣріе среди своихъ послѣдователей, почему и пропаганда его своего лжеученія между православными не будетъ имѣть никакого успѣха.

Священникъ-миссіонеръ Самсонъ Холоповъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Освященіе храма въ селѣ Большой-Бабкѣ, Харьк. губ. *).

15 мая с. г. въ с. Большой Бабкѣ 2-го Волчанскаго округа состоялось торжественное освященіе вновь устроеннаго каменнаго храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы.

Наканунѣ сего знаменательнаго дня прибылъ въ с. Большую-Бабку мѣстный благочинный, протоіерей о. Іаковъ Поповъ, который въ сослуженіи приходскаго священника Е. Шишканова и нѣсколькихъ священниковъ, прибывшихъ изъ сосѣднихъ слободъ, совершилъ

*) Отъ редакціи. Освященіе новопостроеннаго храма въ Бабкѣ имѣетъ большое миссіонерское значеніе: село Бабки имѣетъ 5 тыс. жителей, много сектантовъ, а для проповѣди и богослуженія былъ лишь одинъ тѣсный деревянный древній храмъ. Поэтому, по мысли бывшаго тамъ свящ. о. Василя Иванова, бабчане надумали построить большой храмъ.

всенощное бдѣніе. На слѣдующій день къ 9 час. утра въ квартирѣ мѣстнаго священника собрались священнослужители въ числѣ 11 человекъ, которые подъ руководствомъ мудраго и опытнаго о. благочиннаго въ благоговѣйномъ и радостномъ настроеніи отправились въ храмъ для совершенія священнаго христіанскаго обряда. Не смотря на дождливую погоду, вся громадная площадь церковная была усеяна народомъ, явившимся на торжество изъ многихъ окрестныхъ слободъ. Заблаговѣстили въ новый большой колоколь, который оповѣстилъ весь Бабчанскую о наступленіи давно ожидаемаго момента. Православный людъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и громадной толпой со всѣхъ сторонъ приблизился къ величественному храму, который также былъ наполненъ молящимися.

Въ то время какъ священнослужители въ алтарѣ облачались въ священныя одежды, предсѣдатель строительнаго комитета по постройкѣ храма г. Махонинъ обратился къ прихожанамъ съ рѣчью, въ которой, привѣтствуя бабчанъ съ успѣшнымъ окончаніемъ столь труднаго и хлопотливаго дѣла, выяснилъ, что важными дѣятелями по постройкѣ храма являются члены строительнаго комитета, изъ которыхъ каждый въ свое время не мало работалъ, и онъ, какъ представитель комитета, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ предложить прихожанамъ выразить имъ благодарность и оказать имъ честь поднесеніемъ каждому изъ нихъ по иконѣ. На такое предложеніе прихожане единодушно согласились, что и было исполнено по совершеніи литургіи.

Въ освященіи храма и совершеніи Божественной литургіи принимали участіе, кромѣ благочиннаго протоіерея Попова, слѣдующіе священники округа: запататный священникъ Викторъ Власовскій, Владиміръ Поповъ, Владиміръ Навродскій, Николай Залуговскій, Михайль Рудневъ, Михайль Помазановскій, Григорій Цыбулевскій и Евѣимій Шишкановъ. Пѣлъ мѣстный приходской хоръ подъ управленіемъ регента-учителя Бабчанскаго двухкласснаго училища. Во время освященія престола и всего храма, къ тому мѣсту въ алтарѣ, гдѣ находились священнослужители, отовсюду передавалось множество платковъ и полотень отъ усердныхъ жертвователей-прихожанъ и многихъ постороннихъ лицъ, прибывшихъ на Бабчанское торжество. Были также пожертвованія и деньгами. Церковный староста съ благодарностію принималъ жертвы благодѣтелей.

Во время литургіи по прочтеніи евангелія священникъ Г. Цыбулевскій произнесъ слово, въ которомъ, привѣтствуя бабчанъ съ великимъ приходскимъ праздникомъ, кратко объяснилъ о значеніи хри-

христіанской любви, особенно въ настоящее время, и указать имъ на Божію Матерь, какъ на образецъ любви, такъ какъ Она является любящею Матерью для всего рода христіанскаго. Въ заключеніе онъ, указавши на то, что въ с. Бабкѣ есть враги православія, предупредилъ прихожанъ, что не слѣдуетъ смущаться этимъ, а должно молиться за нихъ, такъ какъ Заступница наша и Покровительница Бабчанскаго храма Пресвятая Богородица, принимая наши усердныя молитвы, защищаетъ насъ отъ всѣхъ враговъ.

Послѣ отпуска литургіи произнесъ къ народу назидательное поученіе благочинный протоіерей о. Іаковъ Поповъ. Выказавши благодареніе Господу Богу за то, что Онъ удостоилъ прихожанъ закончить во славу Его Святаго Имени столь великое дѣло и теперь молиться въ новоосвященномъ домѣ Божіемъ, протоіерей своею трогательною рѣчью обратилъ вниманіе слушателей на то обстоятельство, что всякая принесенная ими жертва—каждый кусокъ полотна и каждая копѣйка, поданная отъ усердія—по пословицѣ: „съ міру по ниткѣ, бѣдному рубаха“—имѣетъ важное значеніе для благоустройства храма а въ религіозномъ отношеніи всякая, даже малая жертва на храмъ имѣетъ въ очахъ Божіихъ спасительное значеніе для души вѣрующаго христіанина. Въ слѣдующей своей рѣчи проповѣдникъ обстоятельно выяснилъ, насколько жизнь различныхъ сектантовъ противорѣчитъ съ ихъ ученіемъ, въ противовѣсъ ихъ постояннымъ толкамъ, что они-де живутъ по евангелію и называютъ себя поэтому „людьми святыми“, „людьми Божіими“. Указавши на многія отрицательныя стороны въ нравственной жизни сектантовъ, а также и на то, что сектавы вообще не слѣдуютъ ученію Христа, такъ какъ при объясненіи Слова Божія извращаютъ истинный смыслъ его, проповѣдникъ убѣждалъ православныхъ не довѣряться этимъ людямъ и удалиться отъ нихъ, дабы не впасть въ искушеніе. Эта весьма трогательная рѣчь маститаго проповѣдника несомнѣнно оказала благотворное вліяніе на колеблющихся въ вѣрѣ и во многихъ подорвала довѣріе къ сектантскому ученію.

Вслѣдъ за этимъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго мѣстный священникъ Е. Шишкановъ съ своей стороны счелъ своимъ пастырскимъ долгомъ произнести къ прихожанамъ миссіонерскую проповѣдь о рукотворенныхъ храмахъ и необходимости посѣщенія ихъ. Указавши на ошибочное мнѣніе сектантовъ о томъ, что будто бы храмы не нужны, онъ очень наглядно изобразилъ противоположность великолѣпныхъ православныхъ храмовъ со всею торжественностію богослуженія въ нихъ и жалкихъ

сектантскихъ молитвенныхъ домовъ, въ которыхъ сектанты собираются для собесѣдованій и „преломленія хлѣба“. Затѣмъ о. Шишкановъ представлялъ ясныя доказательства изъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета о томъ, что храмы строятся по повелѣнiю Божию и посѣщенiе ихъ весьма спасительно для христіанина.

По окончанiи всего всѣ участвующіе въ богослуженiи, а также и приглашенные гости по предложенiю священника Е. Шишканова. отправились въ церковно-причтовый домъ раздѣлить съ хозяевами хлѣбъ-соль. Въ числѣ приглашенныхъ гостей были представители мѣстной администраціи: земскій начальникъ графъ С. П. Гепдриковъ. и приставъ 1-го Волчанскаго уѣзда П. И. Бѣляевъ.

Священникъ Г. Цыбулевскій.

Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

10 сего іюня, въ воскресенье, въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ состоялся годичный актъ и отпускъ воспитанницъ, окончившихъ курсъ ученія. Литургія по сему случаю въ 9 ч. утра въ училищномъ храмѣ была совершена о. Предсѣдателемъ Совѣта, протоіереемъ Н. Стеллецкимъ въ сослуженiи члена Совѣта училища, священника о. Алексѣя Жадановскаго, и законоучителя училища, священника о. Іоанна Гораина, а благодарственный молебенъ послѣ литургіи былъ совершенъ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, въ сослуженiи указанныхъ лицъ, о. членовъ Совѣта и нѣкоторыхъ священниковъ-родителей окончившихъ курсъ ученія воспитанницъ. За литургіей во время запричастнаго стиха о. инспекторомъ классовъ и законоучителемъ училища, протоіереемъ І. Котовымъ, было сказано воспитанницамъ напутственное слово:

„Еще разъ, и въ послѣдній уже разъ, собрались всѣ вы вмѣстѣ, возл., подъ священную сѣнь этого нашего училищнаго храма, многія изъ васъ расстаются сегодня съ училищемъ и расстаются, быть можетъ, навсегда... Что-то будетъ съ вами, что-то ждетъ васъ впереди,—вотъ вопросъ, который невольно волнуетъ сегодня всѣхъ васъ... И потому настоящій *знаменательный* для васъ день выходитъ и какимъ-то свѣтло-радостнымъ и въ то же время какимъ-то умильно-грустнымъ. Радостью наполняются сегодня ваши сердца отъ сознанія того, что оконченъ вами курсъ средней школы, насталь наконецъ желанный и свѣтлый день вашего выпуска. Но вмѣстѣ съ этою радостью и невольная тихая грусть сегодня на душѣ у мно-

гихъ изъ васъ, грусть при мысли, что, можетъ быть, вы навсегда уже расстаётесь и другъ съ другомъ взаимно, и съ воспитавшимъ васъ училищемъ, и со всѣми нами. Раздѣляя вполне эту вашу радость и прославляя вмѣстѣ съ вами Господа за Его неисчетныя благодѣянія вамъ въ минувшемъ вашемъ ученіи, раздѣляемъ всѣ мы и эту вашу скорбь при нашей взаимной разлукѣ.—Что же сказать вамъ на дорогу очень многимъ въ послѣдній уже разъ въ этомъ святомъ храмѣ?

Какъ бы не хотѣлось напоминать вамъ что-либо омрачающее вашъ настоящій свѣтлый день, но вѣдь правда дороже всего и эту правду о жизни вашей предстоящей я и намѣренъ сказать вамъ сейчасъ.—Всѣ мы, какъ и вы, также пережили школьные годы, также и наши сердца въ день окончанія курса ликовали когда-то радостью при мечтахъ о свободѣ, о самостоятельной жизни. Но вотъ прошли годы, и у многихъ явились разочарованія, накопились печальные опыты и горькія воспоминанія о напрасно потраченныхъ силахъ, о разбившихся надеждахъ. О чемъ же говорить намъ, хотя безмолвно, но очень внушительно это печальное наблюденіе надъ дѣйствительной жизнью? О томъ, возл., что многіе, понадѣявшись на свои собственные силы, къ чему, вообще, склонна юность, забываютъ, что корни всего добраго не въ насъ, людяхъ, но въ Источникѣ *всякаго совершенства*, въ Богѣ, что только въ непрерывномъ общеніи съ Нимъ всѣ наши благіе порывы, святыя стремленія получаютъ питаніе и силу и приносятъ обильные плоды. Вспомните, возл., что сказалъ намъ объ этомъ Самъ Христосъ Спаситель въ своей прощальной бесѣдѣ: *„Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода, сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы будете безплодны, если не будете со Мною“*.

Сколь ясно и сколь наглядно для всѣхъ этимъ образнымъ сравненіемъ Себя съ виноградной лозой, а насъ съ вѣтвями этой лозы выясняетъ намъ Иисусъ Христосъ въ этихъ словахъ, выясняетъ *необходимость самаго тѣснѣйшаго съ Нимъ общенія!* Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ приносить плодъ вѣтвь, оторванная отъ лозы, она не только останется безплодной, но и сама, совсѣмъ завянетъ и засохнетъ. Никогда не забывайте, возл., тоже самое всегда будетъ и съ вами, какъ бы говоритъ намъ Христосъ Спаситель въ приведенныхъ словахъ, и вы также не только будете безплодны безъ Меня, но и завянете, засохнете и совсѣмъ погибнете. И дѣйствительно, опытъ жизни показываетъ, какой дорогой цѣной всегда приходится намъ расплачиваться за то, что мы въ жизни своей посто-

явно забываемъ эту вѣчную истину и думаемъ, что мы сами сильны приносить плоды доброй христіанской жизни, сами можемъ осуществить тѣ или другіе свѣтлые идеалы, взлелѣянные на школьной скамьѣ, словомъ, *сами, безъ Бога*, можемъ устроить жизнь свою. Потому то вѣдь такъ часто и случается, что, при первыхъ же неудачахъ въ жизни, руки у насъ опускаются, всѣ идеалы рушатся и разлетаются и настаетъ какое-то животное прозябаніе, самая жизнь начинаетъ казаться *безцѣльной*, или, по выраженію поэта, въ эти минуты горькаго разочарованія „пустой и глупой шуткой“. Чтобы не случилось этого съ вами, чтобы не постигло васъ когда-нибудь совершенно неожиданно это горькое разочарованіе жизнью, мы и старались всячески укрѣпить въ вашемъ сознаніи ту непреложную истину, что отъ *Господа устроятся* разнообразныя пути жизни человѣческой, что *Онъ есть путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6), что только въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ и возможно осуществленіе всѣхъ нашихъ добрыхъ стремленій. „Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оныя же пойду“, вотъ слова, которыя скажу я вамъ, возл., сегодня, скажу многимъ изъ васъ въ послѣдній уже разъ, и пусть эти слова внесутъ въ вашу душу, смущенную неизвѣстностью будущаго, внесутъ *миръ и покой*... Пусть самъ Господь укажетъ вамъ тотъ или другой жизненный путь, на которомъ бы вы *Ему* прежде всего послужили и *Ему* прежде всего угодили. Кто лучше, кто вѣрнѣе и совершеннѣе Господа можетъ устроить нашу жизнь и руководить ею? Предоставленные сами себѣ, какъ часто мы заблуждаемся и, *злоупотребляя* своей свободной волей, избираемъ путь жизни, ведущей насъ къ вѣрной гибели. Кто, кромѣ Господа, можетъ скорѣе всегда и, услышать насъ и протянуть намъ руку помощи во всѣ трудныя минуты нашей жизни? Какъ часто всѣ наши земные друзья бываютъ намъ друзьями до чернаго лишь дня? Поэтому поистинѣ всегда блаженъ, всегда счастливъ тотъ человѣкъ, „ему же *Богъ Іаковль помощникъ его и упованіе его на Господа Бога своего*“ (Пс. 145, 5 ст.) и никогда, никогда онъ не поерамится въ этомъ своемъ упованіи. И какъ всегда вообще мирно, спокойно и какъ-то безмятежно течетъ жизнь человѣка, всецѣло преданнаго и покорнаго высшей Волѣ Провидѣнія, или, по слову Псалмопѣвца, „живущаго *подъ кровомъ Всевышняго и подъ стѣнью Бога Небеснаго*“ (Пс. 90, 1 ст.). Этотъ внутренній миръ и покой не отнимаютъ у него и всѣ житейскія невзгоды и испытанія. Онъ на все готовъ, онъ терпѣливо и безропотно переноситъ все, потому что онъ увѣренъ, что Господь, посланный испытаніе, всегда дастъ ему и силу перенести это испы-

таніе, онъ дерзновенно говоритъ Господу вмѣстѣ съ пророкомъ: „*Аще и пойду посреде стѣны смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси*“ (Пс. 22, 4).—Но горе тому, кто въ „день лѣтъ“ не найдетъ себѣ этой опоры, у кого въ душѣ окажется пусто, смутно и шатко, кому не на чемъ будетъ укрѣпить свой умъ, сердце и волю... И какъ бы всѣ мы искренно не желали, чтобы сохранилъ васъ Господь въ послѣдующей жизни отъ всѣхъ тяжкихъ испытаній, бурь и тревоженій, но вѣдь вы сами знаете, что онѣ *неизбѣжны* въ жизни каждаго человѣка. А потому лучше быть *готовыми*, чтобы испытанія не застали насъ врасплохъ и не сразили бы насъ, такъ какъ помните, что не приготовивши себѣ твердой опоры заранѣе, трудно бываетъ найти ее среди самаго испытанія. И бѣда наша великая въ томъ, что пока жизнь у насъ течетъ ровно и спокойно, безъ особыхъ тревогъ, мы мало какъ-то вообще-то задумываемся надъ вопросомъ о томъ, что намъ дѣлать, какъ быть, если постигнетъ насъ то или другое несчастье. Да не будетъ этого съ вами, возлюбленные! И дай же Богъ, чтобы во всѣ эти неизбѣжныя трудныя минуты жизни нашли вы всегда себѣ незыблемую опору *въ живой вѣрѣ въ Бога*, со всѣми ея свѣтлыми откровеніями, съ ея обѣтованіями и утѣшеніями, съ ея твердыми нравственными основами.

Тогда вы будете спокойны и ничто въ жизни васъ не устрашитъ, ничто никогда васъ не сломитъ и вашей внутренней силы не сокрушитъ.—Вмѣстѣ съ вами тогда и мы будемъ спокойны за всю вашу будущую жизнь.

А теперь, возл., всѣ единымъ сердцемъ и едиными усты возблагодаримъ изъ глубины души Господа за Его неисчетныя къ намъ милости и благодѣянія въ минувшей вашей училищной жизни и всѣ вмѣстѣ еще разъ помолимся усердно о томъ, чтобы Господь *Самъ указалъ*, каждой изъ васъ предназначенный Имъ свыше жизненный путь, на которомъ бы вы *Ему прежде всего послужили и угодили...* „*Отче Святѣй, соблюди ихъ во имя Твое!*“

На благодарственномъ молебнѣ, совершенномъ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, по окончаніи Божественной литургіи, о. протодіакономъ было провозглашено многолѣтіе „Начальствующимъ, учащимъ и учащимся“. По окончаніи молебна вся корпорація училища и окончившія курсъ ученія приложились ко кресту и были окроплены св. водой. Послѣ окончанія Богослуженія, въ залѣ училища состоялся актъ, который почтили своимъ присутствіемъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, почетная попе-

чительница училища Д. Д. Оболенская, члены училищнаго Совѣта, корпорація училища, родители и родственники воспитанницъ. На актѣ послѣ молитвы Св. Духу, пропѣтой воспитанницами, съ благословенія Его Высокопреосвященства членомъ-дѣлопроизводителемъ Совѣта, свящ. Н. Липскимъ, былъ прочитанъ краткій отчетъ за минувшій 1911.—1912 учебный годъ.

Изъ отчета видно, что въ 1910—1911 учебномъ году Совѣтъ училища составляли: а) предсѣдатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, магистръ богословія, протоіерей Николай Столлецкій; б) начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ; в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, протоіерей Іоаннъ Котовъ; г) старшая воспитательница, дѣвица Аполлинарія Павловна Вышемірская; д) члены отъ духовенства: священникъ Павелъ Грома и священникъ Павелъ Тимофеевъ, а съ ноября 1911 года вмѣсто нихъ избраны XXV Епархіальнымъ Съѣздомъ и утверждены Его Высокопреосвященствомъ: священникъ Алексѣй Жадановскій и священникъ Михаилъ Энеидовъ; е) членъ-казначей священникъ Іоаннъ Петровскій и ж) членъ-дѣлопроизводитель священникъ Николай Липскій; з) почетная попечительница училища Д. Д. Оболенская и почетный блюститель по хозяйственной части Н. О. Лещинскій.

Учебно-воспитательный персоналъ состоялъ изъ 21 преподавателей, 16 учительницъ, 15 старшихъ и 15 младшихъ воспитательницъ.

Въ сентябрѣ 1911 года вновь принято въ первый классъ училища 134 дѣвицы, которыя распределены въ трехъ отдѣленіяхъ перваго класса, а такъ какъ изъ перваго во второй классъ переведено было 128 ученицъ, то понадобилось и во второмъ классѣ отдѣленіе, кромѣ параллельнаго, еще и дополнительное.

Такимъ образомъ, въ отчетномъ году было шесть основныхъ классовъ, восемь параллельныхъ классовъ (при двухъ первыхъ классахъ по два параллельныхъ, при остальныхъ по одному) и одинъ седьмой—дополнительный классъ. Въ теченіе года выбыло изъ училища по разнымъ причинамъ 17 воспитанницъ и къ концу года оставалось 685 воспитанницъ.

По классамъ воспитанницы распределялись такъ: въ 1-мъ нормальномъ классѣ состояло 50 воспитанницъ. Изъ нихъ удовлетворительно выдержали экзаменъ и переведены въ слѣдующій классъ 45, причемъ съ наградами 4 воспитанницы; 4 воспитанницы получили неудовлетворительныя отмѣтки по одному предмету и одна не дер-

жала экзамена по болѣзни по одному предмету; эти пять воспитанницъ имѣютъ держать экзаменъ послѣ каникулъ.

Въ 1-мъ параллельномъ классѣ состояло 44 воспитанницы, изъ нихъ удовлетворительно выдержали экзаменъ и переведены въ слѣдующій классъ 37, причемъ одна съ наградой; 4 воспитанницы получили неудовлетворительныя отмѣтки по одному или двумъ предметамъ и имѣютъ держать экзаменъ послѣ каникулъ; 3 оставлены по малоуспѣшности на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Въ 1-мъ дополнительномъ состояло 46, изъ нихъ удовлетворительно выдержали экзаменъ и переведены въ слѣдующій классъ 39 воспитанницъ, причемъ 2 съ наградами; шесть воспитанницъ имѣютъ держать переэкзаменовки послѣ каникулъ по одному или по двумъ предметамъ и 1 оставлена на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по просьбѣ матери.

Во 2-мъ нормальномъ классѣ состояло 54 воспитанницы, изъ нихъ переведены въ слѣдующій классъ 42, причемъ 6 съ наградами; 5 воспитанницъ имѣютъ держать переэкзаменовки по одному или двумъ предметамъ послѣ каникулъ, 2 воспитанницы, не державшія экзаменовъ по болѣзни, имѣютъ держать ихъ послѣ каникулъ и 5 воспитанницъ по малоуспѣшности оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Во 2-мъ параллельномъ классѣ изъ 48 воспитанницъ переведено въ слѣдующій классъ 35, причемъ 4 съ наградами, 7 воспитанницъ имѣютъ держать переэкзаменовки послѣ каникулъ по одному или двумъ предметамъ и 6 оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Во 2-мъ дополнительномъ классѣ изъ 53 воспитанницъ переведено въ слѣдующій классъ 41, изъ нихъ 4 съ наградами; 4 воспитанницы имѣютъ держать переэкзаменовки по одному или двумъ предметамъ послѣ каникулъ, 6 воспитанницъ оставлены по малоуспѣшности на повторительный курсъ; одна не была допущена до экзамена, такъ какъ за нею числилась недоимка за содержаніе—она имѣетъ право держать экзаменъ послѣ каникулъ, по уплатѣ недоимки; одна воспитанница уволена за продолжительную неявку.

Въ 3-мъ нормальномъ классѣ изъ 46 воспитанницъ 43 переведены въ слѣдующій классъ, причемъ восемь съ наградами; 2 воспитанницы имѣютъ держать переэкзаменовки послѣ каникулъ по одному или по двумъ предметамъ; 1 оставлена по малоуспѣшности на повторительный курсъ.

Въ 3-мъ параллельномъ классѣ изъ 45 воспитанницъ переве-

дено въ слѣдующій классъ 34, причеиъ 3 съ наградами; 10 воспитанницъ имѣють держать переэкзаменовки по одному или двумъ предметамъ послѣ каникулъ, одна оставлена по малоуспѣшности на повторительный курсъ.

Въ 4-мъ нормальномъ классѣ изъ 44 воспитанницъ переведено въ слѣдующій классъ 42, причеиъ 6 съ наградами, одна имѣеть держать переэкзаменовку по одному предмету и одна вслѣдствіе болѣзни оставлена на повторительный курсъ по прошенію отца.

Въ 4-мъ параллельномъ классѣ изъ 47 воспитанницъ переведено въ слѣдующій классъ 46, изъ нихъ 7 съ наградами, одна имѣеть держать переэкзаменовку по двумъ предметамъ.

Въ 5-мъ нормальномъ классѣ изъ 56 воспитанницъ переведено въ слѣдующій классъ 47, изъ нихъ 4 съ наградами, 8 воспитанницъ имѣють держать переэкзаменовки по одному или двумъ предметамъ и одна по малоуспѣшности оставлена въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Въ 5-мъ параллельномъ классѣ изъ 42 воспитанницъ переведено въ слѣдующій классъ 39, причеиъ 4 съ наградами; одна имѣеть держать переэкзаменовку по одному предмету и двѣ оставлены въ томъ же классѣ по прошеніямъ родителей.

На основаніи § 111 Училищнаго Устава 77 воспитанницъ 2-хъ 6-хъ классовъ, какъ удовлетворительно выдержавшія экзаменъ по веиъ предметамъ, удостоены аттестатовъ и 32 воспитанницы 7-го педагогическаго класса, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о сихъ классахъ, удостоены свидѣтельствъ.

Нѣкоторыя воспитанницы изъ окончившихъ курсъ, какъ оказавшія отличные успѣхи въ наукахъ, награждены *книгами*. Онѣ слѣдующія: 6-го нормальнаго класса—Кротова Любовь, Орлова Софья, Сулима Галина; 6-го параллельнаго класса: Егорова Неонила, Евфимова Неонила, Знаменская Анна, Ковалева Раиса, Краснокутская Лидія, Лонгинова Раиса, Любарская Вѣра, Малиженовская Анна, Попова Дарія, Святоторова Агнесса, Теренко Марія; 12 воспитанницъ 7-го педагогическаго класса—Бобровская Лидія, Богачева Марія, Бѣлогорская Нина, Знаменская Елена, Касьянова Матрона, Мухина Нина, Торанская Елена, Шошина Нина, Щербина Ольга, Яновская Ангелина, Ястремская Антонина и Лядская Анна за отличные успѣхи въ наукахъ также награждены книгами.

Кромѣ сего 3 воспитанницы—Кротова Любовь, Егорова Неонила и Торанская Елена награждены книгами за примѣрные практическія занятія въ школѣ, а нѣкоторыя нотами за отличные успѣхи

по музыкѣ. Каждая воспитанница подходила подѣ благословеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, и изъ рукъ Его Высокопреосвященства получала Евангеліе, а отъ почетной Попечительницы Д. Д. Оболенской награду.

По окончаніи роздачи аттестатовъ, свидѣтельствъ и наградъ воспитанница 7-го класса Торанская Елена обратилась къ его Высокопреосвященству съ слѣдующей рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь и Отецъ!

„Сегодня послѣдній день нашего пребыванія въ стѣнахъ дорогаго училища, гдѣ мы прожили 8 лѣтъ, гдѣ протекли наши лучшіе безмятежные годы.

Въ училищѣ мы были окружены лучшими условіями, въ какихъ, быть можетъ, не прійдется жить въ будущемъ, не знали ни заботъ, ни тревогъ. Здѣсь насъ учили, наставляли, направляли, страдали за насъ, были какъ-бы отвѣтственными лицами, а въ предстоящей жизни намъ прійдется руководиться собственнымъ разумомъ и за все отвѣчать самимъ. Грустно и тяжело намъ разставаться со всѣмъ, что было такъ дорого. Теперь предъ нами открывается новая жизнь. Каждая изъ насъ невольно задаетъ себѣ вопросъ: что ждетъ насъ? Встрѣтимъ-ли мы въ жизни своей такое-же участіе, какимъ мы были окружены въ училищѣ, главнымъ и мудрымъ покровителемъ котораго являлись всегда Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко. Ваши отеческія заботы мы всѣ испытали въ продолженіе всего пребыванія въ училищѣ. Посѣщая училище, Вы заходили къ намъ, интересовались нашими занятіями и знаніями и часто давали намъ свои цѣнныя объясненія и указанія. Но не этимъ только ограничивалось Ваше милостивое отношеніе къ намъ.

Благодаря Вамъ, Владыко, нѣкоторыя изъ насъ имѣли возможность побывать въ 7-мъ дополнительномъ классѣ, пользуясь Вашей матеріальной поддержкой.

Еще въ прошломъ году мы надѣялись, что въ нашемъ училищѣ будетъ открытъ 8-й классъ и мы закончимъ наше образованіе вторымъ курсомъ 7-го класса. Осуществиться этой мечтѣ не удалось. Оставляя училище, мы не теряемъ надежды, что Вы, Владыко, основавшій 7-й классъ, будете основателемъ и 8-го класса и что наши послѣдовательницы воспользуются тѣмъ, что было недоступно для насъ. Ихъ радость тогда будетъ нашей радостью.

Сердечно благодаримъ Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, за всѣ заботы и молитвы о насъ. Пусть Господь продлитъ Вашу многополезную жизнь еще на многіе, многіе годы!

Мы-же будемъ вспоминать своего Владыку и молиться за него, а теперь мы испрашиваемъ Вашего Архипастырскаго благословенія на новую трудную жизнь!“

Послѣ сего о. Предсѣдатель Совѣта, прот. Н. Стеллецкій, обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующими словами:

„Владыко Святый!

Вы только что благоволили выслушать отъ одной изъ окончившихъ курсъ нашихъ питомицъ слово хвалы и благодаренія за оказанныя Вами благодѣянія училищу, за Вашу любовь къ нему!

Нѣчто подобное Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, прочитали прошлымъ лѣтомъ въ одномъ изъ прошеній, поданномъ на Ваше имя двумя бѣднѣйшими нашими ученицами—родными сестрами, въ которомъ одна изъ нихъ, старшая сестра, въ неслыханно-задушевныхъ еловахъ выражала Вамъ свою благодарность за предоставленную ей Вами матеріальную возможность закончить своё образованіе въ 7-мъ педагогическомъ классѣ, а другая, младшая сестра, въ неменѣе чувствительныхъ выраженіяхъ просила Васъ о предоставленіи и ей такой возможности. Сданное Вашимъ Высокопреосвященствомъ въ Совѣтъ училища прошеніе произвело на всѣхъ членовъ его такое трогательное впечатлѣніе, что тутъ-же рѣшено было отрывки изъ этого прошенія напечатать въ годичномъ отчетѣ о Инспектора, въ назиданіе всѣхъ чадъ Вашей паствы, и въ свидѣтельство того, какими искренно-сердечными чувствами преисполнены сердца нашихъ ученицъ къ своему Владыкѣ—Отцу.

Къ этимъ двумъ выраженіямъ благодарныхъ чувствъ къ Вамъ, Владыко Святый, я ничего не могу добавить существеннаго. Могу лишь отмѣтить то одно обстоятельство, усугубляющее нацу благодарность къ Вамъ, что, не смотря на ослабленные недугомъ въ послѣднее время силы Ваши, Вы, Владыко Святый, подвиглись сегодня, въ день годичнаго акта, по примѣру прежнихъ лѣтъ, прибыть въ училище, дабы вознести въ его святомъ храмѣ свои святительскія молитвы о преслѣяннн сего вертограда Христова, и ниспослать свое Архипастырское напутственное благословеніе на нашихъ питомицъ—этихъ будущихъ жень, матерей и учительницъ дѣтей нашего духовенства въ строгой покорности Св. Церкви и ея уставамъ.

А посему намъ остается одно: присоединить къ дѣтскимъ ежедневнымъ моленіямъ о Васъ свои мольбы всеблаговому и премудрому Вседержителю, да продлитъ Онъ Ваши дни до послѣднихъ предѣловъ жизни человѣческой на радость и счастье всѣхъ, искренно Вамъ преданныхъ и благодарныхъ“.

Всѣми воспитанницами и присутствовавшими въ училищномъ залѣ было пропѣто Владыкѣ „многая лѣта“.

Послѣ сего Его Высокопреосвященство обратился къ воспитанницамъ окончившимъ курсъ ученія съ слѣдующими словами:

„Вамъ всѣ уже такъ много говорили: вотъ о. Инспекторъ сказалъ, о. Предсѣдатель, вы—въ своей рѣчи,—все уже высказано, такъ что мнѣ ничего вамъ не остается говорить, развѣ поздравить Васъ съ окончаніемъ курса. Вотъ я васъ и *поздравляю*, хотя собственно это поздравленіе относится только къ воспитанницамъ 7-го класса, которыя оканчиваютъ курсъ въ этомъ году.

У нѣкоторыхъ воспитанницъ 6-го класса есть надежда вернуться въ 7-й классъ, что ихъ, конечно, и утѣшаетъ, а тѣхъ изъ нихъ, которыя не поступятъ въ 7-й классъ, я поздравляю съ окончаніемъ курса. Въ окончаніи курса приходится замѣтить двѣ стороны: свѣтлую и темную. Свѣтлая—та, что вы вступаете на самостоятельную дорогу, получаете давно желанную свободу, которую каждая можетъ использовать по-своему. Темная сторона будетъ такая: я думалъ, что вы учитесь вмѣстѣ 6 лѣтъ, а изъ вашей рѣчи узналъ, что вы находитесь въ училищѣ 7—8 лѣтъ. За это время вы со всѣмъ свыкаетесь, каждый закаулочекъ кажется вамъ дорогимъ, близкимъ. Тяжело прощаться съ г-жей Начальницей, воспитательницами, можетъ быть—съ о. Инспекторомъ, преподавателями... Тяжело разставаться вообще со всѣмъ тѣмъ, къ чему привыкаешь. А съ училищемъ вамъ, быть можетъ, тяжело разставаться еще и потому, что жизнь трудная, тяжелая пугаетъ васъ. Но въ училищѣ все было направлено къ тому, чтобы подготовить васъ къ жизни, чтобы вы могли безбоязненно, смѣло вступить въ жизнь на разныхъ службахъ и поприщахъ.

Вотъ вы заговорили сегодня о восьмомъ классѣ. Я бы самъ хотѣлъ этого. Но врядъ ли придется открыть восьмой классъ даже и на будущій годъ.

Теперь вы вступаете въ новую, неизвѣстную для васъ жизнь. Богъ вамъ въ помощь! Не теряйте только того, что здѣсь приобрѣли. Хорошо вамъ будетъ, если сохраните приобрѣтенное, и плохо, если потеряете.

Призываю благословеніе Божіе на васъ и желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Бога, всего добраго отъ людей и вообще отъ жизни.

Господь съ вами!“

Растроганныя высокомиловитыми словами Владыки, воспитанницы подошли къ нему подъ благословеніе.

Актъ закончился молитвою „Достойно есть“ и благословеніемъ Владыки, послѣ чего въ квартирѣ Начальницы училища училищной корпораціи былъ предложенъ хлѣбъ—соль, который почтилъ своимъ присутвіемъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній. За обѣдомъ о. Предсѣдателемъ Совѣта былъ предложенъ тостъ за Высокаго Покровителя училища, Высокопреосвященнаго Арсенія, которому всѣ присутствующіе пропѣли „Многая лѣта“.

Его Высокопреосвященство произнесъ „здравницу“ за дорогое училище и его преуспѣяніе, за начальствующихъ лицъ, членовъ Совѣта, воспитывающихъ и учащихся. Тостъ былъ также возглашенъ и за г-жу Почетную Понечительницу училища Д. Д. Оболонскую.

Училищное торжество окончилось во 2-мъ часу дня и, напутствуемая благословеніями и благожеланіями, воспитанницы, окончившія курсъ ученія, стали разъѣзжаться по домамъ, выражая благодарность лицамъ начальствующимъ, учащимъ и воспитывающимъ за всѣ труды и заботы о нихъ.

Инспекторъ классовъ, Протоіерей Іоаннъ Котовъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Съѣздъ настоятелей и настоятельницъ монастырей.

Въ Пензенской епархіи состоялся съѣздъ настоятелей и настоятельницъ монастырей. Съѣздъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: 1 а) съ самой строгой разборчивостью принимать лицъ въ монастырь въ качествѣ послушниковъ и послушницъ, по предварительному сношенію съ тѣми, въ вѣдѣніи коихъ просящіеся состояли до прибытія въ монастырь, и, если можно, и другихъ лицъ, сколько-нибудь знающихъ просящихся; б) монашествующіе не должны выходить за ворота обители безъ разрѣшенія настоятелей или, съ ихъ согласія, благочинныхъ обителей. 2) Общее пѣніе монашествующихъ при богослуженіи отселѣ имѣеть быть постепенно вводимо, сначала нѣкоторыхъ пѣснопѣній, по надлежащей подготовкѣ на спѣвкахъ въ обителяхъ. 3) Начальствующіе обителей должны потребовать, чтобы насельники обителей въ свободное время, если не заняты спѣвками, работали въ полѣ, садахъ и огородахъ и проч., читали бы слово Божіе, творенія св. отецъ. Выписывать для чтенія періодическія изданія, безъ разрѣшенія начальствующихъ обителей, воспрещается

безусловно, хотя бы то были и назидательныя изданія изъ числа духовныхъ журналовъ. 4) Замѣчено, что во время большого скопленія въ монастыряхъ богомольцевъ сектанты притекаютъ съ цѣлью пропаганды лжеученій въ средѣ довѣрчиваго сельскаго люда, религиозно-настроеннаго. Къ пресѣченію пропаганды лжеученій обители принимаютъ отселѣ за правило: а) при всѣхъ такихъ случаяхъ поручать кому-либо изъ наиболѣе благоговѣйныхъ, уважаемыхъ и начитанныхъ братій и сестеръ собирать вокругъ себя кружки посѣтителей-богомольцевъ, вводить таковыхъ (не въ богослужебные часы) въ храмы и указывать съ подробнымъ объясненіемъ св. иконы въ иконостасахъ и кіотахъ, св. изображенія на стѣнахъ и паперти храмовъ монастырскихъ, въ часовняхъ, гдѣ таковыя есть, читать православному, по подлежащей подготовкѣ, подъ руководствомъ начальствующихъ, Троицкіе, Кіевскіе и Почаевскіе листки и т. п., желающимъ листки могутъ быть раздаваемы на память посѣщенія обители.

На выборахъ церковнаго старосты.

Въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатана слѣдующая картинка изъ церковно-приходской жизни.

Праздникъ. 4 часа дня. Въ церкви села З. присутствуютъ десятка четыре домохозяевъ, весь причтъ и мѣстный о. благочинный. Выборы церковнаго старосты.

О. благочинный обращается къ „громадѣ“.

— Вашему церковному старостѣ окончилось трехлѣтіе службы. Необходимо, добрые люди, произвести выборы. Можете его поновить, а если нѣтъ, выберете другого. А вы какъ?—обращается къ настоятелю церкви,—желаете, чтобы избрать новаго или пусть останется прежній?

— Я желаю, чтобы остался прежній.

— Вотъ вашъ батюшка желаетъ, чтобы остался прежній,—обращается опять о. благочинный къ крестьянамъ; а вы какъ?

Молчаніе.

Кто-то изъ заднихъ рядовъ отзывается:

— Треба выраты новаго. Той вже набрався досыть. Нехай ще хто наживетця.

— Нового, нового!..—говорятъ всѣ.

— Позвольте!—заявляетъ настоятель. Кто-то изъ васъ выразился сейчасъ, что старый набрався досыть. Выходить такъ, что онъ нечестно служилъ. Воровалъ? Вы его подозрѣваете въ чемъ-либо?

— Ни, ни. Ни въ чемъ не подозрѣваемъ. Алы нехай ще хто побуде!

— Кого же вы желаете избрать старостою?—спрашиваетъ о благочинный.

Опять молчаніе.

— Но вѣдь это несправедливо!—выступаетъ вторично настоятель.—Лишать службы человѣка, который рѣшительно ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ! Какъ это можно?

— Такъ кого же вы желаете выбрать старостою: новаго или стараго?—спрашиваетъ опять о. благочинный.

— Нового, нового!..

— А кого же именно?

Водворяется опять тишина.

— А вы кого желаете, чтобы былъ старостою?—обращается благочинный къ настоятелю.

— Если такъ ужъ необходимо избрать новаго, то пусть будетъ старостою крестьянинъ Петръ Н. Онъ толковый человѣкъ, порядочный, честный.

— Вотъ батюшка предлагаетъ,—говорить о. благочинный къ крестьянамъ,—избрать старостою крестьянина Петра Н. Вы согласны?

— Согласны.

— Хорошо. Г. псаломщикъ! спишите всѣхъ домохозяевъ, и составимъ актъ.

Пока происходила процедура переклички хозяевъ, чей-то особенно раздался голосъ:

— Такъ не повинно буты, якъ хоче батюшка. Нехай буде по нашему. Нехай буде старостою Иванъ Н.

— Иванъ, Иванъ!—раздаются многіе голоса.

Услышавъ такіе возгласы, о. благочинный обращается къ крестьянамъ.

— Я слышу, что вы уже другого хотите выбрать старостою, а не Петра Н.?

— Иванъ Н. нехай буде старостою!

— А почему же вы не хотите Петра Н.? Развѣ онъ плохого поведенія?

— Звынить, ваше высокопреподобіе,—заявляетъ одинъ изъ крестьянъ, подходя къ о. благочинному и цѣлуя его руку.—Добрый винъ чоловікъ. Алы нехай буде старостою Иванъ Н.!

И актъ былъ написанъ объ избраніи церковнымъ старостою крестьянина Ивана Н.

Вотъ каковы логика и аргументы у нашихъ крестьянъ, съ чѣмъ намъ, духовенству, не разъ приходится считаться!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ.

Въ ноябрьскомъ номерѣ 1911 г. журнала „Бюллетени литературы и жизни“ приводятся интересныя выдержки изъ книги А. Г. Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“.

Откликнулось большинство запрошенныхъ лицъ, а именно 181 человекъ, но опубликовать свои письма разрѣшили только 133 изъ нихъ. Среди корреспондентовъ А. Табрума встрѣчаемъ мы имена наиболѣе яркихъ свѣтилъ математическихъ, естественныхъ и другихъ наукъ. Никто не призналъ себя атеистомъ. Наоборотъ, почти всѣ, если оставить въ сторонѣ тѣхъ, кто ограничился простымъ сообщеніемъ, что не можетъ дать отвѣта на поставленные вопросы (такихъ воздержавшихся оказалось восемнадцать), а также тѣхъ немногихъ, двухъ-трехъ, которые, повидимому, склонны къ агностицизму,—почти всѣ опредѣленно, категорически причислили какъ себя, такъ и лично имъ извѣстныхъ научныхъ дѣятелей къ глубоко вѣрующимъ христіанамъ.

Большая часть отвѣтила весьма кратко, сдержанно, оффициально-сухо, можетъ быть, потому, что, какъ выразился одинъ ученый: „глубокія воды текутъ спокойно, и когда религія глубоко ощущается, о ней говорятъ немного“. Другой объясняетъ характеръ своего отвѣта такимъ образомъ: „Вчера вечеромъ, по полученіи вашего письма, я изложилъ было довольно подробно мои взгляды на этотъ предметъ, но, послѣ дальнѣйшаго размышленія, не могъ не сознать, что я едва ли въ правѣ вручать такое признаніе совершенно незнакому человеку“.

Зато нѣкоторые нашли возможнымъ отозваться откровенно, вдумчиво, обстоятельно. Такія письма содержатъ немало интересныхъ и оригинальныхъ мыслей.

„Религія и наука составляютъ двѣ опредѣленныя вѣтви человеческого знанія и изслѣдованія. Онѣ движутся по параллельнымъ линіямъ, и, по моему мнѣнію, не могутъ и, во всякомъ случаѣ, не должны сталкиваться“. (Слова Джозефа Прествича, одного изъ величайшихъ геологовъ).

Другой геологъ, Г. Дж. Силей, какъ бы допoлняетъ эту идею: „Науки—сестры религіи, въ томъ смыслѣ, что онѣ раскрываютъ часть законовъ, управляющихъ вселенной и жизнью человека. Такимъ образомъ, это—ступени, возводящія къ вѣрѣ“.

Нѣкоторые авторы писемъ заглянули въ предложенные имъ вопросы поглубже: они говорятъ и о важности, необходимости религіознаго сознанія, о непреодолимости религіознаго чувства.

„Я никогда не могъ понять, — пишетъ біологъ Ляйонель Виль, — почему иные склонные къ наукѣ люди нападаютъ на религію. Предположимъ, что всѣ виды религій были бы искоренены, — какая была бы отъ этого польза? Вѣдь, наука, все равно, не могла бы стать на мѣсто религій, потому что наука вѣчно мѣняется. Умъ научный — умъ исключительный, и хотя его непрерывныя стремленія и благодѣтельны для человѣчества, но онъ самъ чувствуетъ потребность въ мирѣ, въ успокоеніи и довольствѣ: а все это едва ли можетъ быть обрѣтено въ усиліи поклоняться или атому, или космосу! Нашъ атомъ, нашъ космосъ будутъ казаться жалкими, будутъ презираемы послѣдующими поколѣніями, для которыхъ станетъ доступнымъ несравненно болѣе развитое представленіе о томъ и о другомъ, хотя и это понятіе все еще будетъ несовершеннымъ“.

(„Отд. Хр.“).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Продолжается подписка на двухнедѣльный журналъ Черниговской епархіи

„ВѢРА И ЖИЗНЬ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе 6—7 печатныхъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: а) богословско-философскій отдѣлъ (научно-популярныя статьи по различнымъ вопросамъ православно-христіанскаго богословія и философіи), б) пастырско-миссіонерскій отдѣлъ (статьи по разнымъ сторонамъ и вопросамъ пастырской практики, проповѣди, бесѣды и т. п.), в) церковно-историческій отдѣлъ (статьи по церковной исторіи, археологіи и т. п.), г) литературно-педагогическій отдѣлъ (статьи по литературѣ, педагогикѣ, художественныя произведенія), д) церковно-общественный отдѣлъ (хроника мѣстной и общецерковной жизни, библіографія, смѣсь), е) официальная часть.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на полгода съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

АДРЕСЪ: Черниговъ, Духовная Семинарія. Редакція журнала „Вѣра и Жизнь“.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналъ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведения Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихриствѣ“. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналъ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ и ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производится по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заимать редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьновъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣяств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомино.